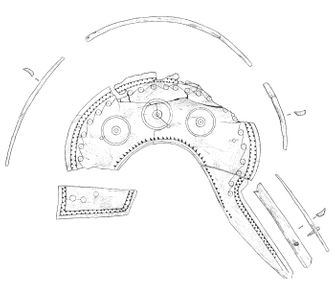
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

С.Н. БРАТЧЕНКО
М.В. КВИТНИЦКИЙ
М.Л. ШВЕЦОВ

КОЧЕВНИКИ РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ на Северском Донце

(по материалам исследований 1978 г. Донецкой экспедиции Института археологии)



КИЕВ • 2012

УДК 904’15 (477.61) “653”
ББК Т4 (4 Укр–4 Луг) 432. 196-431
К 75

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии НАН Украины (протокол № 6 от 14.06. 2012 г.)

Ответственный редактор:
член–корреспондент НАН Украины, профессор **А.П. Моця.**
Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор **В.В. Отрощенко.**
доктор исторических наук **С.О. Беляева.**
кандидат исторических наук **А.В. Комар.**

Печать книги осуществлена при финансовой поддержке Всеукраинской общественной организации «Союз археологов Украины».

Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л.
К 75 **Кочевники развитого средневековья на Северском Донце.** (по материалам исследований 1978 г. Донецкой экспедиции Института археологии). – Киев: ИА НАН Украины, 2012. - 150 с., 61 рис.
ISBN 978-966-02-6580-6

Монография посвящена вводу в научный оборот 25 кочевнических комплексов периода развитого средневековья исследованных в 1978 году на Правобережье Северского Донца в пределах Славяносербского района Луганской области. Проведена культурно-хронологическая интерпретация вещевых и погребальных комплексов. Рассмотрены детали погребальной практики и проведена обобщающая этнокультурная сравнительная характеристика. Предпринята попытка определить занимаемое место кочевой группы в общей системе половецкого общества.

Книга рассчитана на археологов, историков, краеведов, учителей, студентов и всех, кто интересуется историей Украинских земель.

УДК 904’15 (477.61) “653”
ББК Т4 (4 Укр–4 Луг) 432. 196-431

ISBN 978-966-02-6580-6

© Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л., 2012.
©Институт археологии НАН Украины, 2012.

Содержание

Предисловие..... 5

Погребальные комплексы кочевников исследованные в 1978 г. ***(Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л.)***..... 7

1.1. с. Смелое курган 1..... 7

1.2. с. Смелое курган 3..... 8

1.3. с. Смелое курган 4..... 9

1.4. с. Смелое курган 5..... 10

1.5. с. Пришиб курган 1..... 12

1.6. с. Пришиб курган 2..... 14

1.7. с. Пришиб курган 3..... 22

1.8. с. Знаменка курган 2..... 23

1.9. с. Сокольники курган 3..... 24

Культурно-хронологическая интерпретация погребальных и вещевых комплексов ***(Квитницкий М.В.)***..... 72

2.1. Принципы хронологической интерпретации и общая характеристика вещевых наборов..... 72

2.2. Детали женских головных уборов..... 74

2.3. Бусы, серьги и височные украшения..... 77

2.4. Лазуритовые и янтарная подвески..... 79

2.5. Ременная конская сбруя..... 80

2.6. Удила..... 81

2.7. Путовые застежки..... 83

2.8. Седла..... 83

2.9. Стремена..... 85

2.10. Детали плети..... 88

2.11. Кресало..... 89

2.12. Пряжки, ножи, ворварки..... 91

2.13. Глиняная и деревянная посуда..... 92

2.14. Накладка на лук..... 94

2.15. Наконечники стрел..... 95

2.16. Колчанные петли..... 96

2.17. Колчан..... 97

2.18. Сабли..... 98

2.19. Казан..... 99

2.20. Гривна..... 99

2.21. Повозки..... 101

2. 22. Реконструкция хронологических рамок погребений..... 102

Кочевнические комплексы в контексте деталей погребальной практики, этноатрибуции и места в кочевой степи ***(Квитницкий М.В.)***..... 115

3.1. Половозрастные определения и сезонность погребений..... 115

3.2. Типы могильных конструкций и особенности деталей погребальной практики..... 121

3.3. Время появления и занимаемое место в системе общества..... 124

Заключение..... 128

Резюме..... 130

Приложение 1. Краниометрические исследования черепов погребенных ***(Долженко Ю.В.)***..... 137

Литература и архивные источники..... 141

Предисловие

В 1978 году Донецкая экспедиция Института археологии Украинской ССР под руководством С.Н. Братченка провела охранные раскопки курганов в зоне сооружения Литвиновской и Амвросиевской оросительных систем в Луганской и Донецкой областях Украинской ССР. Могильники дали погребальные комплексы различных археологических периодов. Здесь интересны погребения катакомбной культуры, в том числе погребение литейщика. Захоронения переходного периода от эпохи средней к поздней бронзе (абашевского облика). Большая серия погребений раннего периода развития срубной культуры. Часть этих комплексов уже была введена в научный оборот. Среди массива погребений разных эпох отдельной группой выделяются кочевнические комплексы периода развитого средневековья. Захоронения выявлены в пределах сел Смелое, Пришиб, Знаменка, Сокольники Славяносербского района Луганской области и с. Петропавловка Амвросиевского района Донецкой области. В общей сложности в полевой сезон 1978 г. было исследовано 26 могил определяемых как кочевнические. Из них 25 располагались компактной группой на Правобережье Северского Донца в пределах Славяносербского района.

В период развитого средневековья, территория течения Северского Донца отыгрывала одну из важнейших ролей в процессе сложных взаимоотношений Половецкой Земли и Киевской Руси. Именно с частью территорий Северского Донца связаны основные упредительные степные походы русских князей в начале XII в. На этих холмистых равнинах произрастало то особое опоэтизированное «евшан - зелье» (полынь) - символ родной для кимако-кипчаков земли, которое побудило вернутся домой хана Атрака, даже несмотря на существующую угрозу уничтожения от русичей. Через эти земли в конце XII в. направлялся Новгород-Северский князь Игорь Святославович «искать славы». Северский Донец, по мнению Б.А. Рыбакова и С.А. Плетневой был центром Черной Кумании. Из здешних степных просторов исходили одни из основных импульсов кочевой степи во многом влиявшие в XII веке на ход истории Киевского, Черниговского, Переяславского, Новгород-Северского и других княжеств. Территории течения Северского Донца достаточно хорошо исследовались на рубеже XIX-XX вв. Г.А. Федоров-Давыдов упоминает о выявленных здесь 58 погребениях (Федоров-Давыдов, 1966, с. 256, 257). Масштабные новостроечные и мелиоративные работы 1960-х – 1980-х гг. в южных регионах СССР также коснулись этих земель и вновь вызвали проведение здесь научно - исследовательских работ. Представленные в данной работе комплексы, отображают результаты одного из таких исследований проведенных в 1978 году. Публикуемые погребения, конечно же, не исчерпывают всю полноту археологических источников полученных в бассейне Северского Донца, но в тоже время они представляют одну из важных частей археологического материала накопленного в ходе работ Донецкой и других экспедиций в указанном регионе.

Вновь выявляемые материалы не сразу удавалось вводить в научный оборот, и в этом не всегда была вина исследователей. Как справедливо отметил Я.П. Гершкович: «…многомесячные экспедиции просто выматывали их сотрудников, которые нередко

вынуждены были забыть про свою исключительно научную карьеру…» (Гершкович, 2001, с. 165, 166). Лишь сейчас начали «доходить руки» до издательства и первичного осмысления материалов у сотрудников новостроечных экспедиций. Наша работа над книгой, к сожалению, была омрачена преждевременной смертью одного из авторов, начальника Донецкой археологической экспедиции – Станислава Никифоровича Братченко.

Целью данной работы, является в первую очередь полный ввод в научный оборот, достаточно ярких кочевнических комплексов исследованных в полевом сезоне 1978 года. Собственно этот основной стержень задачи работы и предопределил структурное построение книги. Первая глава посвящена полной публикации материалов раскопанных средневековых погребений на Северском Донце. Работу над ней провели С.Н. Братченко, М.В. Квитницкий и М.Л. Швецов. По существу это продолжение начатого М.Л. Швецовым систематического ввода изученных погребений бассейна Северского Донца в научный оборот (Швецов, 1984). Вместе с этим достаточно яркий и разнообразный материал не позволил ограничиваться сугубо «отчетным» вариантом издательства. Последующие два раздела, подготовленные М.В. Квитницким, отображают комментарии относительно хронологии, деталей погребальной практики и определению, в общей системе кочевого общества, занимаемого места кочевников оставивших эти погребения. Пристального внимания также заслуживает авторское исследование Ю.В. Долженко, посвященное антропологической краниоскопической характеристике погребенных. Несмотря на то, что краниоскопия, как метод, только делает первые шаги в изучении антропологических коллекций в Украине, а половецкая серия этим методом изучалась впервые, были сделаны интересные выводы. Полученные результаты исследования позволяют уверенно говорить об азиатском происхождении группы, с некоторой примесью европеоидности, что подтверждает ранее сделанные краниологические выводы А.Е.Шепель. Наиболее близко к исследованной группе стоит антропологическая серия могильника Мамай-Сурка.

Данная работа была бы не возможной и не полной без активной, связующей, поддержки старшего научного сотрудника отдела эпохи энеолита – бронзы ИА НАН Украины – Якова Петровича Гершковича. Искренне благодарны ему за помощь и оказанную поддержку при выполнении работы.

Большое значение, при проведении сравнительного анализа, имела возможность ознакомления с группой не всегда доступной современной российской научной литературы связанной с кочевнической проблематикой. Выражаем искреннюю признательность старшему преподавателю Сибирской государственной геодезической академии в Новосибирске - Сергею Пилипенку и научному сотруднику группы средневековой археологии евразийских степей ИА РАН – Виктору Чхаидзе за помощь в ознакомлении с труднодоступными российскими научными источниками.

Время, конечно же, даст свою оценку представленному здесь результату проведенной работы по хронологическим определениям и характеристике деталей кочевнических комплексов. Накопление научного опыта всегда вносит свои коррективы в ранее проведенные работы. Но вместе с этим исследователям средневековых кочевников добавится частица к твердой научной базе в виде конкретных погребений, без условностей и вырванного контекста, опираясь на которые можно аргументировано отстаивать те либо иные позиции в проблематике истории кочевой степи.

М.В. Квитницкий

Братченко С.Н., Квитницкий М.В., Швецов М.Л.

Погребальные комплексы кочевников развитого средневековья исследованные в 1978 г.

Работы Донецкой экспедиции в Луганской области проводились в период с 10 мая по 1 октября. Курганы у с. Смелое исследовали: А.М. Смирнов (курган 1), Я.П. Гершкович (курган 3), А.С. Шкрабан (курган 4) и Т.Ю. Гошко (курган 5). Курганы у с. Пришиб раскапывали В.К. Кульбака (курган 1), Я.П. Гершкович, А.М. Смирнов, В.Н. Левченко и Л.Ф. Константинеску (курган 2). Курган 2 у с. Знаменка исследован В.Н. Левченко а курган 3 у с. Сокольники - С.Н. Санжаровым. В исследовании ряда кочевнических погребений активно участвовал М.Л. Швецов.

Описание погребений дается по группам вытянутым вдоль течения Северского Донца с юга на северо-запад. Курганы расположены на плато правого высокого берега р. Северский Донец. Между собой курганная группа у с. Смелое и группа с. Пришиб разделены достаточно глубокой и широкой балкой Казачёк, вытянутой устьям к течению реки с юго–запада на северо–восток. В свою очередь курганы у с. Пришиб и у сел Знаменка и Сокольники также отделены небольшой широкой балкой, которая впадает устьем к руслу реки в северо-восточном направлении (*Рис. 1*). Все выявленные погребения являлись впускными в насыпи более ранних эпох. Ниже приводим описание кочевнических погребений и выявленного инвентаря.

1.1. с. Смелое курган 1

Располагался с западной стороны грунтовой дороги х. Пришиб – Смелое в 1 км к югу от балки. Полы насыпи в значительной степени срезаны пахотой, вершина не распахивалась. Диаметр сохранившейся части кургана 15 м, высота 1,7 м. Насыпь состояла из двух частей; - нижней в виде возвышения из серого сыпучего грунта с кусками погребенной почвы (северная часть была сложена из суглинка и мешаного грунта) и верхней из однородного серого грунта. Под дерном по всей насыпи прослежена наброска из камней известняка разных размеров.

Погребение 2 (кочевническое) (*Рис. 2/1*). Впущено в центр насыпи, зафиксировано на уровне 2,6 м от нулевого репера и уровня дневной поверхности. Прослеживалось с уровня погребенной почвы по плахам, закрывавшим подбой (*Рис. 3*). Входная яма прямоугольной формы размером 2,5×0,6 м ориентирована по оси северо-восток – юго-запад. С северной стороны, на уровне 2,35 м от нулевого репера, расположена ступенька шириной 0,4 м. На ней находился полный скелет взнузданного и оседланного коня с поджатыми под себя ногами (*Рис. 4/2*; *5/1*). Конь ориентирован черепом на юго-запад. Между челюстями располагались остатки удил с большими плоскими в сечении кольцами (10), по бокам лежали стремена (9), на спине было седло (8) (*Рис. 5/2*), рядом с которым лежала подпружная пряжка (11). Подбой располагался с южной стороны, вход перекрывали плахи из расщеплённых на две три части стволов дуба и березы. Длина составляла 0,9-1 м, ширина 0,1-0,15 м, нижним концом они упирались в угол у дна подбоя. Не исключено, что такая конфигурация перекрытия образовалась вследствие обвала свода подбоя.

Подбой размером 2,4×0,8 м (свод не сохранился) (*Рис. 4/1*), ориентирован, как и

входная яма по линии северо-восток – юго-запад. На дне находилась дубовая колода с крышкой прямоугольной формы размером 2×0,5 м, со слегка округленными углами. По бокам крышки находились пазы для крепления к колоде. Колода представляла собой ствол дерева с полностью продольно выбранной сердцевиной, по краям располагались пазы для крепления торцевых стенок. В колоде находился скелет взрослого мужчины вытянуто на спине, ориентирован черепом на северо-восток (*Рис. 6*). Правая рука вытянута вдоль таза, кисть левой лежала на тазу. Справа у плеча находилась серебряная серьга (7), у локтя и под кистью пряжки (4). В кисти правой руки находилась часть витой железной гривны (3)[1] (*Рис. 7/2*), слева, от плеча к ногам, на руке находилась сабля (1). Между ног у таза лежало кресало (2), а в ногах, у края колоды, стояла деревянная чаша – черпачок (5). Кроме этого в заполнении перекрытия подбоя найден спинной шип рыбы (13), слева от скелета мужчины, выше локтя находилась бронзовая шаровидная пуговичка (6), в районе расположения сбруи коня найдена костяная ворварка (14).

1. Однолезвийная слабоизогнутая сабля со слегка отклоненной от оси рукоятью. Ножны деревянные с двумя железными портупейными пряжками. Общая длина 1,22 м, ширина в средней части 5 см, длина клинка 1,06 м (*Рис. 10/ 3, 5, 6, 9*).

2. Кресало, сохранилось фрагментарно, взят обломок прямоугольной формы длиной 3 см (*Рис. 10/1*).

3. Обломок железной гривны из слабо скрученного дрота (*Рис. 10/8*).

4. Пряжка железная круглой формы диаметром 2,5 см, сохранился язычок длиной 2,5 см (*Рис. 10/2*).

5. Деревянная чаша-черпачок с ручкой. Высота 8 см, диаметр по венчику 14,5 см, диметр по дну 7 см. Стенки окрашены широкими полосами в красный, коричневый и чёрный цвета (*Рис. 2/2*).

6. Медная пуговичка с ушком, общая высота 1 см, максимальный диметр 0,4 см (*Рис. 10/11*).

7. Серьга из серебряной круглой в сечении проволоки. Диаметр 2,2 см, сечение – 0,1 см (*Рис. 10/4*).

8. Седло деревянное 40×35 см с высокой передней и низкой задней лукой. Задняя лука съемная, отделанная костяными обкладками в виде узких пластин с косой насечкой (*Рис. 7/1*). Боковые луки крепились к деревянной раме. Части седла соединены при помощи кожаных ремней (*Рис. 8; 9*).

9. Стремена арочной формы, верхняя часть не сохранилась. Подножка овальная в плане. Длина 13,2 см, ширина 12,5 см. (*Рис. 2/3*).

10. Кольца от удил (?) из железных пластин, диаметр 12 см, (в сечении 2,2 см) (*Рис. 10/13*).

11. Подпружная пряжка – кольцо со штифтом диаметром 1,5см, в сечении 0,5 см (*Рис. 10/14*).

12. Круглое железное кольцо (подпружная пряжка) диаметром 3 см (*Рис. 10/7*).

13. Спинной шип рыбы (*Рис. 10/12*).

14. Костяная сбруйная ворварка орнаментирована насечками, по средине отверстие (*Рис. 10/10*).

1.2. с. Смелое курган 3

Насыпь округлой в плане формы вытянутой по линии запад – восток. Высота 2,5 м от уровня современной поверхности, диаметр около 25 м. Полы кургана распаханы, в центре и северо-восточной поле расположена впадина от современного перекопа, шириной до 4 м. На поверхности встречаются камни мергеля. По центру впущена современная яма, которая прослеживалась до уровня 2,4 м от нулевого репера. Верхняя часть насыпи состоит из гумусированного суглинка толщиной 1,5 м с камнями мергеля на поверхности. Нижняя сложена супесью и кусками дер-

[1] На этапе полевых исследований, указаный предмет был воспринят, как часть витой жгутом плети, что нашло свое отображение в отчёте об исследованиях.

на с разрывом в центре длиной 5 м.

Погребение 6 (кочевническое). (*Рис. 11/1*) Впущено под углом 78º (восток-юго-восток) в 5 м от центра насыпи. Зафиксировано на уровне 1,7 м от нулевого репера, дно прослежено на уровне 2,7 м от нулевого репера (2,4 м от современной поверхности). Могильная яма подпрямоугольной формы, ориентирована по линии юго-запад - северо-восток. Вся её юго-западная часть срезана современным перекопом. В северо-западной части расположена ступенька высотой 0,4 м и шириной 0,4 м. На ступеньке в анатомическом порядке расположены задние конечности коня отделенные по туловище. Исходя из расположения костей, лошадь была ориентирована на юго-запад. Справа от ступеньки на дне могилы зафиксированы остатки колоды шириной 0,5 м. В колоде лежал скелет мужчины на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Погребённый ориентирован на юго-запад. У коленного сустава левой ноги найдена костяная ворварка (1), вдоль берцовой кости лежали пластины от колчана (2), железная пряжка (3) и костяные петли (4). У северо-западной стенки колоды найдено два костяных наконечника стрел (5). Справа от скелета находилась железная сабля (6). Между берцовыми костями располагался железный нож (7). На ногах прослежены остатки кожаной обуви.

1. Ворварка костяная с круглым отверстием по центру, украшена врезными линиями в виде углов и циркульным орнаментом (*Рис. 11/5*).

2. Костяные пластины от колчана. Примерная длина целой пластинки составляет 0,5 м. Внешняя поверхность заполирована, на расстоянии 5 см друг от друга расположены круглые маленькие отверстия для крепления (*Рис. 11/6*).

3. Пряжка железная с язычком, круглой формы диаметром 2,8 см, внутренний диаметр 0,9 см (*Рис. 11/8*).

4. Две костяные колчанные петли, удлиненной формы с ровным основанием, скошенными сторонами и выпуклой вершиной. Поверхность заполирована, с внешней стороны украшены циркульным орнаментом (*Рис. 11/2*).

5. Два костяных трехгранных наконечника стрел с удлиненной внутренней втулкой (*Рис. 11/3, 4*).

6. Фрагмент нижней части сабли с железным наконечником ножен. Длина сохранившейся части 0,6 м, ширина 5 см (*Рис. 11/9*).

7. Железный черешковый нож с остатками деревянной рукояти и с упором у основания лезвия. Общая длина 14,7 см, ширина лезвия 2 см, длина черенка 2,5 см (*Рис. 11/7*).

1.3. с. Смелое курган 4

Насыпь округлой в плане формы слегка вытянута по линии запад – восток. Диаметр 20 м, высота 0,6 м, на распахиваемой поверхности встречались мергелевые камни. Насыпь гумусированная однородная. Под слоем пахоты с уровня 0,3 м до 0,6-0,65 м прослежен кромлех из мергелевых камней диаметром по внешнему краю 10 м. Ширина кольца 1,5 м, размер камней в среднем 25×15×10 см. Вокруг кромлеха в предматерике заметна выемка шириной 0,5 и глубиной 0,2 м.

Погребение 2 (кочевническое). (*Рис. 12*) Впущено в насыпь по центру на уровень 1,9 м от нулевого репера и современной поверхности. Входная яма подпрямоугольной формы размером 2,9×1 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Заполнение входной ямы состояло из смешанного с черноземом суглинка. В заполнении, во взвешенном состоянии, встречались обломки деревянных плах перекрытия, камни, тазовая, лучевая и локтевая кости правой руки человека. В юго-восточной стенке расположен подбой размером 2,8×0,75 м. Перед входом в подбой находились череп и часть конечностей коня, ориентированного на восток-северо-восток. При расчистке входа зафиксированы остатки наклонно стоящих плах, которые перекрывали вход

в подбой. Свод подбоя обрушился, на дне располагалась колода размером 2,25×0,57 м. Конструкция колоды имела две торцевые поперечные плахи (у головы и ног) а также перекрытие, поврежденное посредине.

В колоде лежал скелет взрослого мужчины, вытянуто на спине, ориентирован черепом на восток-северо-восток. Руки лежали вдоль туловища, локтевая и лучевая кости правой руки, правая часть тазовой кости, бедренная кость правой ноги отсутствуют. Эти кости фиксировались в заполнении входной ямы. Череп человека находился значительно выше уровня дна. Погребение вероятно потревожено грабителями либо крупными землеройными животными. Слева, вдоль туловища находилась железная сабля (1), рядом на тазовой кости лежали остатки кожаного мешочка (2) с оселком (3). Под тазовой костью находился обломок наконечника стрелы (4), а на ногах прослеживались остатки кожаной обуви (5). Вдоль туловища с правой стороны находилось деревянное кнутовище (6), в заполнении входной ямы встречались фрагменты керамики (7).

1. Железная слабоизогнутая сабля плохой сохранности. Сохранилась правая часть перекрестия, которое выступало на 2 см и имело ширину 1,5 см. Клинок в деревянных ножнах, перехваченных на расстоянии 38 см от перекрестия портупейной железной пряжкой. Такая же пряжка находилась в начале ножен. Длина сабли 1,17 м, ширина в средней части 5 см, толщина в ножнах 3 см, длина ручки 14 см, в сечении елипсовидной формы (*Рис. 13/1а, 1, 3*).

2. Кожаный мешочек продольно сшит из тонких полосок кожи длиной около 16 см. Вверху стягивался с помощью ремешка продетого сквозь отверстия. Часть отверстий с круглыми кожаными нашивками диаметром 1,4 см (*Рис. 13/1а(3)*).

3. Каменный оселок серого цвета, прямоугольной формы с закругленными углами. Длина 9,3 см, ширина 2,9 см, толщина 1,2 см (*Рис. 13/4*).

4. Железный ланцетовидный наконечник стрелы с обломанным черенком, линзовидный в сечении. Длина 7 см, ширина 1,5 см (*Рис. 13/5*).

5. Кожаные голенища сапог с отворотами и фрагментами подошвы темно-серого цвета. Длина 38 см, длина отворота левого голенища 18 см, правого голенища 11 см (*Рис. 13/6*).

6. Кнутовище деревянное длиной 43 см, диаметром 1,5 см. Сохранилось фрагментарно (*Рис. 13/2*).

7. 7 фрагментов лепного сероглиняного сосуда. Черепок на изломе чёрный, глиняное тесто с примесью шамота.

1.4. с. Смелое курган 5

Насыпь распахивалась, высота 0,4 м, диаметр 20-25 м. В стратиграфическом разрезе центральной бровки с уровня 0,75 м от нулевого репера прослеживались материковый суглинок, погребенная почва толщиной 0,3 м и собственно насыпь высотой 0,4 м.

Погребение 4 (кочевническое) (*Рис. 14/1*). Впущено в 3 м на юг от нулевого репера. Располагалось на глубине 1,5 м от нулевого репера. входная яма подпрямоугольной формы размером 2,9×0,3 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Вдоль северо-западной стенки на уровне 1,25 м расположена ступенька шириной 0,25 м. на ступеньке в анатомическом порядке разложены череп и отделенные по туловище конечности взнузданного коня. Лошадь ориентирована на юго-запад. Между челюстями находились удила (1), сбоку на черепе лежало три нащечных бляшки (2). На костях передних конечностей лежали стремена (3), рядом на деревянном перекрытии находилась костяная застежка от путлища (4).[2]

Подбой располагался под юго-восточной стенкой, размером 2,9×1 м, свод обвалился. Вход в подбой перекрывали поставленные под уклоном плахи. Длина плах 0,75-0,8 м,

[2] Изначально этот предмет был воспринят, как «костяная подпружная пряжка», что нашло свое отображение в отчёте об исследованиях.

ширина 0,15-0,25 м, толщина 0,02 м. В камере располагалась колода с крышкой. Размер гробовища 2,2×0,75 м, толщина 0,2 м. Посредине крышки прослеживался пролом. В колоде лежал скелет взрослого человека вытянуто на спине, головой ориентированного на северо-восток. На костях фиксировались остатки ткани. Череп и грудная клетка были несколько повернуты влево. На черепе находились остатки кожи от головного убора и фрагмент серебряной бляшки с позолотой (5). Два фрагмента подобной бляшки были выявлены у кисти правой руки. За головой находился железный нож (6), от плеча до стоп лежала железная сабля (7). На ногах фиксировались остатки кожи от сапог. При входе в камеру, у колоды лежали остатки лука (13, 14) и колчана с костяными фигурными обкладками[3] (8-12) и четырьмя стрелами (15, 16).

1. Железные удила плохой сохранности с небольшим кольцом. Диаметр кольца 4,3 см, в сечении круглое диаметром 0,7 см (*Рис. 14/5*).

2. Три круглые нащечные (?) бляхи, сделаны из свинца на медной проволочной основе, в центре циркульный орнамент. Диаметр 3,8 см, 4 см, 3,8 см (*Рис. 14/2*).

3. Два железных стремени арочной формы, сохранность плохая, подножка прямая, широкая.

4. Костяная застежка для путлища. Подпрямоугольной формы с сужающимися концами, посредине отверстие прямоугольной формы для ремешка. Размер застежки 6,8×1,8 см, отверстия - 2×0,5 см (*Рис. 14/3*).

5. Фрагменты серебряных с позолотой бляшек от головного убора и рукавов.

6. Фрагменты железного, сильно окислившегося, ножа размером 6,5×1,3 см (*Рис. 14/6*).

7. Железная однолезвийная, слегка изогнутая, сабля. Угол изгиба 6º. Рукоять и перекрестие не прослеживались (возможно, не сохранились). Общая длина клинка 1,11 м, ширина 4 см.

8. Остатки колчана, прослеживались по тлену конусообразной формой, с расширением ко дну. Длина 0,7 м. Колчан состоит из деревянного каркаса покрытого берестой, и обтянутого кожей. От днища сохранилась деревянная пластина размером 16×2 см, ширина днища 19,5 см (*Рис. 15/3*).

9. Пряжка колчанная круглой формы, диаметром 5 см, сделана с железного, круглого в сечении дрота диаметром около 1 см. Язычок удлиненный длиной 10 см, ширина 1,2 см (*Рис. 15/2*).

10. Два фрагмента широких костяных пластин в форме усеченного конуса, от верхней части колчана. В широкой части оканчиваются четырьмя пальцевидными отростками, которые в свою очередь увенчаны кругом. на пластинах просверлены отверстия диаметром 4 см. Украшены прорезным линейным и циркульным орнаментом. Пластина 1; длина 15,1 см, длина отростков 4,3 см, диаметр кружка 1,4 см. Пластина 2; длина 13,9 см, длина отростков 4,2 см, диаметр кружка 1,3 см (*Рис. 15/3а*).

11. Боковая обкладка колчана в виде узкой длинной костяной пластинки с крючком на конце. Украшена прочерченным линейным и циркульным орнаментом. Для крепления к колчану проделаны отверстия, в которые вставлялись костяные гвоздики. Длина 34,4 см, ширина 1,3 см, диаметр отверстий 3 мм.

12. Костяная пластина с колчана дуговидной формы размером 7,1×3,5 см. По краю орнаментирована прорезной линией, по средине четырьмя кругами (*Рис. 15/3а*).

13. Лук простой конструкции. Сохранилась деревянная основа длиной 41 см, толщиной 2,2 см, шириной 1 см (*Рис. 15/1*).

14. Две костяные срединные накладки на лук; 12×2,6 см и 12,2×2,6 см.

15. Два железных черешковых ромбических наконечника стрел с удлиненной нижней частью. 1) Длина сохранившейся части 3 см, длина сохранившейся части черешка 2 см, сечение 0,4 см. 2) Длина сохранившейся части пера 2 см, ширина 1,5 см, длина черенка 2 см, сечение 0,4 см (*Рис. 14/4*).

16. Железный листовидный наконечник

[3] Изначально исследуемая группа предметов была воспринята, как остатки типа скифского горита – сумки-пенала с вложенными в нее луком и стрелами, что нашло свое отображение в отчёте об исследованиях.

стрелы со слегка удлиненными верхними ударными гранями. Длина пера 5 см, ширина 1,8 см, длина черенка 4,3 см, сечение черенка 0,5 см (*Рис. 14/4а*).

1.5. с. Пришиб курган 1.

Курганная насыпь распахана, сохранился в высоту на 0,3 м, прослеженный диаметр 2025 м. В стратиграфии прослеживались гумусированая насыпь, которая сливалась с погребенной почвой и материковый суглинок с уровня 0,5-0,6 м от нулевого репера. Материковый суглинок на 0,5-0,6 м прорезан кольцевым ровиком диаметром 11,5 м, по внешнему краю, шириной 1 м и глубиной 0,8-0,9 м от древнего горизонта. Ровик, очевидно, связан с несохранившимся ямным погребением.

Погребение 6 (кочевническое)

(*Рис. 16*). Впущено на расстоянии 4 м на север от центра кургана, угол 0-35º. Располагалось на уровне 0,93 м от нулевого репера. Входная яма подовальной формы 2,5×0,4 м. В южной стенке расположен подбой, на 0,4 м ниже уровня обнаружения входной ямы. Свод подбоя обвалился, в заполнении фиксировались просевшие плахи перекрытия. В западной части подбоя на плахе выявлена серьга (1). Подбой овальной формы размером 2,9×0,9 м, сохранившаяся высота 0,35 м. На дне подбоя остатки решетчатого гробовища в виде ряда плах длиной 0,5 м и шириной 0,1 м. На плахах лежал костяк взрослого человека вытянуто на спине головой на запад. Под черепом находилась серьга (2), у ног остатки седла (3), два железных стремени (5) и удила (4) (*Рис. 18/2*).

1, 2. Височное незамкнутое кольцо в полтора оборота. Диаметр 3 см, сечение 0,5 см. Изготовлено из серебра залитого свинцом (*Рис. 17/5*).

3. Седло сохранилось фрагментарно, от седла взята костяная обкладка лицевой стороны передней луки. Центр ее украшен тремя кругами с вписанными в них элементами циркульного орнамента. Верхний край пластины украшен циркульным орнаментом и двумя параллельными линиями с насечкой и чернением между ними. Нижний край орнаментирован одной линией с насечками и чернением. Края передней и задней луки седла обрамлены костяными обкладками. Костяные украшения седла крепились к деревянной основе костяными шпильками-гвоздиками. Высота обкладки передней луки 7 см, ширина 17 см (*Рис. 17/1, 3*).

4. Фрагменты двусоставных удил с малыми трензельными кольцами. Диаметр кольца 4 см, длина грызла до 7 см (*Рис. 17/4*).

5. Фрагменты двух стремян арочной формы с расплющенной верхней частью дужки и не выделенной петлей. Подножка узкая овальная в плане. Высота стремени 12 см, ширина подножки 4 см (*Рис. 17/2*).

Погребение 7 (кочевническое)

(*Рис. 19/1*). Впущено на расстоянии 5,5 м на север от центра насыпи под углом 18-350º. Располагалось на уровне 1,04 м от нулевого репера и дневной поверхности. Ориентировано по линии восток-запад. Входная яма овальной формы длиной 2,5 м, шириной более 0,25 м (сохранилась лишь нижняя часть) заканчивается ступенькой, ведущей в подбой. На ступеньке и перед входом в подбой располагался неполный скелет коня ориентированного на запад. В западной части лежал череп, в восточной отделенные по туловище задние конечности. Между челюстями были остатки железных удил (8), рядом лежала костяная ворварка, у задних конечностей остатки деревянного седла с костяными обкладками (*Рис. 19/2*). Рядом с седлом находилась пара стремян (4), две железные пряжки (1), костяные пуговицы (3, 4), украшавшие сбрую заклепки (из олова ?) и бронзовая скрепка.

Подбой овальной формы 2,75×0,85 м, высота более 0,4 м, свод не сохранился. Заслон входного отверстия не прослежен. В подбое находилась колода несколько неправильной прямоугольной формы размером 2,2×0,5 м, высота 0,25 м. Толщина стенок 3 см, дна 5-7 см, восточной торцевой стенки 25 см. Сверху на колоде лежала крышка, в

юго-западном углу на ней находилась бронзовая подвеска. В изголовье остатки крышки отсутствовали. На дне колоды лежал скелет взрослого человека (женщины) вытянуто на спине, головой ориентирован на запад, руки вытянуты вдоль туловища. Кости грудной клетки смещены (часть их находилась в изголовье). У черепа погребенной находилось очелье (13), бусы (10-15) (*Рис. 19/3*), бронзовая подвеска, среди ребер железный нож (18), рядом антропоморфная статуэтка из мела (17).

1. Круглая железная пряжка от сбруи плоская в сечении. Диаметр 5 см, толщина сечения 0,25 см (*Рис. 20/3*).

2. Округлая железная пряжка от сбруи, задняя стенка почти прямая. Длина пряжки 3,5 см, сечение 0,3 см, язычок обломан (*Рис. 20/2*).

3. Костяная сбруйная ворварка, украшена по центру циркульным орнаментом, диаметр 3 см (*Рис. 20/7*).

4. Костяная сбруйная ворварка, украшена по краю насечками, диаметр 2 см (*Рис. 20/8*).

5. Стремя арочной формы, с расплющенной верхней частью, которая образует правильную дугу, дужка не выделена. Подножка узкая, слегка выгнутая. Высота стремени 12 см, ширина подножки 4 см (*Рис. 20/1*).

6. Фрагменты удил с малыми трензельными кольцами (*Рис. 20/5*).

7. Костяные обкладки от седла.

8. Украшение сбруи в виде заклепок. Изготовлены из олова (?). Диаметр шляпки 1 см (*Рис. 20/6*).

9. Очелье представлено частью головного убора в виде рогов. Изготовлено из деревянного прута, обтянутого простой тканью, а за тем парчою. Поверх парчи нашиты тонкие позолоченные пластины в форме полудуг длиною до 4 см, шириною 1 см. Размер одного из рогов 20×4 см (*Рис. 21*).

10. Бусы ромбической формы из темно-синего стекла, диаметр 1 см (*Рис. 20/11*).

11. Бусина реберчатая из темно-синего стекла (*Рис. 20/14*).

12. Бусины реберчатые из мутного стекла желтоватого цвета (*Рис. 20/14*).

13. Бусины реберчатые желтые (*Рис. 20/14*).

14. Малая глазчатая бусина из стеклопасты диаметром 0,5 см (*Рис. 20/12*).

15. Большие шаровидные глазчатые бусы с мозаичными вставками 3 штуки. Диаметр 1,2 см (*Рис. 20/13*).

16. Круглые незамкнутые серьги диаметром 3 см, сделаны из медной позолоченной трубки.

17. Антропоморфная фигурка из мела с четко выделенной шеей и плечами, размером 3,5×3 см (*Рис. 20/9*).

18. Фрагмент железного ножа подтреугольной в сечении формы. Длина 6 см (*Рис. 20/4*).

Погребение 8 (кочевническое) (*Рис. 22/1; 23/1*). Впущено на расстоянии 2,8 м на восток-юго-восток от центра кургана под углом 85-112º. Располагалось на уровне 1,05 м от нулевого репера. Могильная яма овальной формы размером 2,6×1 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. На дне находился скелет взрослого человека (женщина) вытянуто на спине, ориентирован головой на юго-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Под конечностями прослеживались деревянные плахи, вероятно остатки от решетчатого гробовища. Возле черепа найден бронзовая пуговичка (5), у пояса кусочек мела (3). Ниже грудного отдела выявлена ромбовидная (антропоморфных очертаний) подвеска из ляпис-лазури (4). У правой бедренной кости лежал железный нож (6), слева у ног находился развал глиняного сосуда (1), кусок каменного угля (2), серебряная (8) и позолоченная серьги (7).

1. Гончарный сосуд с короткой, резко отогнутой шейкой и прямым венчиком. Глиняное тесто хорошо вымешано, обжиг чёрного цвета. Высота 15 см, диаметр по венчику 11 см, диаметр плечиков 15см, диаметр донышка 7 см (*Рис. 22/7*).

2. Уголь – кусочек необработанного антрацита размером 3×3×1,5 см (*Рис. 22/8*).

3. Мел – необработанный кусочек размером 5×4×1,5 см (*Рис. 22/8*).

4. Подвеска из ляпис-лазури антропоморфных очертаний (*Рис. 22/5*).

5. Бронзовая пуговичка диаметром до 0,5 см (*Рис. 22/2*).

6. Железный нож со следами деревянных ножен. Лезвие с прямой спинкой, подтреугольное в сечении. Длина 11 см, длина лезвия 7,2 см, ширина сечения в корродированном состоянии до 1 см (*Рис. 22/4*).

7. Круглая серьга из позолоченной бронзовой трубочки диаметром 3 см (*Рис. 22/6*).

8. Серебряная серьга в виде маленького незамкнутого кольца из проволоки сечением до 0,1 см (*Рис. 22/3*).

1.6. с. Пришиб курган 2.

Курган наибольший в группе, высота 2 м от уровня современной поверхности. В плане овальной вытянутой формы размером около 100×60 м, ориентирован по линии запад – восток. Большая часть насыпи, особенно западная треть, подвергалась распашке. На поверхности в восточной части мелкая известняковая крошка. Стратиграфические наблюдения позволили проследить несколько насыпей, которые в результате естественной деформации приобрели форму «длинного кургана».

Насыпь 1 состоит из серого гумуса с суглинистым грунтом (срытый предматерик) и кусками дерна в нижней части. В центре сооружение из камней известняка, которое в плане имело форму дуги. Основание камней на земляном валу из кусков дерна и предматерика высотой от 20 до 70 см. В центре дуги погребение культуры многоваликовой керамики. В северной части впускное кочевника.

Насыпь 2 в северной части состоит из кусков дерна и предматерикового грунта, а с южной из камней, образующих сооружение вытянутой треугольной формы со сложным рельефом. В виде двух соединительных валов, вытянутых по линии запад-восток, к которым с юга примыкают две каменные выкладки. Несколько прослоек соответствуют заключительному этапу создания насыпи после совершения погребения 34 к югу от сооружения.

Погребение 2 (кочевническое)

(*Рис. 23/2*; *24/1*). Впущено в 16 м на запад-юго-запад от центра под углом 265º. Располагалось на уровне 1,41 м от нулевого репера (0,6 м от современной поверхности). Перекрытием погребения служила перевернутая часть повозки с двумя колесами. Общая длина 2,2 м, ширина 1 м. От колес сохранились ступицы из массивных бревен и радиально расходившиеся от них деревянные спицы длиной 45-50 см и толщиной 3-4 см. Длина ступиц: западная 0,55 м, восточная 0,41 м, внутри ступицы полые. Западная ступица была обработана в центре. Под повозкой находился скелет взрослого мужчины на решетчатом гробовище. Костяк вытянут на спине, ориентирован черепом на северо-запад, руки расположены вдоль туловища. Слева, вдоль корпуса, находилась сабля (1), справа на руке лежал колчан длиной 85 см. Конструкция колчана состояла из деревянных прутьев обтянутых берестой и двух железных петель (2) для крепления. Между петлями находилась пряжка (3). В устье колчана лежало четыре наконечника стрел; один костяной (4) и три железных (5). Ниже колчана, у правой бедренной кости, лежал нож (6). Также у правой ноги зафиксированы фрагменты лука, от которого сохранились две костяные срединные накладки (7) и часть деревянной основы. У стоп находилось стремя (8) рядом с которым лежали пряжка с язычком и удила (9).

1. Железная однолезвийная слегка изогнутая сабля в деревянных ножнах с двумя портупейными пряжками. Перекрестие прямое, общая длина 1,24 м, длина клинка 1,09 м (*Рис. 24/5*).

2. Железные петли от колчана с двумя штифтами для крепления к деревянной основе. Длина 8,5 см (*Рис. 24/6*).

3. Железная пряжка круглой формы с прямым язычком. Сделана из квадратного в сечении дрота. Диаметр 3 см, длина язычка 3,2 см (*Рис. 24/4*).

4. Костяной втульчатый наконечник четырехгранной формы. Длина 4 см, размер сечения 1 см (*Рис. 24/7*).

5. Плоский железный треугольный наконечник стрелы с жаловидными отростками. Длина 4 см; Четырехгранный железный наконечник, длина пера 6 см, длина черешка 3 см, сечение 0,7 см; Листовидный наконечник с выделенной нижней гранью, длина пера 7,5 см, черешка 8,5 см (*Рис. 24/9-11*).

6. Железный нож с прямым подтреугольным в сечении лезвием. На рукояти следы дерева. Длина 14 см, длина лезвия 9,5 см (*Рис. 24/8*).

7. Костяные срединные накладки на лук прямоугольной формы. На одной прослежено след от связывающих жил. Длина 12 см, ширина 2,5 см, толщина 0,1 см (*Рис. 24/3*).

8. Железное стремя арочной формы с расплющенной верхней дужкой и слегка выступающей петлей. Подножка овальная в плане слегка прогнута по центру. Высота стремени 15 см, ширина подножки 5 см (*Рис. 24/2*).

9. Фрагменты от железных двусоставных удил с небольшими кольцами. Диаметр колец 5 см (*Рис. 24/12*).

Погребение 4 (кочевническое)

(*Рис. 25*). Впущено в 38,5 м на запад-юго-запад от центра кургана под углом 270º. Располагалось на уровне 1,21 м от нулевого репера (0,7 м от современной поверхности). Перекрытие прослежено на уровне 1,18 м от нулевого репера, состояло из плашек шириной 7-10 см. Под ним находился скелет взрослого человека вытянуто на спине черепом ориентированный на запад. Руки вытянуты вдоль туловища. Правая нога немного согнута в колене. В ногах находился глиняный сосуд (1), ниже колена левой ноги фрагмент бронзового кольца (2). В области таза стеклянная бусина (3), поясное кольцо (4) и нож (5).

1. Выпуклобокий горшок вытянутых пропорций со слабо профилированной шейкой. Поверхность светло-красного цвета со следами копоти. Высота 12,5 см, диаметр по венчику 10,8 см, диаметр по плечикам 12,8 см, диаметр донышка 8,6 см (*Рис. 25/2*).

2. Фрагмент бронзового кольца, в сечении подтреугольное. Диаметр 2 см, толщина сечения 0,2 см.

3. Плоская стеклянная бусина желтого цвета с отверстием в центре. Диаметр 1,5 см, толщина сечения 0,25 см.

4. Железное поясное кольцо диаметром 3,5 см, толщина сечения 0,7 см.

5. Фрагментированный железный нож с подтреугольным в сечении лезвием. На черенке прослеживаются остатки деревянной рукояти. Длина 10 см, ширина 1,2 см.

Погребение 5 (кочевническое)

(*Рис. 26/1*). Впущено в 41 м на запад-юго-запад от центра насыпи, под углом 267º. Находилось на уровне 1,55 м от нулевого репера (0,7 м от современной поверхности). Контуры могильной ямы не прослеживались. Скелет взрослого человека (женщина) лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Руки вытянуты вдоль корпуса. Под костяком прослежены остатки гробовища в виде деревянного ящика (?). В области грудной клетки находился наконечник пояса (1), у лицевой части и между ногами были бронзовые пуговички (2). Ниже ключицы правой руки найдена фрагментированная цепочка (3). С левой стороны черепа и за черепом лежали фаларовидные нашивки на головной убор (4). С правой и левой стороны черепа были бронзовые полудуги нашивки очелья (5). С левой стороны также находились накосницы (6) а с правой подвески из веточек коралла (7). В области тазовых костей лежал железный нож (8).

1. Бронзовый наконечник пояска с овальным приемником и тремя симметрично расходящимися выступами и штифтами для крепления к ремню. По центру остатки плоского в сечении железного язычка (*Рис. 26/4*).

2. Бронзовые шаровидные пуговички: три штуки с горизонтальным швом, сем штук без шва, пять единиц с намеченным швом и одиннадцать петель от несохранившихся пуговичек (*Рис. 26/2*).

3. Обрывки цепочки из тонкой проволоки, крошилась (*Рис. 26/3*).

4. Три бронзовые посеребренные штампованные фалларообразные круглые нашивки на головной убор. Бортик выделен, на поверхности три концентрические окружности. Края блях-нашивок имеют три отверстия для крепления к ткани. Диаметр 5,7 см (*Рис. 26/9*).

5. Одиннадцать бронзовых позолоченных полудуг от очелья, которые крепились на тканевую основу. Края каждой дужки имеют два отверстия для крепления (*Рис. 26/6*).

6. Две трубчатые посеребренные накосницы в виде спирали в полтора оборота, в средине залиты свинцом. Диаметр 2,8 см, толщина сечения 0,5 см (*Рис. 26/8*).

7. Подвески из веточек коралла, две штуки (*Рис. 26/5*).

8. Фрагмент железного ножа, длина 7,3 см, ширина 1,1 см (*Рис. 26/7*).

Погребение 6 (кочевническое)

(*Рис. 27/1*). Впущено в 43,2 м на запад-юго-запад от центра насыпи под углом 265º. Располагалось на уровне 1,66м от нулевого репера (1,1 м от современной поверхности). Контуры могильной ямы не прослеживались, на уровне от 1,43 до 1,65 м от нулевого репера прослеживалось перекрытие. Скелет взрослого человека (женщина) лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на запад. Ноги чуть согнуты в коленях, руки вытянуты вдоль туловища. Под костяком прослежены остатки деревянного гробовища в виде ящика (?). У правой руки находилась кость животного. В области таза лежал фрагмент глиняного сосуда (1). У левой руки и в ногах были бусы (2), а у правой ноги бубенчик (3). Возле правой руки найден нож (4) а в районе челюсти и в головах выявлены накосницы (5).

1. Фрагмент глиняного сосуда, обжиг светло-красный со следами нагара. Черепок на изломе чёрный.

2. Две стеклянные бусины приплюснутой формы. Стекло желтого цвета.

3. Бронзовый бубенчик круглой формы.

4. Железный нож со следами деревянной ручки. Лезвие подтреугольное в сечении. Ширина лезвия 1,15 см.

5. Две фрагментированные накосницы круглой формы из посеребренной бронзовой трубочки залитой свинцом. Диаметр 2,5 см.

Погребение 7 (кочевническое)

(*Рис. 27/3*). Впущено в 25 м на запад-юго-запад от центра курганной насыпи под углом 267º. Располагалось на уровне 0,68 м от нулевого репера (1,1 м от современной поверхности). Контуры могильной ямы не прослеживались. Над костяком фиксировались остатки перекрытия в виде расположенных вдоль и поперек деревянных плах шириной 10 см. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован черепом на запад-северо-запад. Руки вытянуты вдоль туловища. На дне могильной ямы, под костями правой руки, у ног и затылка, выявлены бесформенные кусочки железа. На правой голени находилось стремя (1).

1. Железное стремя округлой формы с выступающей петлей и округлой подножкой. Высота стремени 16,5 см, ширина подножки 4,5 см (*Рис. 27/4*).

Погребение 8 (кочевническое)

(*Рис. 27/2*). Впущено в 31 м на запад-юго-запад от центра насыпи, под углом 269º. Располагалось на уровне 0,9 м от нулевого репера (0,5 м от современной поверхности). Контуры могильной ямы не прослежены, над костяком фиксировались остатки деревянного перекрытия, состоящего из поперечно уложенных плах шириной 15-20 см. Костяк взрослого человека лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на запад-северо-запад. Руки вытянуты вдоль корпуса. Под черепом выявлена деревянная плашка шириной 10 см толщиной 0,2 см. Сопроводительный инвентарь не выявлен.

Погребение 12 (кочевническое)

(*Рис. 28/1; 30/1*). Впущено в 8 м на восток-северо-восток от центра насыпи, под углом 60º. располагалось на уровне 1,53 м от нулевого репера (0,9 м от современной поверхности). Контуры могильной ямы не прослеживались. Погребение перекрыто двумя колесами от повозки (1), которые наклонно лежали по линии запад – восток непосредственно над гробовищем. Сверху колеса были перекрыты слоем волокнистого растительного тлена (береста?). Между спицами восточного колеса находилась костяная ворварка (2). Скелет погребенного человека лежал в решетчатом гробовище верхняя часть которого сохранилась фрагментарно. На уровне верхней части перекрытия, над локтевым сгибом левой руки, выявлены обломки бронзового бубенчика

(3). Гробовище состояло из двух продольных досок с пазами, в которые были вставлены девять поперечных плашек. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на запад-северо-запад. Левая рука вытянуто вдоль корпуса, правая, очевидно первоначально, находилась кистью на тазе, поскольку кости кисти зафиксированы у лобковых костей таза. За пределами гробовища, у ног, находились остатки ременной упряжи с удилами (4).

1. Колеса от повозки состояли из крупной ступицы, спиц и тонкого обода. От ступиц сохранились бесформенные куски древесины, диаметр колес около 1,2 м.

2. Костяная полированная ворварка со сквозным отверстием в центре, в сечении овальовидная. Диаметр 1,4 см, диаметр отверстия 0,6 см, высота 0,5 см (*Рис. 28/2*).

3. Фрагменты бронзовой пуговицы – бубенчика с круглой проволочной петлей вверху и сферической нижней частью, рассеченной разрезами (*Рис. 28/2*).

4. Остатки ременной уздечки с двучленными трензельными железными удилами. Ремни украшены свинцовыми пластинками, крепившихся посредством бронзовых скоб, которые были впаяны в пластинки и прошивали кожаные ремни (*Рис. 29*).

Погребение 13 (кочевническое)

(*Рис. 30/2; 31/1*). Впущено в 4 м на север от центра I[4], под углом 20º. Располагалось на уровне 1,3 м от нулевого репера (0,7 м от современной поверхности). Контуры могильной ямы не прослеживались, по особенностям расположения погребального инвентаря и покойника могила реконструируется как подбойная. Входная яма длиной 2,7 м ориентирована по линии запад – восток, с северной стороны оканчивалась ступенькой. На ступеньке, высотой 5 см, лежали, череп коня с остатками удил и кости задних конечностей, отделенных по туловище. Кости коня ориентированы на запад, между черепом и конечностями лежали фрагменты стремени и пряжки (1). Ступенька вела в подбой, расположенный в южной стенке. Подбойная яма вытянутой прямоугольной формы размером 2,7×1 м. На дне ямы находилось гробовище-колода размером 2,2×0,5 м изготовленная из расколотого вдоль ствола дерева. В нескольких местах колоды фиксировались круглые отверстия, по-видимому, связанные с деятельностью землеройных животных. В колоде находился скелет взрослого человека, вытянуто на спине, черепом ориентирован на запад. Руки лежали вдоль туловища, правая нога вытянута, левая слегка согнута в колене. У локтевого сустава правой руки найдены бусины (2), рядом лежала круглая подвеска (3). В ногах лежала накосница (4), у лобной части черепа нож (5), на затылке подвески (6). При расчистке черепа встречались фрагменты ткани, возможно остатки от головного убора. На правой ключице найдена пуговичка (7). При выбирании засыпки входной ямы найдены фрагменты от двух сосудов (8, 9).

1. Железная пряжка с язычком, диаметр 4 см, в сечении 0,8 см (*Рис. 31/3*).

2. Бусины стеклянные и керамическая:

а) глазчатая из темно-синего стекла с глазками из желтой пасты и расходящимися белыми лучами. Диаметр 1,7 см (*Рис. 31/9*).

б) глазчатая из темно-синего стекла с четырьмя красными и желтыми глазками. Диаметр 1,6 см (*Рис. 31/9*).

в) с красными и желтыми глазками с расходящимися лучами. Диаметр 1,6 см (*Рис. 31/9*).

г) глазчатая из синего стекла, диаметр 1,2 см (*Рис. 31/9*).

д) из чёрного стекла, диаметр 0,5 см (*Рис. 31/8*).

е) из желтого стекла, диаметр 0,75 см (*Рис. 31/8*).

ж) керамическая красно-кирпичного цвета с чёрными разводами, диаметр 1,3 см (*Рис. 31/7*).

3. Подвеска светло-серого цвета из лапис-лазури круглой формы с петлей для подвешивания (*Рис. 31/6*).

4. Посеребренная медная накосница, ди-

[4] Для погребений насыпи V в качестве центра (ЦІ) была принята средина погребения 30, основного в этой части кургана и расположенного на расстоянии 60 м на запад-юго-запад от центра насыпи под углом 267º.

аметр 5 см, толщина сечения 0,5 см (*Рис. 31/4*).

5. Железный нож с подтреугольным в сечении лезвием, длина 9,2 см, ширина 1 см (*Рис. 31/2*).

6. Подвески синего цвета из ляпис-лазури, подтреугольной формы. Три штуки (*Рис. 31/6*).

7. Медная посеребренная шарообразная пуговичка с петелькой для подвешивания (*Рис. 31/5*).

8. Глиняный плоскодонный сосуд низких пропорций с ребром, у дна слабая закраина. Поверхность светло-красного цвета со следами копоти. По шейке орнамент из заштрихованных треугольников и косых насечек под венчиком. Высота 14 см, диаметр по венчику 17 см, диаметр по плечикам 18,5 см, диаметр по дну 8см, высота по плечика 10 см.

9. Глиняный плоскодонный сосуд в виде банки. У дна слабая закраина. Поверхность светло-серого цвета со следами копоти. Высота 10 см, диаметр по венчику 13,5 см, диаметр по донышку 8 см.

Погребение 21 (кочевническое) (*Рис. 32/1*). Впущено в центр насыпи на уровень 2,6 м от нулевого репера и современной поверхности. Входная яма подпрямоугольной формы со скругленными углами размером 3,2×0,8-0,9 м была впущена в предматерик и ориентирована по оси восток-северо-восток – запад-юго-запад. Дно входной ямы опускалось к расположенному в южной стенке подбою. На дне лежал полный скелет коня с подогнутыми ногами, ориентированный на запад-юго-запад, кости левой задней ноги частично съехали в подбой. На черепе лошади остатки кожаной узды (1) (*Рис. 34/1*), между челюстями фрагменты железных удил с остатком псалия. Под левой глазницей костяная ворварка (2), на костяке ременная упряжь (3). Ремни располагались на тазе и задних ногах (*Рис. 35/1*). У лопаток коня найдено два стремени (4), на одном из которых были остатки стременного ремешка (*Рис. 18/1*). На средней части крупа найдена подпружная пряжка (5), остатки седла, состоящие из накладок (6) с передней стенки луки и пластин с ленчика (8) (*Рис. 32/2; 35/2*). Здесь же найдены три костяные ворварки (7). Череп коня пробит в лобной части.

Подбой вытянуто-овальной формы размером 3,15×0,9 м ориентирован, как и входная яма, по оси восток-северо-восток – запад-юго-запад, дно подбоя на 0,9 м ниже уровня дна входной ямы, свод обвалена в древности при ограблении. На дне располагалась деревянная колода размером 2,4×0,85 м, высотой не менее 0,5 м. Изготовлена из двух цельных кусков дерева с утолщениями по краям и пазами для крепления торцевых стенок. Крышка выломана при ограблении. Внутри колоды (на дне и в заполнении) беспорядочно расположены кости взрослого человека, который предположительно был ориентирован на запад-юго-запад. У юго-западного угла колоды найдено кольцо, еще одно кольцо (9) и 2 колчанные петли (10) лежали в заполнении колоды. В подбое также найдено фрагмент чаши (11), ножа (12) и навершие рукояти ножа-сабли?[5] (13).

1. Остатки кожаной ременной узды с трензельными удилами плохой сохранности и остатком псалия. Ремни украшены свинцовыми пластинками, крепившихся посредством бронзовых скоб, которые были впаяны в пластинки и прошивали кожаные ремни (*Рис. 34/1*).

2. Костяная ворварка с отверстием по центру, в сечении сегментовидная. Украшена по выпуклой поверхности четырьмя треугольниками образованными крестообразно расположенными парными насечками. На плоской поверхности расположен желобок. Диаметр 2,1 см, диаметр отверстия 0,7 см, высота 0,5 см (*Рис. 32/5*).

3. Остатки кожаной ременной упряжи. Ремень на передних ногах обвит остатками волокон травянистых растений. Ремни вокруг таза соединены в систему, все они прошиты бронзовыми скобами, крепившими свинцовые прямоугольные бляшки. К свободно свисающим концам ремней при-

[5] Изначально этот предмет был воспринят, как возможный колпачок от рукояти плети, что нашло свое отображение в отчете.

креплены скобами дополнительные кусочки кожи, остатков свинца здесь значительно больше. Ремни также были обвиты волокнами растений (*Рис. 34/2*).

4. Железное стремя (левое) с овальной дужкой, выступающей петлей и прорезью для стременного ремешка. Подножка выпуклая в плане. Высота 13,5 см, ширина 13,6 см. правое стремя идентично, высота 13,7 см, ширина 14,5 см (*Рис. 33/1*).

5. Железная круглая подпружная пряжка с язычком, диаметр 5 см (*Рис. 33/2*).

6. Костяные четырехчастные накладки на края передней луки седла. Две верхние S – видно изогнутые пластины и две нижние, короткие с расширением к концам. Орнаментированы двумя продольными врезными линиями и двумя рядами косых насечек по краям. Верхние пластинки: длина 26 см, ширина 1,4 см. Нижние – длина 5,3 см, ширина 2,6 см. По пластинам размеры передней луки реконструируются в высоту 26,5 см, ширину 28,7 см (*Рис. 32/3*).

7. Три костяные ворварки с отверстием по средине, в сечении сегментовидные. Покрыты врезным циркульным орнаментом. Орнамент состоит из симметрично расположенных вокруг отверстия больших кругов и радиально идущих рядов малых кружков. Диаметр ворварок 2,2 см, диаметр отверстий 0,7 см, высота 1,1 см (*Рис. 32/5*).

8. Две костяные трапециевидные накладки (левая и правая) с ленчика седла. Вдоль краев расположены две врезные линии. По центру изделия два отверстия. Размеры длинных сторон 10,7 и 7,8 см, коротких – 8,4 и 3,8 см (*Рис. 32/4*).

9. Два серебряных кольца со сходящимися концами. Изготовлены из круглой в сечении проволоки. Диаметр колец 2,5 см, толщина сечения 0,25 см (*Рис. 33/3*).

10. Верхняя костяная колчанная петля, вытянуто-овальной в плане формы с четырьмя отверстиями и выступом над нижним отверстием. Нижняя петля сегментовидной в плане формы с пятью отверстиями и с выступами над центральным и крайним отверстием. Длина 14,8 см, ширина до 1,7 см (*Рис. 33/6*).

11. Фрагмент стенки деревянной выпуклобокой чаши. Стенки сужаются к венчику. Стенка разрезана по высоте и стянута бронзовой проволокой. Высота 3,5 см (*Рис. 33/7*).

12. Обломок острия железного ножа, длина 3 см (*Рис. 33/4*).

13. Железное навершие рукояти ножа-сабли? Сбоку наварено железное кольцо для крепления ремня. Колпачок крепился на рукояти посредством сквозного штифта (*Рис. 33/5*).

Погребение 24 (кочевническое)

(*Рис. 36/1*). Впущено в 5 метрах на запад-юго-запад от центра I, под углом 260º. Располагалось на уровне 2 м от нулевого репера (0,6 м от современной поверхности). Исследовалось с уровня 1,33 м от нулевого репера. Могильная яма с заплечиками, подпрямоугольной формы, размером 2,7×1,2 м. Длинной стороной ориентирована по линии юго-запад – северо-восток. На заплечиках располагалось перекрытие из поперечно расположенных плах шириной до 20 см. На перекрытии, вдоль северной стенки находились четыре конечности и череп коня ориентированного на северо-запад. Конечности лошади отделены по туловище. По центру перекрытия лежали железные стремена очень плохой сохранности и пряжка (1). Погребенный находился в решетчатом гробовище прямоугольной формы с одной сохранившейся ручкой. Продольные стенки соединены между собой поперечными плашками шириной до 10 см, расположенными на расстоянии 10-13 см друг от друга. По длинной оси конструкции плашки переплетены тонкими прутьями (лоза?) толщиной от 1 до 3 см. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, черепом ориентированный на северо-запад. Руки были вытянуты вдоль корпуса, кисть левой руки находилась под тазом. На костях прослеживались остатки бересты от берестяной крышки гробовища (?). На правой руке, рукоятью от черепа, лежала однолезвийная изогнутая сабля в ножнах, длиной 1,1 м. Между правым плечом и саблей находилось навершие (2), у перекрестия сабли шипы (3), возле правого бедра лежал нож (4). В засыпке встречались многочисленные

фрагменты от трех сосудов. Один из них баночной формы со слабо отогнутым венчиком, с закраиной у дна, на поверхности расчесы. Высота 24,5 см, высота плечиков 24 см, диаметр донышка 10,6 см, диаметр венчика 22 см, диаметр по плечику 23 см.

1. Стремя, арочное, ширина подножки 2 см (*Рис. 36/6*). Железная пряжка с язычком размером 5,6×5 см (*Рис. 36/7*).

2. Костяное навершие плети с отростком и железным штырем с кольцом для крепления с деревянной основой. Высота 4,3 см, диаметр 3,8 см, диаметр отверстия 1,4 см, диаметр кольца 2,5 см (*Рис. 36/5*).

3. Железные шипы неизвестного назначения длиной 7,5 см (*Рис. 36/2, 4*).

4. Железный черешковый нож с остатками деревянной рукояти. Длина 13 см, ширина 2 см, длина черешка 2 см (*Рис. 36/3*).

Погребение 28 (кочевническое)

(*Рис. 28/1*). Впущено в 16 м на юго-запад от центра насыпи, под углом 240º. Располагалось на уровне 2,1 м от нулевого репера. Исследовалось с уровня 1,5 м от современной поверхности. Могильная яма подбойного типа, ограблена в древности. Входная яма оваловидной формы ориентирована по линии запад – восток, длиной 1,9 м. С северной стороны расположена ступенька высотой 0,3 м. на ступеньке находились копыта коня и железное стремя (3). Подбой в южной стенке, вытянутой четырехугольной формы, размером 2,7×0,7 м, ориентирован по линии запад – восток. Свод обрушен при ограблении. На дне располагались четыре дощечки шириной 15-20 см, видимо остатки решетчатого гробовища, а также бессистемно кости коня и человека у южной стенки. Под северной стенкой фиксировался след длинного железного предмета, видимо сабли. В заполнении найдены бусины (1), фрагменты железа, кольцо (2).

1. Бусины:

а) из зеленого мутного стекла, изготовлены из обрезанной трубки диаметром 0,6 см.

б) из стеклопасты круглой формы с отверстием, две штуки.

2. Круглая серьга из проволоки сечением 0,3 см. Изготовлена из сплава олова и серебра (*Рис. 37/2*).

3. Стремя арочной формы (*Рис. 37/3*).

Погребение 31 (кочевническое)

(*Рис. 38/1*). Впущено в центр I на уровень 0,9 м от нулевого репера (0,5 м от современной поверхности). Исследовалось с уровня 0,6 м. Могильная яма вытянутой подпрямоугольной формы размером 2,05×0,8×1,9×0,8 м, ориентирована по линии северо-восток – юго-запад. Могильная яма перекрыта плахами размером 0,15×0,5 м, которые соединены поперечными плашками шириной до 10 см. Размеры конструкции 1,75×0,6×1,7×0,6 м, очевидно, это кузов повозки. В юго-восточной части перекрытия лежали стремена плохой сохранности и костяная ворварка (1). Скелет взрослого человека лежал в решетчатом гробовище, черепом ориентирован на запад-северо-запад. Руки вытянуты вдоль корпуса, ноги слегка согнуты в коленах. С левой стороны, в области таза найден камешек (2) и кресало (4). У локтя левой руки и с правой стороны таза находились обломки серьги (3). При исследовании костяка, в районе таза, попадались фрагменты кожи (одежда?).

1. Стремя арочной формы (*Рис. 38/2*). Костяные ворварки с прорезным орнаментом. Диаметр одной 2 см, высота 0,6 см, диаметр отверстия 0,5 см (*Рис. 38/3*).

2. Камешек подтреугольной формы, с подточенными гранями, размер 1,7×1,8×1 см (*Рис. 38/4*).

3. Фрагменты бронзового височного кольца из свернутого листа, диаметр сечения 0,6 см (*Рис. 38/6*).

4. Кресало прямоугольной формы размер 8х3 см, с щелевидной прорезью (*Рис. 38/5*).

Погребение 33 (кочевническое)

(*Рис. 39/1*). Впущено в 9,5 м на юго-запад от центра насыпи, под углом 240º. Располагалось на уровне 1,81 м от нулевого репера (1,8 м от современной поверхности). Контуры могильной ямы выявлены на уровне материка. Могильная яма овальной формы размером 2,8×1,2 м, углублена в материк на 0,3 м. Дно ямы в разрезе жолобообразное, ориентирована по оси запад – восток. У северной стенки, в анатомическом порядке, лежали череп и отделенные по тулови-

ще конечности коня, ориентированного на запад. На черепе остатки кожаной узды (1), между челюстями удила. Под левой глазницей находилась костяная ворварка (2). Между костями передних и задних конечностей лежало два железных стремени (3), остатки седла с костяными обкладками (4, 5), обломки пряжки (6) и фрагменты ремней. Кости лошади находились на толстом слое волокнистого растительного тлена (береста?). С южной стороны наклонно лежали два колеса со спицами, под ними находилось решетчатое гробовище размером 2×0,6 м и высотой 0,25 м. В гробовище лежал скелет взрослого человека (женщины), вытянуто на спине, черепом ориентирован на запад. Руки вытянуты вдоль корпуса. У левой голени найден нож (7), вокруг запястья правой руки фрагменты плоского браслета (8). Подобные фрагменты найдены у черепа, в костях таза, и у правой руки. У левой ключицы находилось кольцо (9). Вокруг шейных позвонков зафиксирован матерчатый ремешок. Под черепом лежали остатки изделия напоминающего бубен? (10). На костях скелета фиксировались остатки материи шитой золотой нитью (парча?).

1. остатки кожаной ременной узды с железными треугольными удилами без перегиба. На ремнях бронзовые скобы со следами распавшегося свинца вокруг скоб (*Рис. 39/2, 4*).

2. Костяная ворварка с отверстием по центру, в сечении сегментовидная. По краю нанесены парные насечки, диаметр 2 см, диаметр отверстия 0,6 см, высота 0,7 см (*Рис. 40/6*).

3. Железные стремена:

а) левое с овальной дужкой, широкой петлей и выпуклой в плане подножкой. Высота 16,3 см, ширина 14,2 см (*Рис. 39/5*).

б) правое с овальной низкой широкой дужкой, свисающей с обоих концов подножки, слегка выделенной петлей и тонкой выпуклой в плане подножкой. Высота 13,4 см, ширина 16,4 см, ширина подножки 3,1 см (*Рис. 39/3, 5*).

4. Деревянное седло, состояло из высокой передней луки, расширяющейся к верху и с вырезами для ленчика на внутренних поверхностях двучастного ленчика и широкой дугообразной задней луки (*Рис. 41*).

5. Костяные пластины обкладки разных частей седла:

а) края передней луки сегментовидные в сечении. Орнаментированы продольной врезной линией и рядом косых насечек. Имеются отверстия для костяных гвоздиков.

б) внешней поверхности передней луки. По верхнему краю нанесен плетеный циркульный орнамент. На обоих концах два круга с вписанными в них меньшими, радиально разделенными и заштрихованными. По краю круга изображена волна. Две вырезанные на кости спирали образуют одну композицию (*Рис. 40/5*).

в) пластины ленчика орнаментированы плетеным врезным циркульным орнаментом с двумя рядами насечек по краям. На одной из пластин присутствуют только насечки. Имеются также две костяные пластины, которые крепились наискось на поверхность ленчика костяными гвоздиками (*Рис. 40/5*).

г) пластинка края задней луки, сегментовидная в сечении.

д) пластинка нижней поверхности задней луки, крепилась в центре. В сечении прямоугольная.

6. Фрагменты круглой железной подпружной пряжки.

7. Железный нож с сужающимся к концу черенком, однолезвийный с прямой спинкой. Сохранились остатки деревянных ножен. Длина 10 см, ширина 1,65 см (*Рис. 40/7*).

8. Фрагменты тонкого широкого серебряного пластинчатого браслета, орнаментированного пуансонным орнаментом. Ширина 4,2 см, на одном из фрагментов полукруглой формы – петелька (*Рис. 40/2, 3*).

9. Серебряное проволочное кольцо с сомкнутыми концами, диаметр 1,6 см, толщина сечения 0,15 см (*Рис. 40/4*).

10. Изделие, в виде кольца, согнутого из круглого прута. К месту соединения концов изнутри прикреплена матерчатой тканью деревянная накладка, к которой 2 нитями (волокнами, либо сухожильями) крепилась бронзовая трапециевидная пластинка. Нити

продеты в отверстия по ее краям. Кроме того, на пруте крепились два фрагмента матерчатых ремешков (*Рис. 40/1, 2а*).

Погребение 34 (кочевническое) (*Рис. 42/1*). Впущено в 8,5 м на юг от центра насыпи под углом 180º. Располагалось на уровне 2,47 м от нулевого репера (2,1 м от современной поверхности). Исследовано с уровня 1,5 м от современной поверхности. Было ограблено в древности. Контуры могильной ямы фиксировались условно, входная яма длиной не менее 2,7 м, ориентирована по линии запад - восток. Образовывала ступеньку в северной части могилы. В южной стенке располагался подбой размером 3,2×1,4 м, дно которого находилось ниже дна входной ямы (ступеньки) на 0,6 м. Вход в подбой перекрывали деревянные плахи высотой около 0,7 м. Свод подбоя обрушен. В подбое, за плахами перекрытия, у северной стенки находились кости конечностей коня, отделенных по туловище. Исходя из расположения конечностей, лошадь была ориентирована на запад. На конечностях лежало стремя (1). В заполнении, под плахами, находились остатки женского головного убора (2). На дне подбоя стояла колода размером 2,4×0,7 м, в сечении овальной формы. Крышка колоды сбита при ограблении. В гробовище беспорядочно лежали разбросанные кости взрослого человека, бусины (3), бляха (4), кольцо (5) и фрагменты обкладок головного убора. Погребенная вероятно была ориентирована черепом на запад.

1. Железное стремя с овальной дужкой, выступающей петлей и выпуклой в плане подножкой. Высота 13 см, ширина 13 см, ширина подножки 3,8 см (*Рис. 42/7*).

2. «Рог» состоял из дугообразно изогнутой палочки и накрученной на нее материей и рядов шнура, а также фрагментов гофрированных бронзовых обкладок и двух полусферических гофрированных бронзовых блях (*Рис. 42/4*).

3. Глазчатые стеклянные бусины. Диаметр 1,4; 1 и 1,3 см (*Рис. 42/2*).

4. Бронзовая полусферическая бляха, гофрированная по краю, диаметр около 6,2 см. аналогична бляхам из головного убора (*Рис. 42/5*).

5. Фрагменты бронзового трубчатого кольца из согнутой пластинки, диаметр кольца 3,6 см, толщина сечения 0,5 см (*Рис. 42/6*).

6. Костяные обкладки седла, найдены при выборке заполнения (*Рис. 42/3*).

Погребение 36 (кочевническое?).

Впущено в 6 м на юг от центра насыпи, под углом 175º, на уровень 1,89 м от нулевого репера (1,6 м от современной поверхности). Исследовано с уровня 1,6 м от нулевого репера. Могильная яма вытянутой четырехугольной формы с закругленными углами, размером 1,3×0,4×1,35×0,5 м, ориентирована по линии запад – восток. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, черепом ориентирован на запад. Левая рука лежала вдоль корпуса, правая согнута в локте, кистью на тазе. Сопроводительный инвентарь не выявлен.

1.7. с. Пришиб курган 3.

Курганная насыпь распахивалась, на момент исследования высота насыпи становила 1,15 м, диаметр около 20 м. Стратиграфия насыпи следующая; с уровня 1,45 м материковый суглинок, 1,15 м – погребенная почва. С уровня 0,25-0,3 м от современной поверхности прослеживалась наброска (панцирь) из известняковый камней. Диаметр наброски становил около 12 м. Отдельные камни находились на поверхности кургана.

Погребение 2 (кочевническое) (*Рис. 43/1*). Впущено в центр насыпи с уровня 0,3 м, располагалось на уровне 2,43 м от нулевого репера, зачищалось с уровня 1,72 м. В поперечном срезе бровки, севернее погребения, прослеживался выкид светлого суглинка толщиной 0,25-0,3 м.

Входная яма подпрямоугольной формы размером 3×0,4 м, ориентирована по оси восток-северо-восток – запад-юго-запад. Вдоль длиной северной стенки располага-

лись две ступеньки, которые велю в подбой, расположенный в южной стенке. На нижнюю ступеньку опирались плахи заслона. Размеры подбоя 3,3×0,9 м, свод обрушен. Перед заслоном, в анатомическом порядке, лежали, отделенные по туловище, кости передних и задних конечностей коня, ориентированного на запад. У передних конечностей находилось железное стремя, на ступеньке в заполнении находились янтарная подвеска амулет и костяная ворварка. В заполнении встречались куски дерева, известковые камни, кости барана (челюсть, лопатка), ребра и позвонки человека. В подбое находились остатки колоды с крышкой размером 2,4×0,57 м. Посредине колода и крышка разрушены грабителями, кости погребенного смещены. In situ сохранились лишь кости голени правой ноги. Исходя из расположения непотревоженных костей, погребенный был ориентирован черепом на запад-юго-запад. У ног лежали два железных наконечника стрел и костяной предмет. В заполнении найдены фрагменты костяной обкладки лука и мелкие обломки железных предметов (сабля, ножны?). Также встречались кусочки бересты, ткани и кожи. Найден фрагмент серебряной с позолотой подвески. В ногах погребенного, за колодой, стоял бронзовый (медный) казан с остатками железной ручки.

1. Стремя железное, арочной формы, с прямой подножкой и петлей для подвешивания. Сделано из квадратного в сечении (0,5 см) прута. Высота 14 см, ширина 11 см, ширина подножки 4 см (*Рис. 43/5*).

2. Янтарная подвеска-амулет грушевидной формы, длиной 2,2 см (*Рис. 43/9*).

3. Костяная ворварка с отверстием по центру. Украшена циркульным орнаментом, диаметром 2 см (*Рис. 43/8*).

4. Наконечник стрелы, листовидный с удлиненной верхней частью пера. Длина 8 см, ширина 2,5 см (*Рис. 43/3*).

5. Наконечник с расходящимся двойным жалом пера. Длина 7 см, ширина 2,8 см (*Рис. 43/3*).

6. Костяной наконечник в форме усеченного конуса с отверстием и следами красной и черной краски, длиной 3,5 см (*Рис. 43/10*).

7. Фрагменты костяной обкладки сложного лука, линзовидные в сечении (*Рис. 43/2*).

8. Фрагмент серебряной подвески с позолотой.

9. Казан бронзовый (медный), диаметр венчика 33 см, диаметр дна 27 см, высота 14 см. Стенки прямые, сужаются ко дну, венчик слегка отогнут. Сохранились два ушка и остаток железной дужки с кольцом для подвешивания (длина 2 см, ширина 1,5 см) (*Рис. 43/7*).

1.8. с. Знаменка курган 2.

Высота курганной насыпи около 0,6 м от современной поверхности, диаметр 12 м. западная пола кургана перекрыта полой кургана I. На распаханной поверхности встречались мелкие камни. Стратиграфия следующая: материковый суглинок с уровня 0,9 м от нулевого репера, погребенная почва и сливающаяся с ней гумуссированая насыпь общей мощностью 0,9 м. Центральная часть кургана окружена каменной выкладкой в виде дуг (кромлех?) и отдельных групп от, очевидно, распаханного панциря. Камни залегали в насыпи на уровне 0,3-0,45 м (у основания) и 0,6-0,83 м к краям кургана и ниже.

Погребение 6 (кочевническое)

(*Рис. 44/1*). Впущено в центр кургана на уровень 1,48 м от нулевого репера. Прослежено с уровня 1 м. Могильная яма овальной формы размером 2,7×1,05 м, ориентировано по линии запад – восток. Погребение сверху перекрыто плахами, лежащими в основном продольно. Три поперечные плахи, очевидно, относились к рухнувшему заслону входного отверстия. Погребенный в колоде размером 2,1×0,4-0,6 м. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, ориентирован черепом на запад. Справа у черепа находился нож (1), у правой ноги одно стремя (2), в ногах, за пределами гробовища,

второе. С левой стороны гробовища лежали фрагментированные удила (3), а под ними подпружная пряжка (4) и железное кольцо (5). На ногах прослежены остатки кожаных сапог.

1. Нож железный с выгнутой спинкой, длина 11,5 см, ширина 1,5 см (*Рис. 44/6*).

2. Стремена железные фрагментированные (*Рис. 44/2*).

3. Удила железные фрагментированные, сохранилось трензельное кольцо и грызло. Диаметр трензельного кольца 6,3 см, сечение 0,9 см (*Рис. 44/3*).

4. Подпружная фрагментированная пряжка, диаметром 3,8 см, длина язычка 3,4 см (*Рис. 44/5*).

5. Кольцо железное диаметр 3,9 см (*Рис. 44/4*).

1.9. с. Сокольники курган 3.

Курганная насыпь распахана, на момент исследования высота составляла около 0,3 м, диаметр 15 м. Стратиграфия следующая: с уровня 0,65 м материковый суглинок прорезанный на глубину 0,25 м ровиком по краям. Однородный слой чернозема мощностью 0,65 м, представляющий погребенную почву без видимого древнего горизонта и насыпь. Над ровиком, на уровне 0,5-0,65 м от нулевого репера и современной поверхности, находился кромлех из камней мергеля. Ровик кольцевидный в плане, диаметром 12 м, шириной 0,5-0,75 м с четырьмя перемычками на северо-востоке, юго-западе, северо-западе и юго-востоке. Глубина ровика около 0,2-0,5 м от древнего горизонта (0,67-0,94 м от нулевого репера). Заполнен гумусированым грунтом. Кромлех диаметром 14 м, по внешнему краю представлял наброску из камней различного размера. У внутреннего края наблюдалась концентрация крупных камней (средний размер 0,3-0,4×0,3-0,4 м). Толщина наброски 0,3-0,4 м. На уровне погребенной почвы камни местами находились в ровике. Над юго-западной перемычкой ровика заметный разрыв полы кромлеха. В восточной дуге кромлеха на камнях находились кости черепа коровывосточной дуге кромлеха на камнях находились кости черепа коровы (*Рис. 45*).

Погребение 1 (кочевническое)

(*Рис. 46/1*). Впущено в центр насыпи, на уровне 1,88 м от нулевого репера и современной поверхности. Могильная яма прослежена с уровня 0,54 м, Входная яма прямоугольной формы с закругленными углами, размером 2,85×0,5 м, ориентирована по линии восток – запад. В южной стенке, на 0,35 м ниже дна входной ямы, расположен подбой 1,8×0,95 м, свод об-рушен. Погребение ограблено, в заполне-нии входной ямы и подбоя, на разной глубине встречались камни, куски плах, кости коня и отдельные кости человека. Кроме того во взвеси были найдены же-лезные удила, кольцо от удил, крючок для крепления колчана к поясу, рукоять и лезвие сабли, пряжка, обломок железного наконечника стрелы, обломки железных и серебряных пластинок. На дне сохрани-лась лишь часть днища колоды, на кото-рой, в восточной части подбоя, находи-лись кости правой стопы человека с ос-татками кожаной обуви. Рядом находи-лась часть колчана (береста, костяные об-кладки) с тремя железными наконечника-ми стрел (*Рис. 46/2*).

1. Железные двусоставные удила, квадратные в сечении, с обломанным окончанием с кольцом. Длина удил 14,5 см, толщина сечения 0,8 см (*Рис. 46/4*).

2. Подвижное кольцо удил, плоское в сечении. Диаметр 6,5 см, ширина 0,8 см, толщина 0,5 см (*Рис. 46/6*).

3. Обломок железной сабли с остатка-ми деревянных ножен, эллипсовидных в сечении. Длина 10,5 см, ширина 3 см, толщина 0,6 см (*Рис. 46/3*).

4. Ромбический железный наконечник стрелы с удлиненной нижней частью. Длина 9,6 см, ширина 1,3 см, толщина 0,7 см (*Рис. 46/8*).

5. Железный пулевидный наконечник стрелы. Длина 8,5 см, диаметр около 0,7 см (*Рис. 46/8*).

6. Ромбический наконечник стрелы со следами крепления к древку. Длина 11,8 см, ширина 2,7 см, толщина 0,4 см (*Рис. 46/9*).

7. Фрагменты железного наконечника стрелы. Длина 3,8 см, ширина 0,7 см (*Рис. 46/9*).

8. Круглая подпружная железная пряжка, плоская в сечении. Диаметр 5,5 см, толщина 0,3 см (*Рис. 46/5*).

9. Железное навершие рукояти сабли, эллипсовидная в сечении. Фрагмент с деревянной сердцевиной, длина 5,5 см, ширина 3 см.

10. Железный крючок для крепления колчана к поясу. Длина 6 см.

11. Фрагмент костяной прямоугольной накладки на колчан, ширина 3,8 см.

12. Берестяная обкладка колчана, длина 15,5 см, ширина 13,3 см.

13. Деталь колчана из дерева с медным гвоздиком.

14. Цилиндрическая бусина с округленными гранями из стеклянной массы фиолетового цвета. Диаметр 0,7 см, высота 0,5 см (*Рис. 46/7*).

15. Фрагмент кожаной обуви (сапог?) со следами швов, длина фрагмента 12 см.

16. Фрагменты серебряных пластинок.

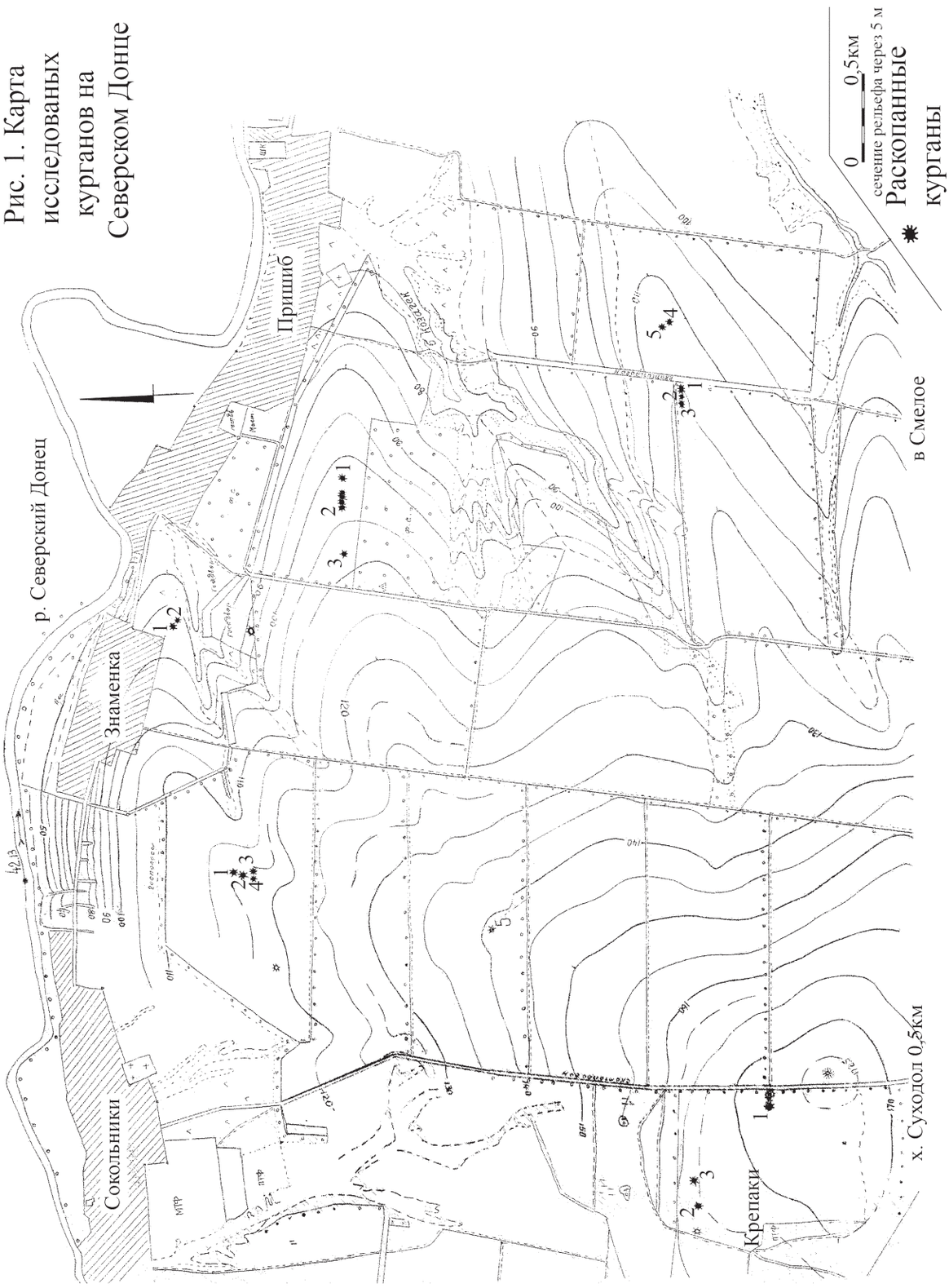


Рис. 1. Карта исследованных курганов на Северском Донце

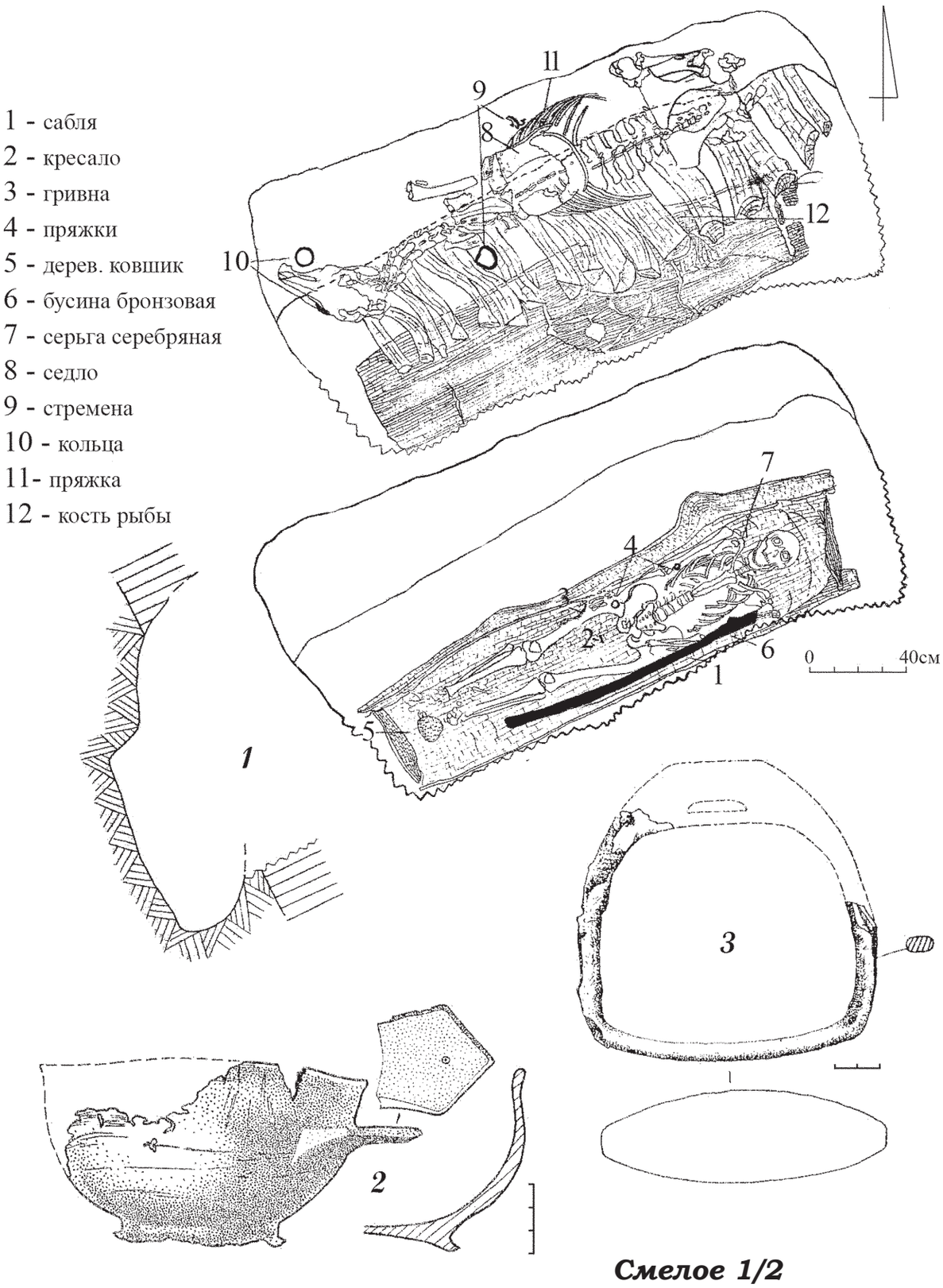

1 - сабля
2 - кресало
3 - гривна
4 - пряжки
5 - дерев. ковшик
6 - бусина бронзовая
7 - серьга серебряная
8 - седло
9 - стремена
10 - кольца
11- пряжка
12 - кость рыбы
0
40см
1
2
3
Смелое 1/2

Рис. 2.

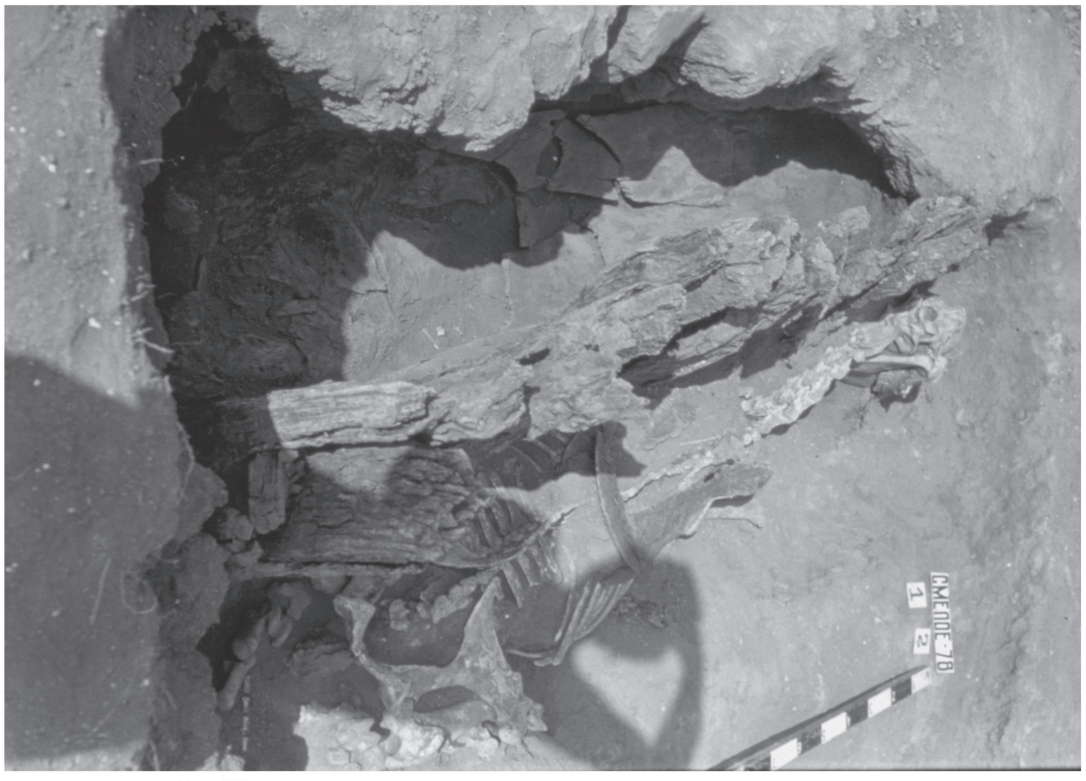
1. Верхняя часть плах перекрытия подбоя (вид с северо-запада)

2. Плахи перекрытия подбоя после расчистки

Смелое 1/2

Рис. 3.

1. Начало исследования камеры подбоя (рабочий момент)



2. Костяк коня, плахи перекрытия, деревянная крышка колоды (вид с северо-востока)

Рис. 4.

Смелое 1/2

1. Погребение коня (вид с северо-востока)

2. Остатки седла (вид с северо-востока)

Смелое 1/2 Рис. 5.

Вид с юго-запада

Вид с юго-востока

Рис. 6. ***Смелое 1/2***

1. (костяные обкладки передней луки седла)

2. (деталь, распрямленая половина гривны в правой руке)

Рис. 7.

Смелое 1/2

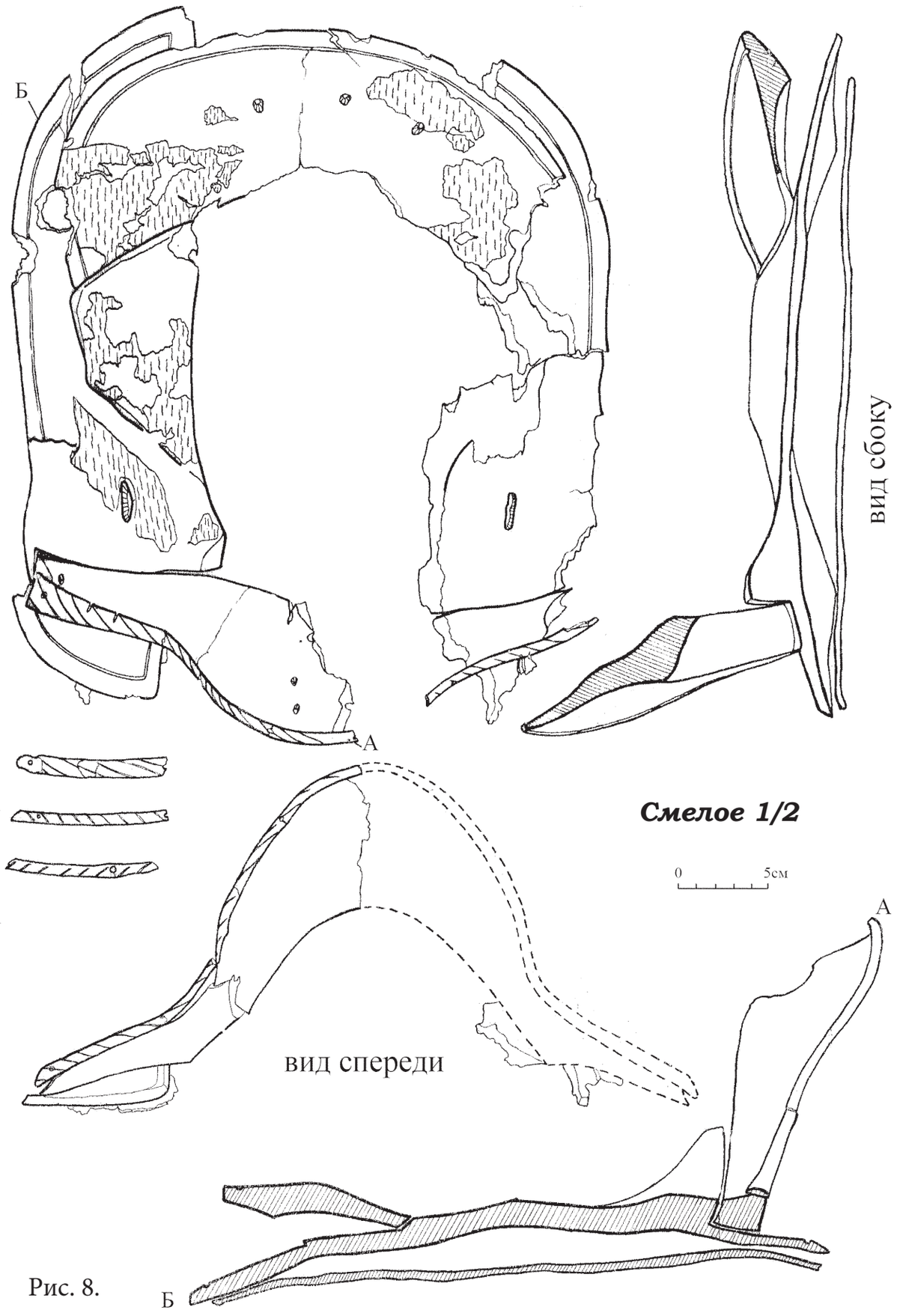
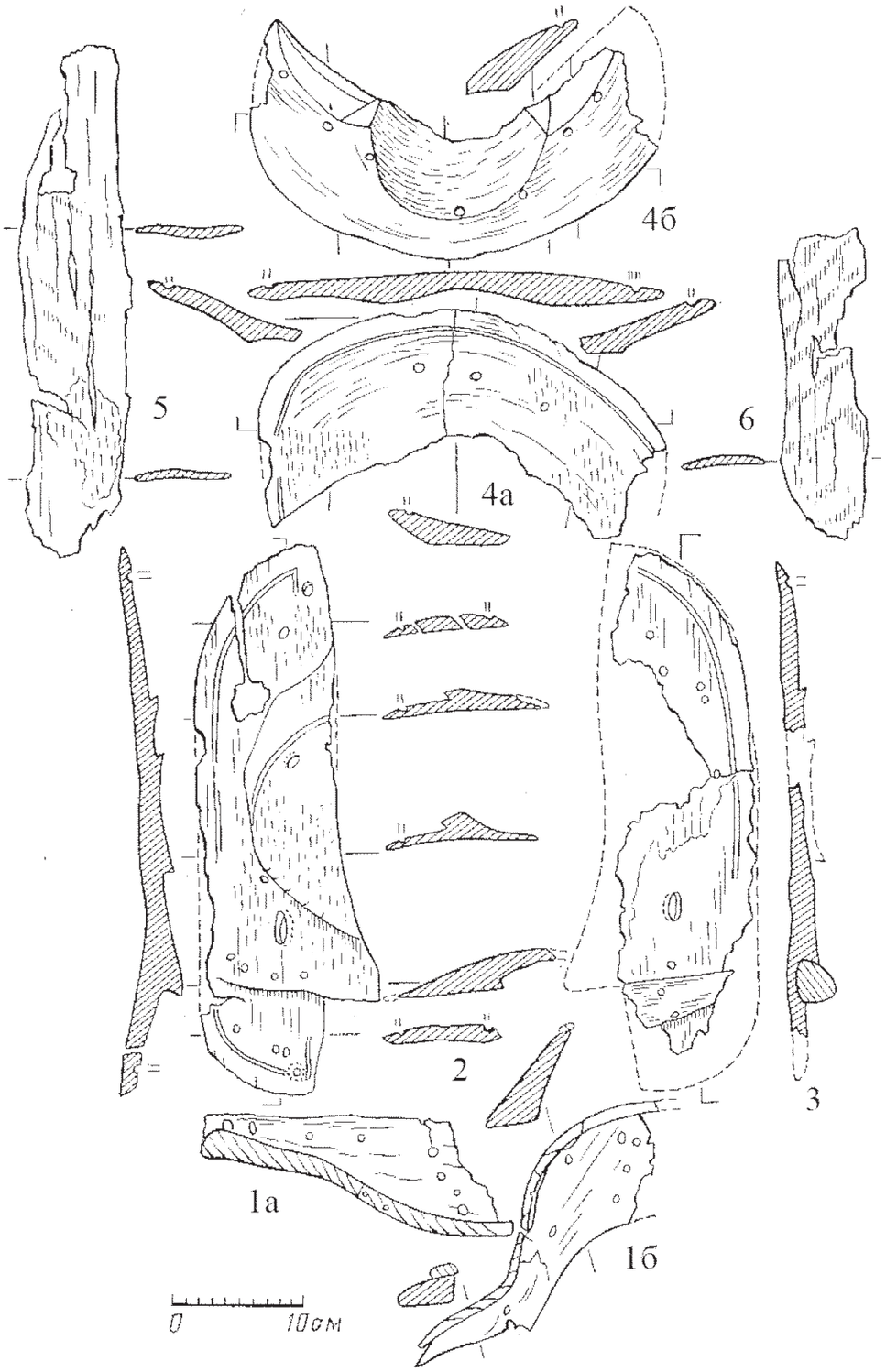


Рис. 8.



Деревянные детали седла: 1 - передняя лука а - вид сверху,
б - вид спереди. 2, 3 - полки седла, 4 - задняя лука
а - вид сверху, б - обратная сторона
5, 6 - остатки «рамы»

Рис. 9.

Смелое 1/2

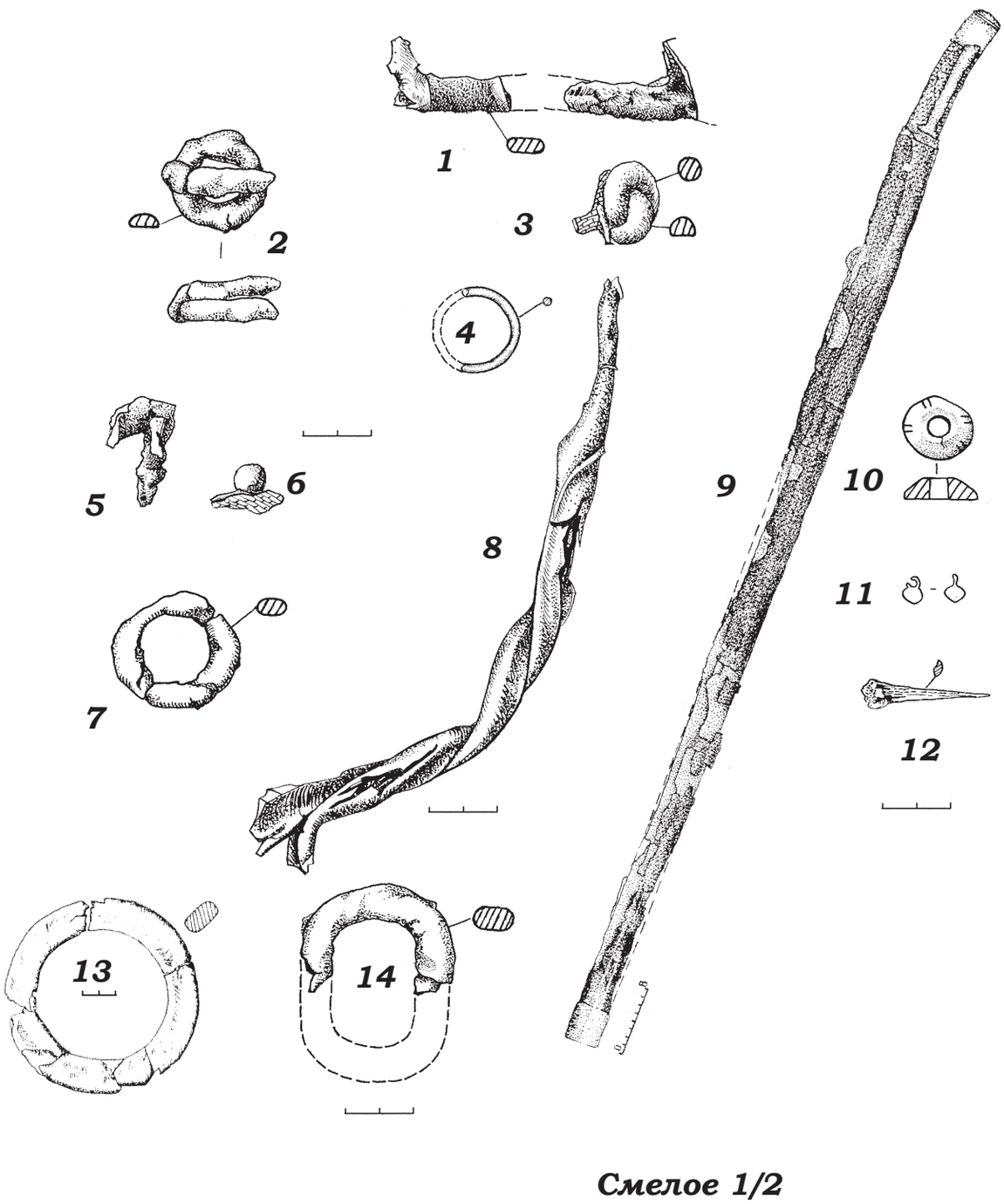
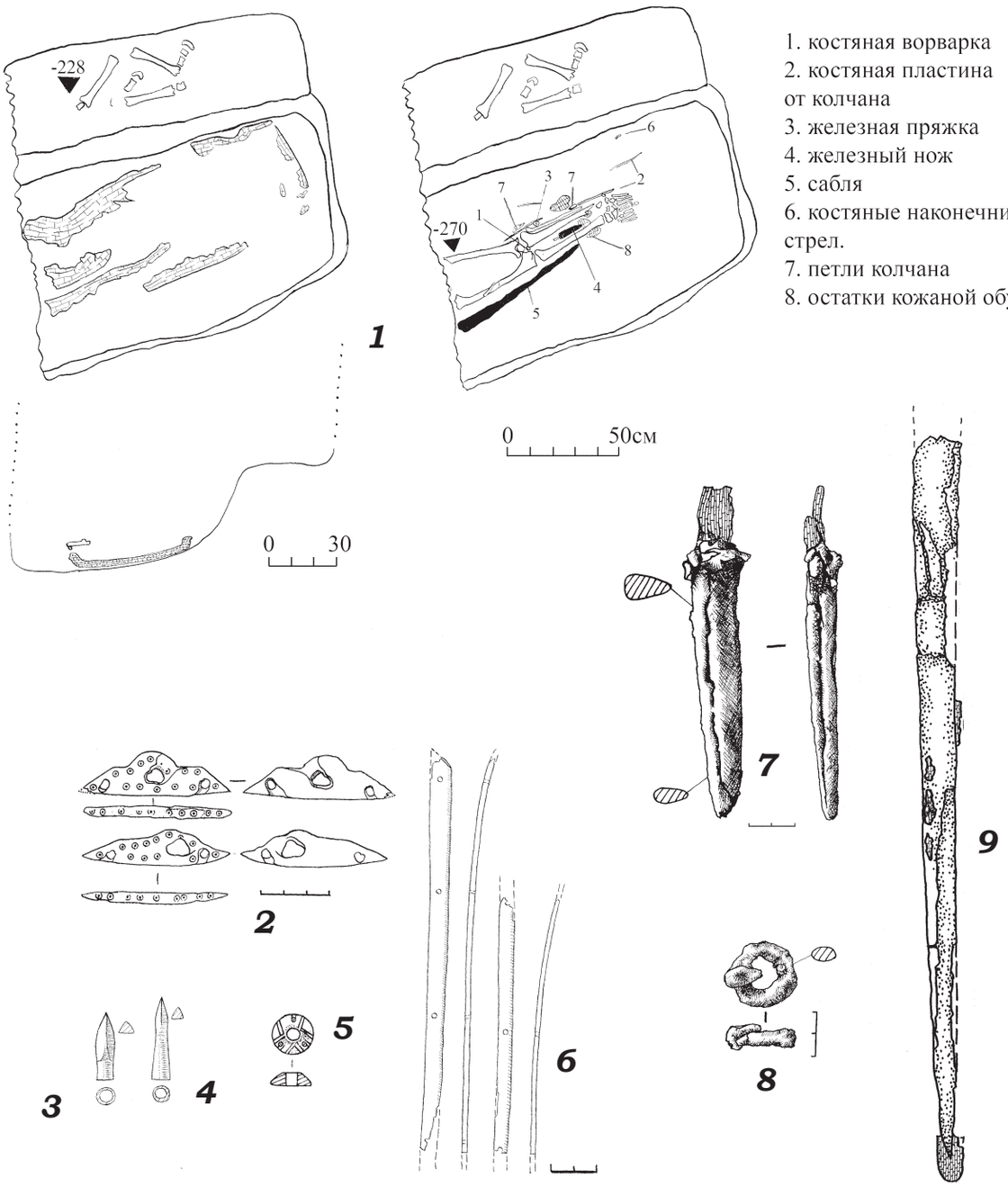


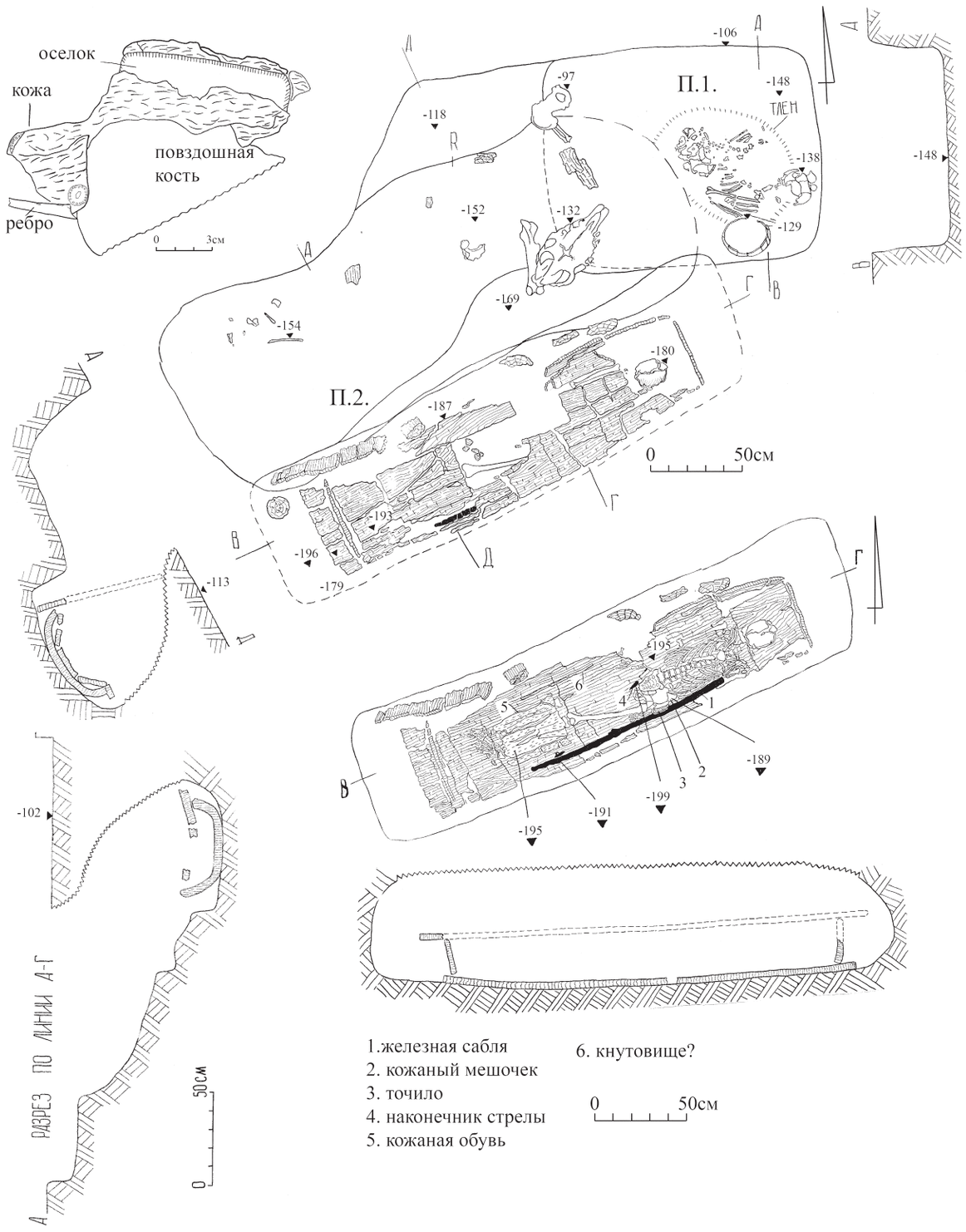
Рис. 10.



1. костяная ворварка
2. костяная пластина от колчана
3. железная пряжка
4. железный нож
5. сабля
6. костяные наконечники стрел.
7. петли колчана
8. остатки кожаной обуви

Смелое 3/б

Рис. 11.



Смелое 4/2

Рис. 12.

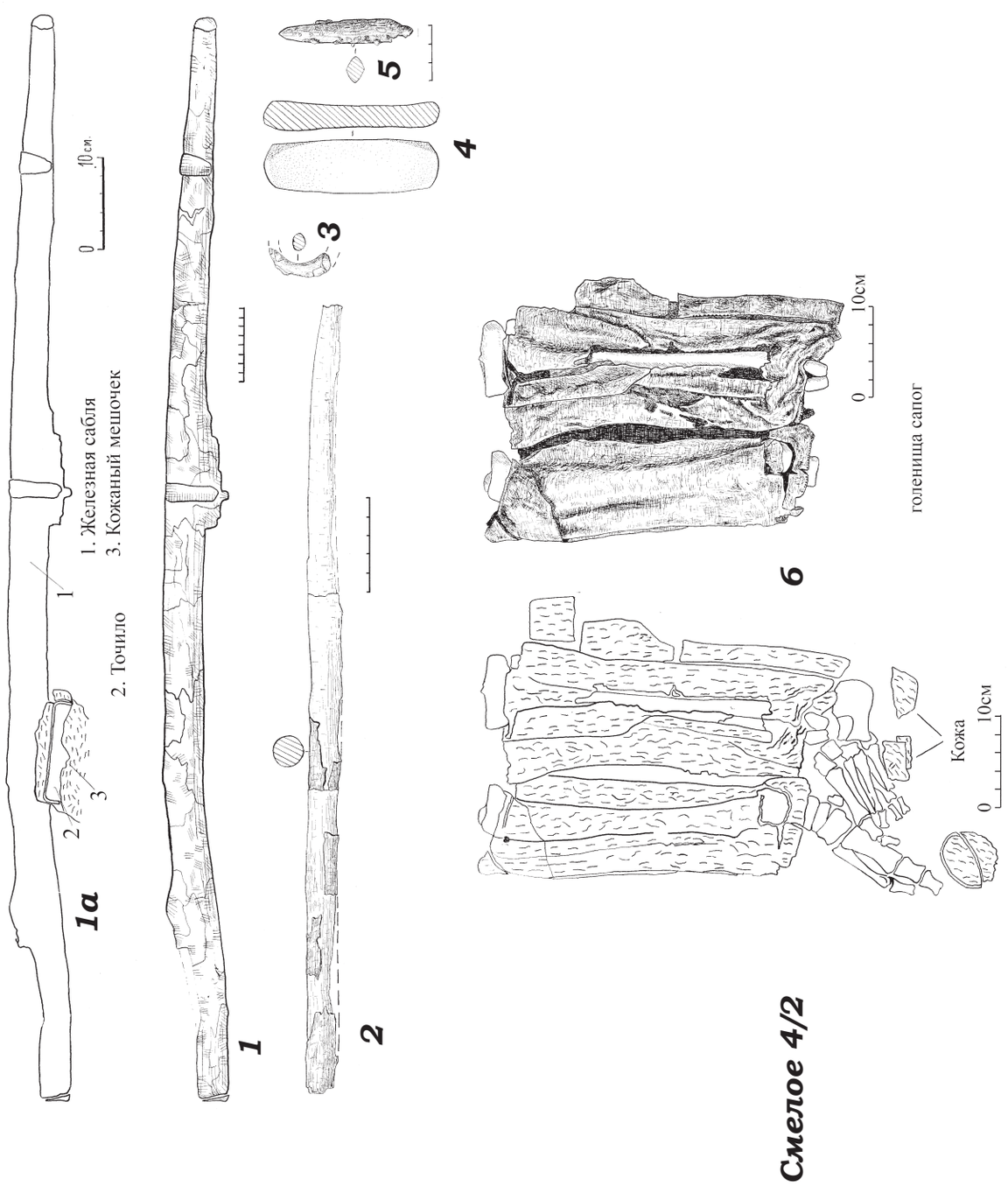
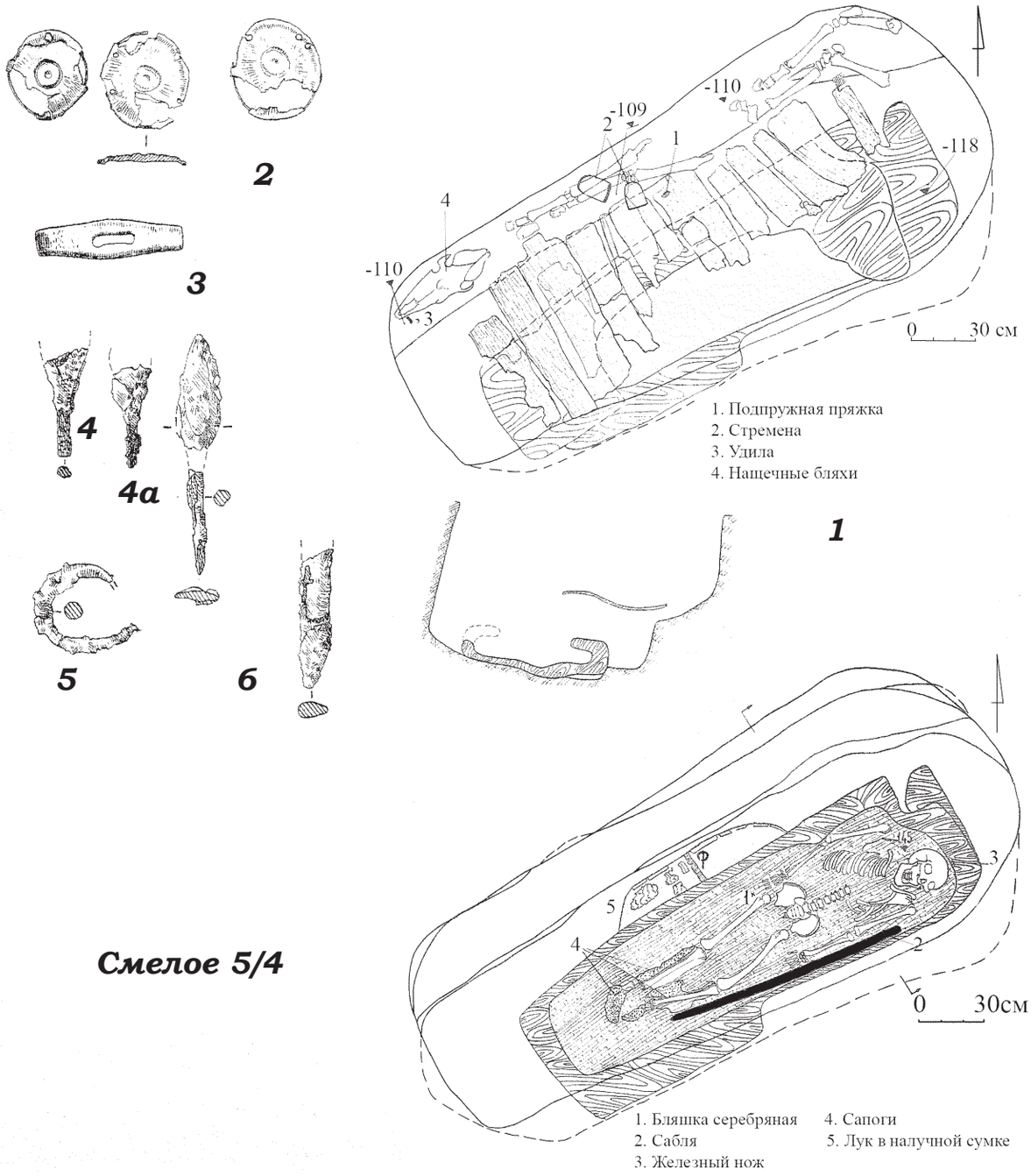

1а
1. Железная сабля
2. Точило
3. Кожаный мешочек
0 10см
1
2
3
4
5
6
голенища сапог
Кожа
Смелое 4/2

Рис. 13.



Смелое 5/4

Рис. 14.

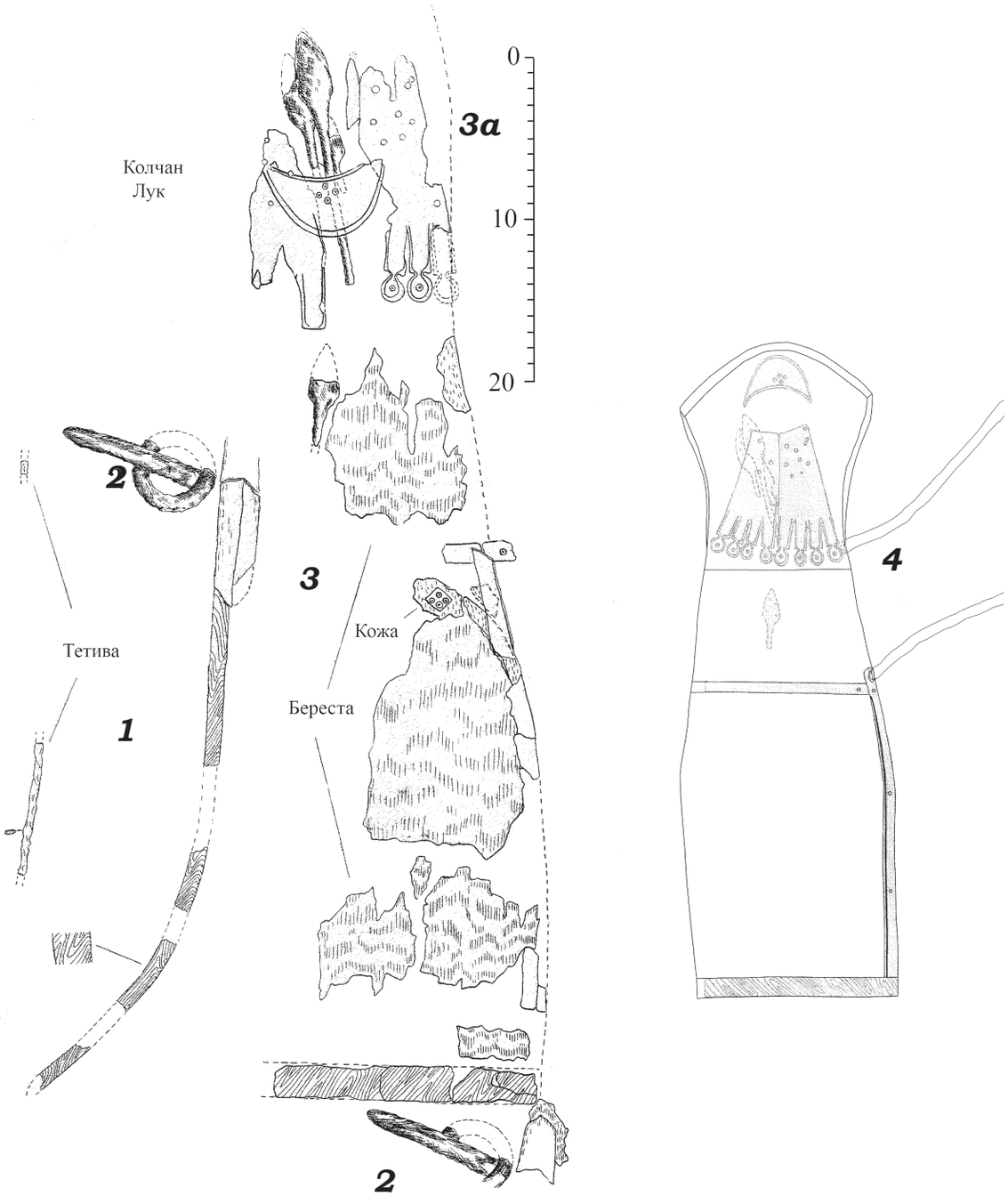
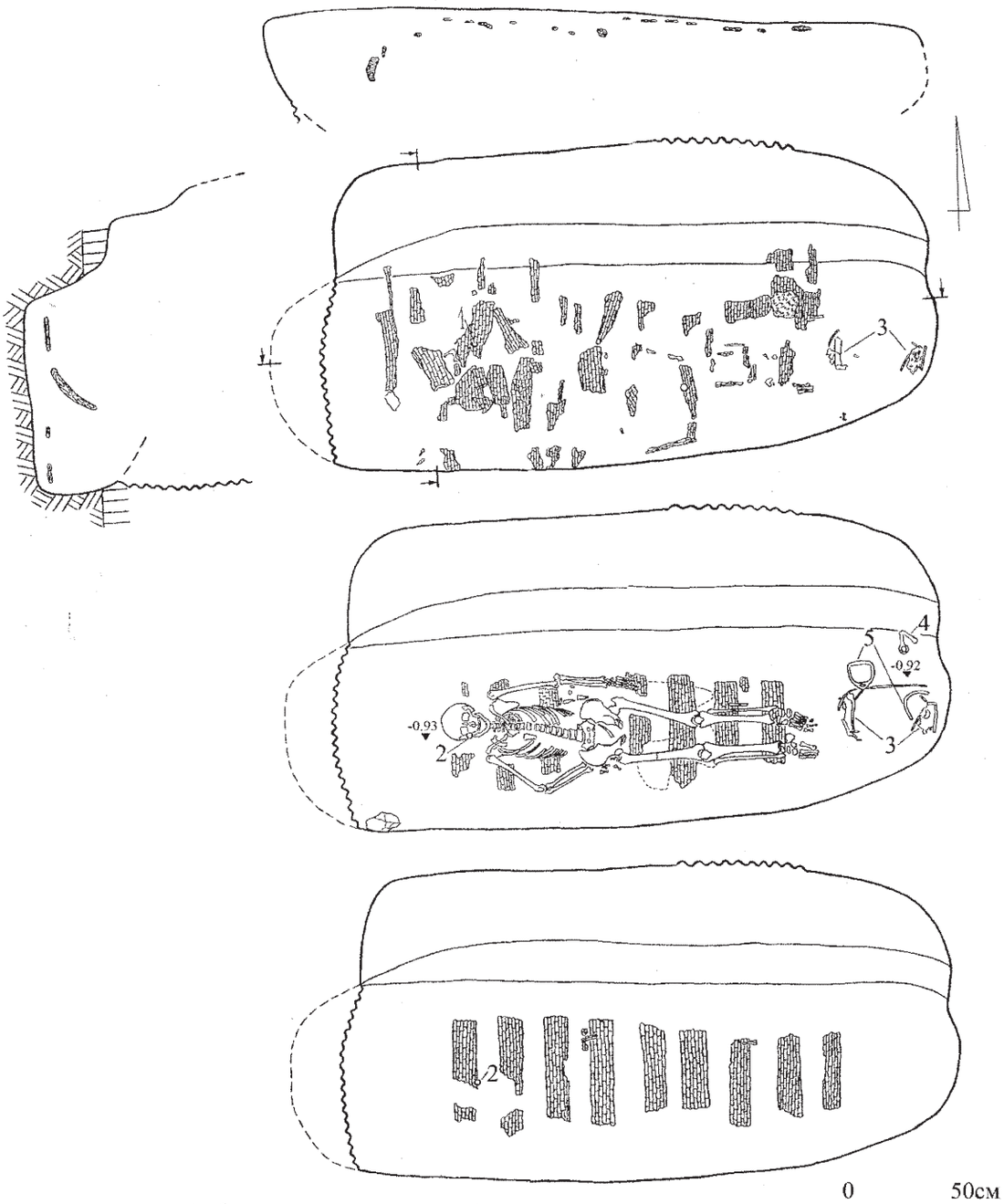


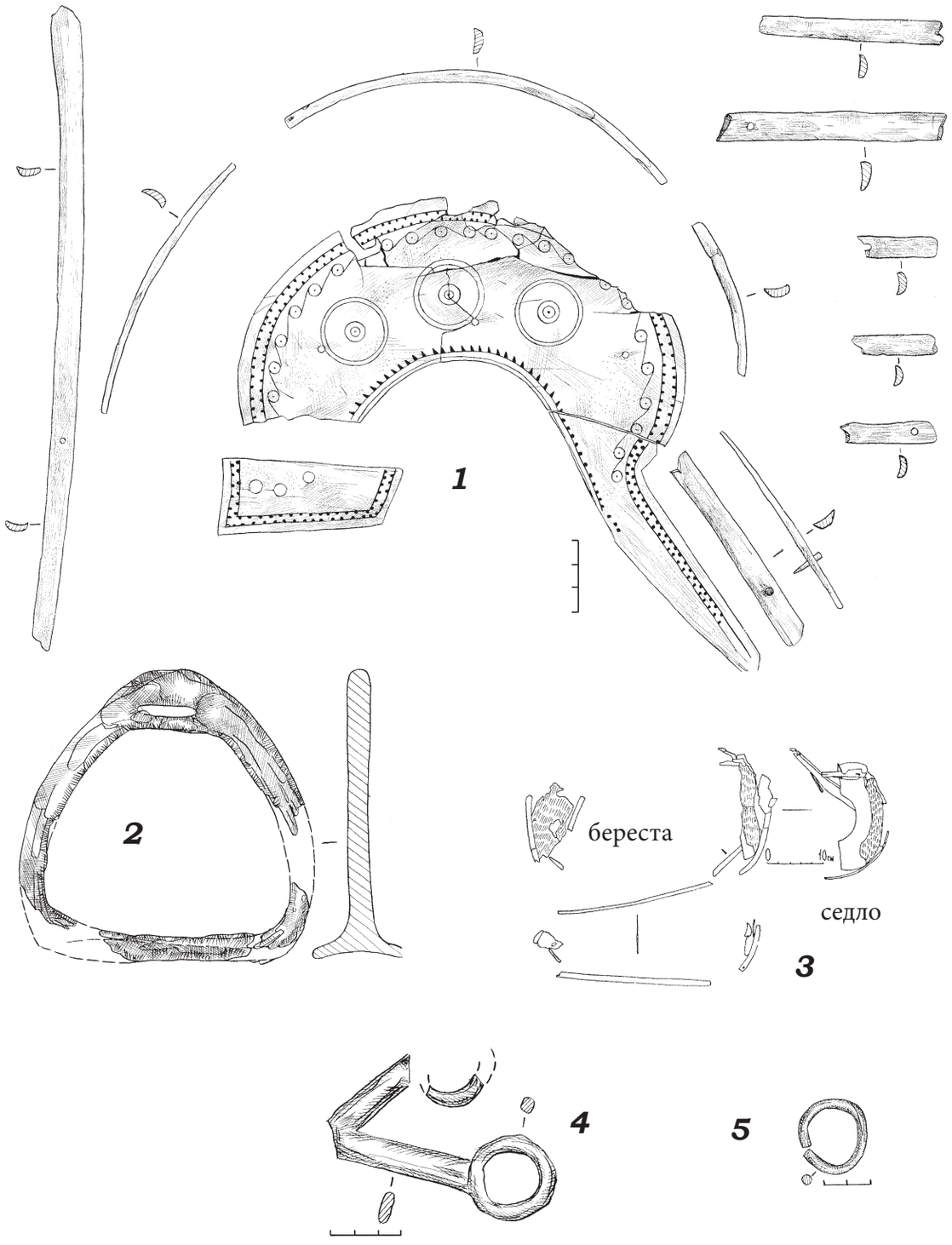
Рис. 15.



1, 2. бронзовые подвески; 3. седло; 4. удила; 5. стремена

Рис. 16.

Пришиб 1/6



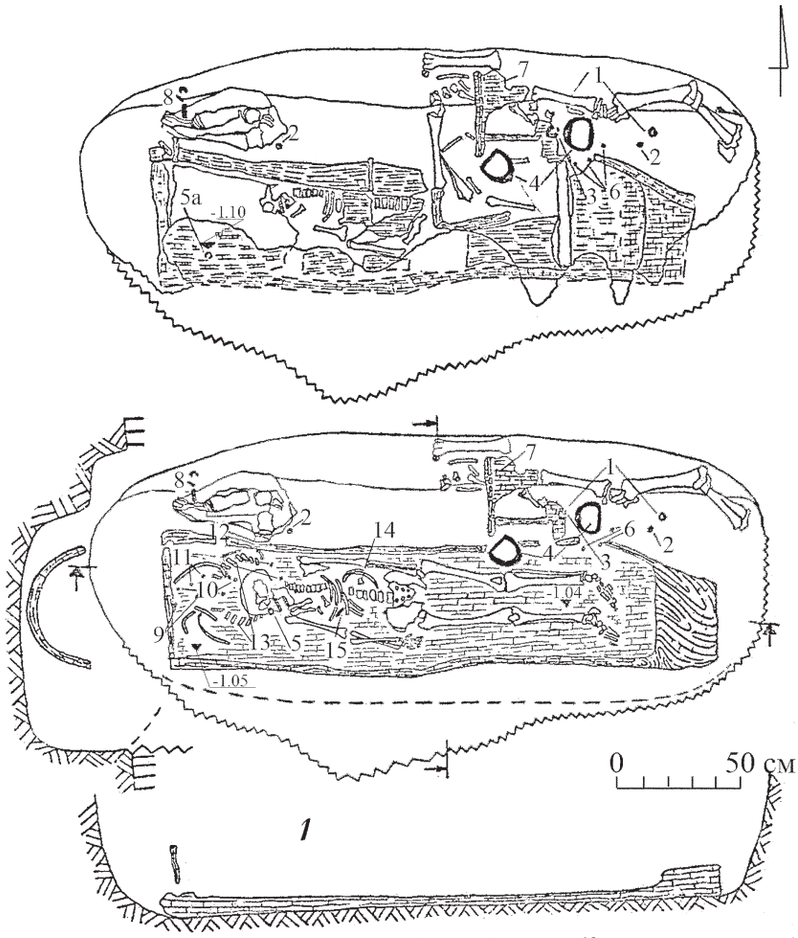
Пришиб 1/6

Рис. 17.

2. Пришиб 1/6 (остатки седла)

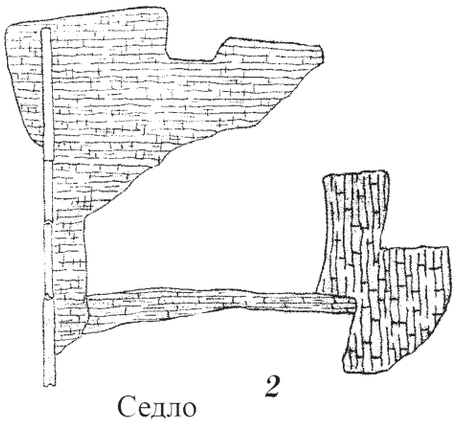
1. Пришиб 2/21
(деталь; костяные обкладки передней луки и стремена)

Рис. 18.



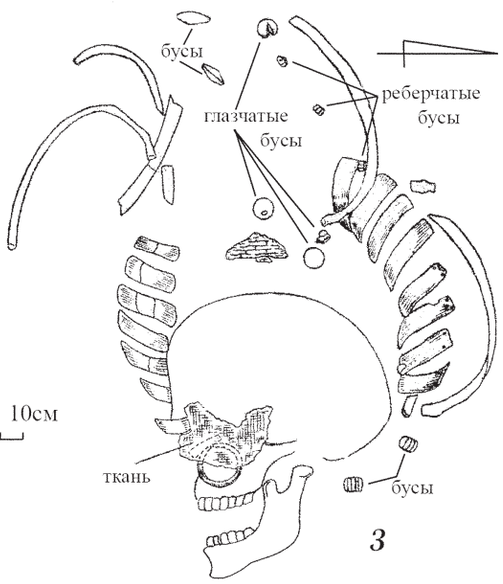
1

1. железные пряжки (2)
2. костяные ворварки (2)
3. бронзовая скрепка
4. железные стремена (2)
5. серьги
6. заклепки (олово)
7. седло
8. удила
9. ромбовидные бусины (2)
10. глазчатые бусины (3)
11. ребристые бусины (4)
12. бусина с железом
13. очелье
14. антропоморфная фигурка из мела
15. железный нож



Седло

2



3

Очелье

Пришиб 1/7

Рис. 19.

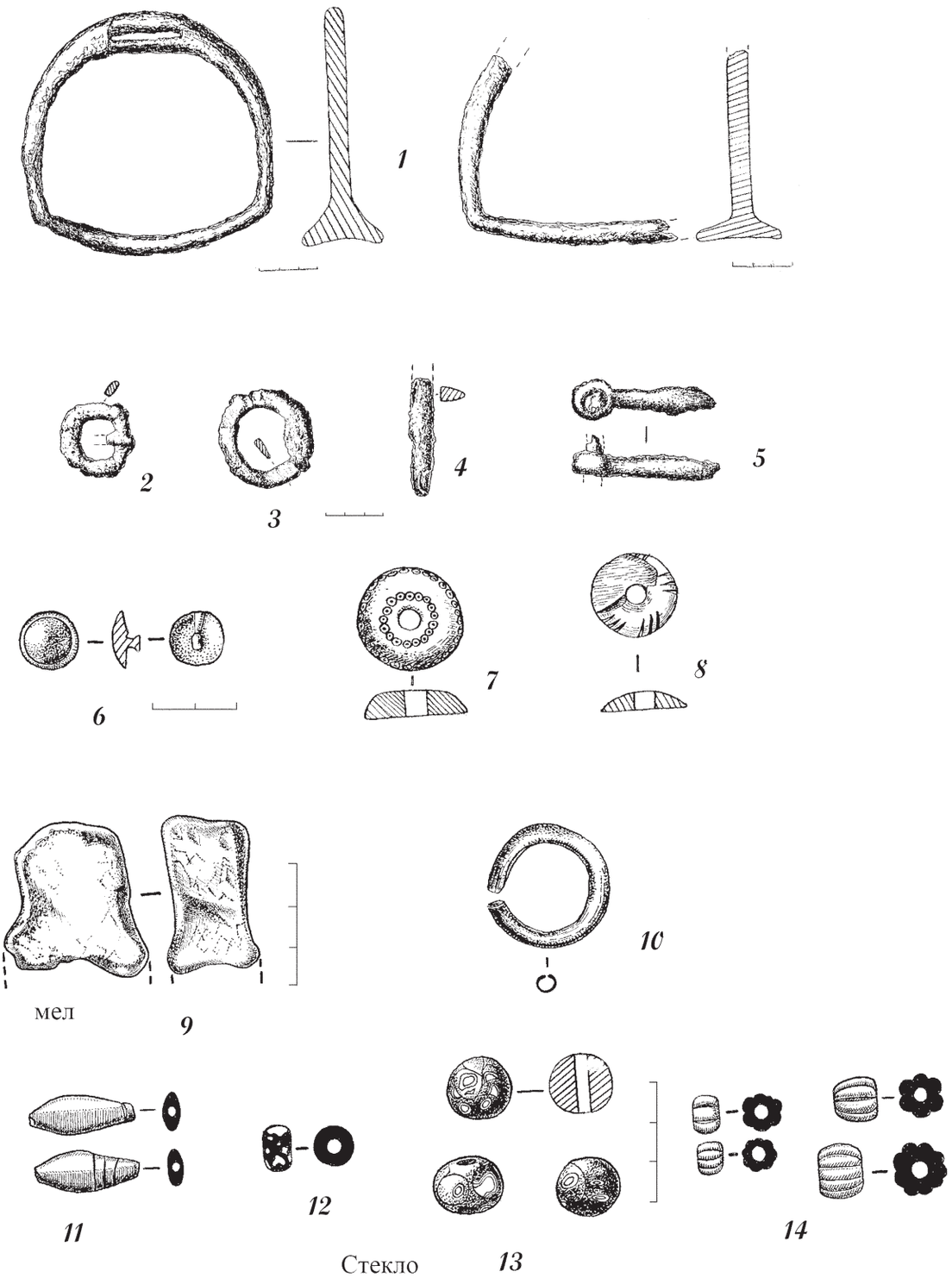


Рис. 20 ***Пришиб 1/7***

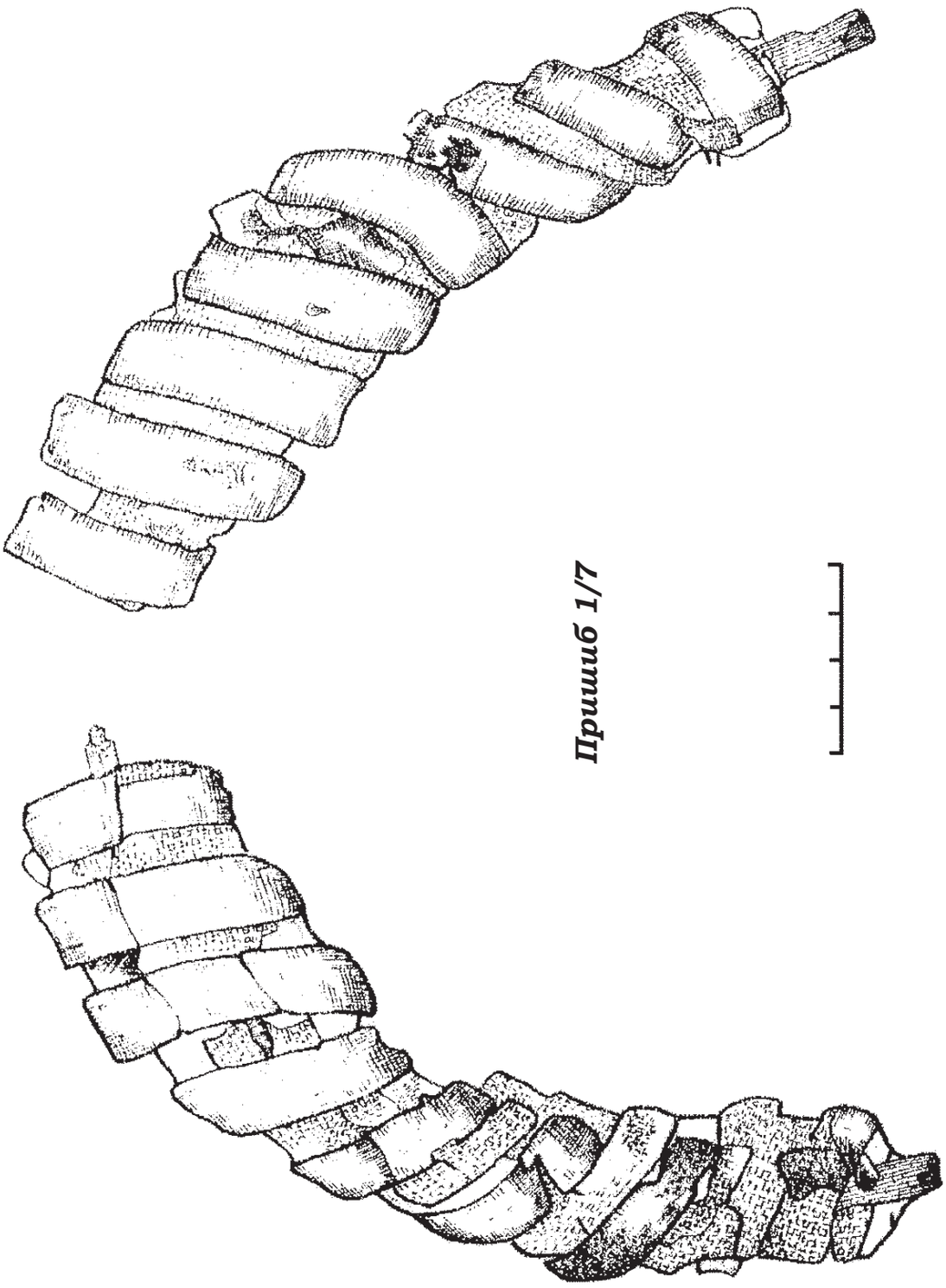


Рис. 21.

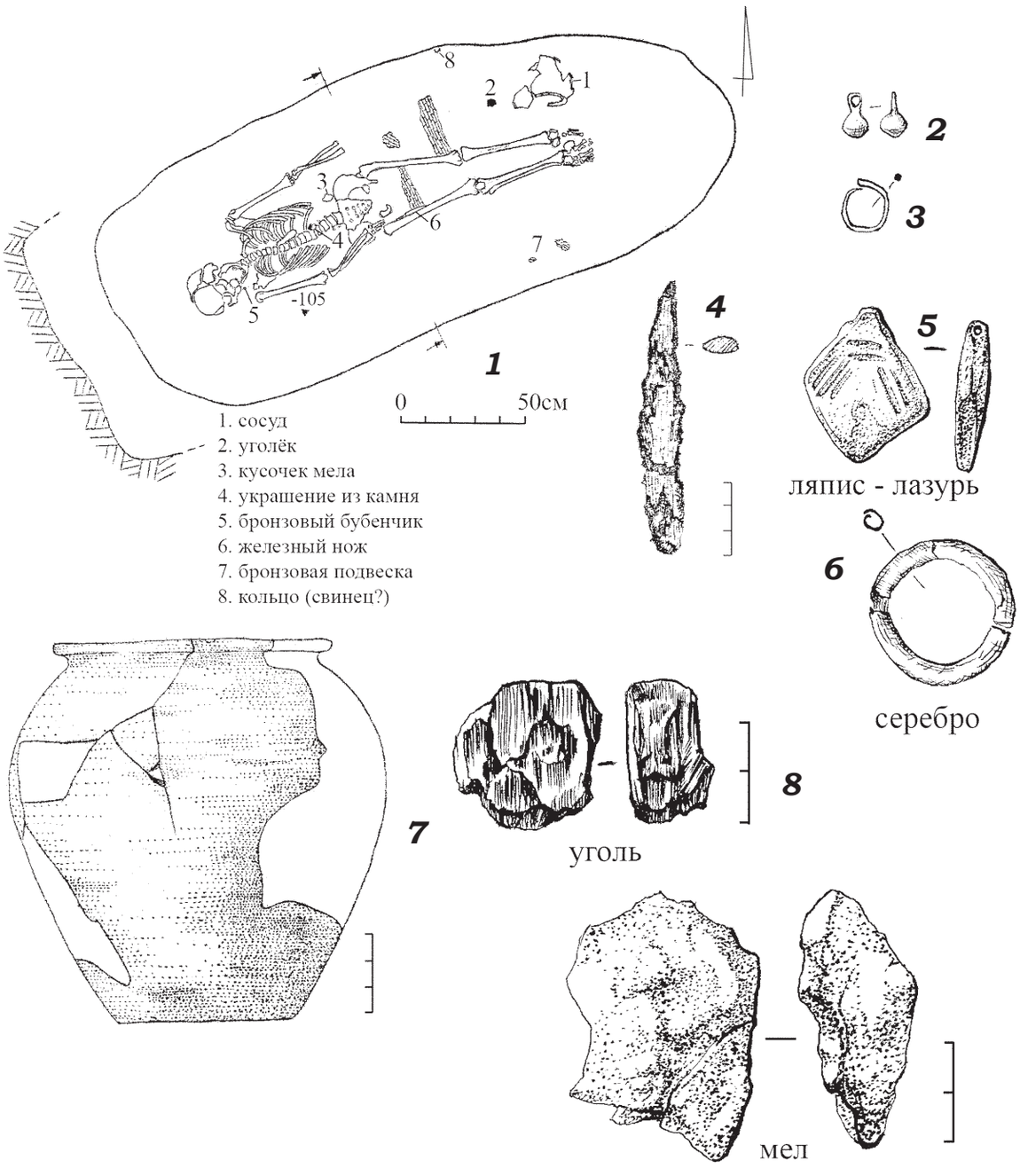


Рис. 22.

Пришиб 1/8

1. Пришиб 1/8 (вид с северо-востока)

2. Пришиб 2/2 (вид с востока)

Рис. 23.

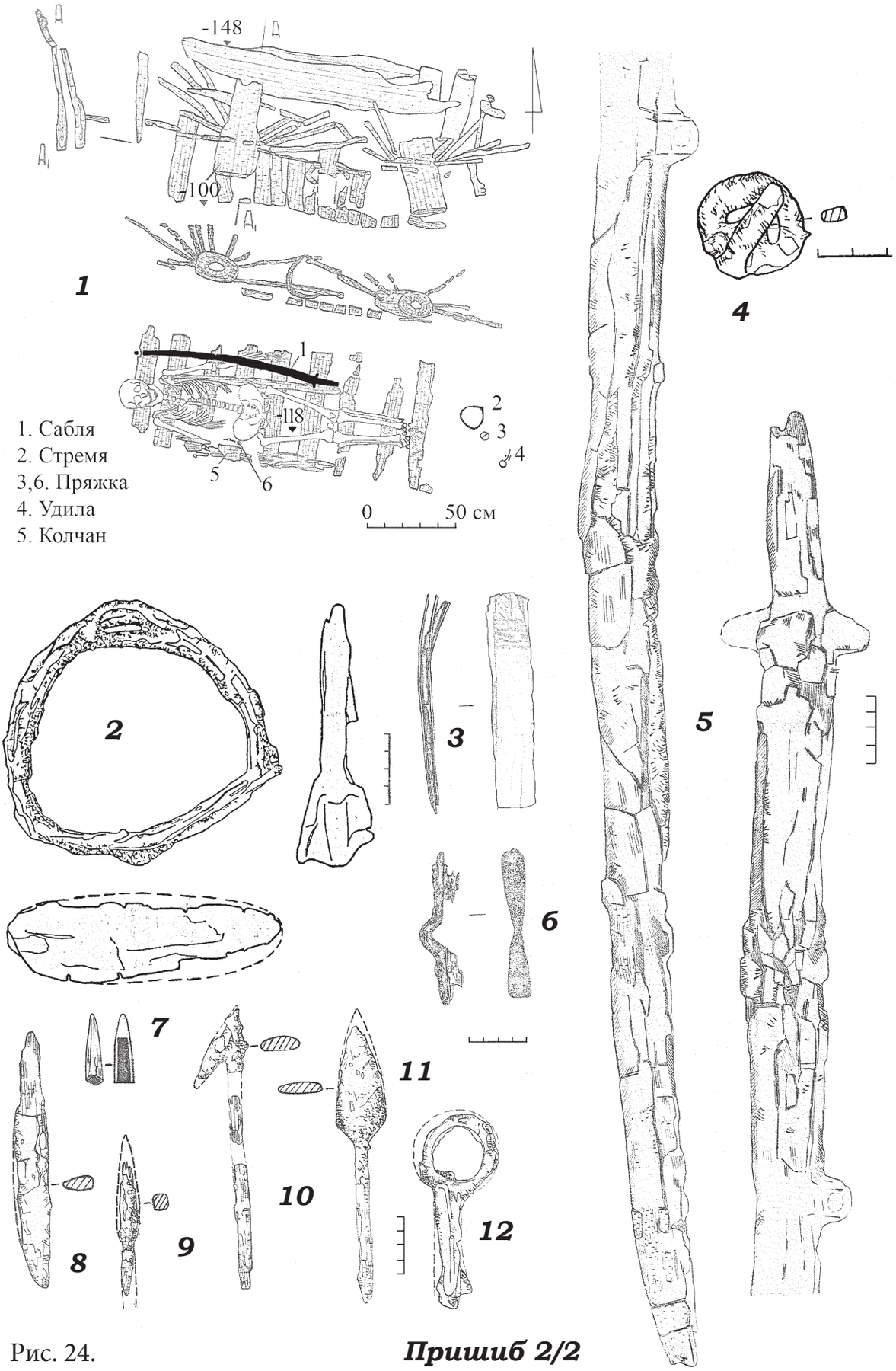
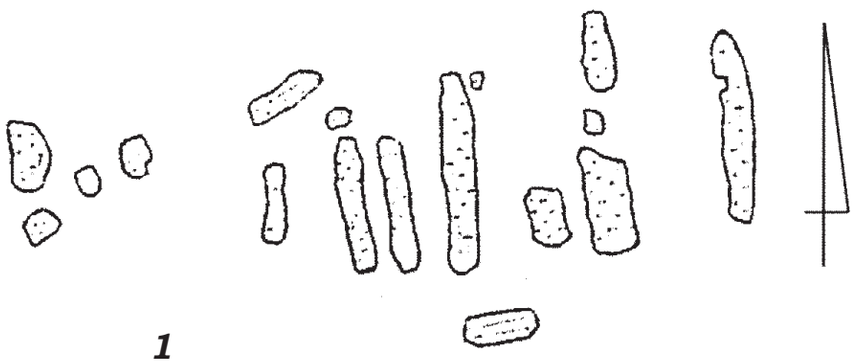
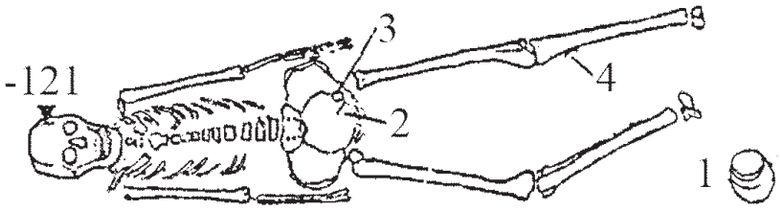


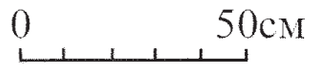
Рис. 24. ***Пришиб 2/2***



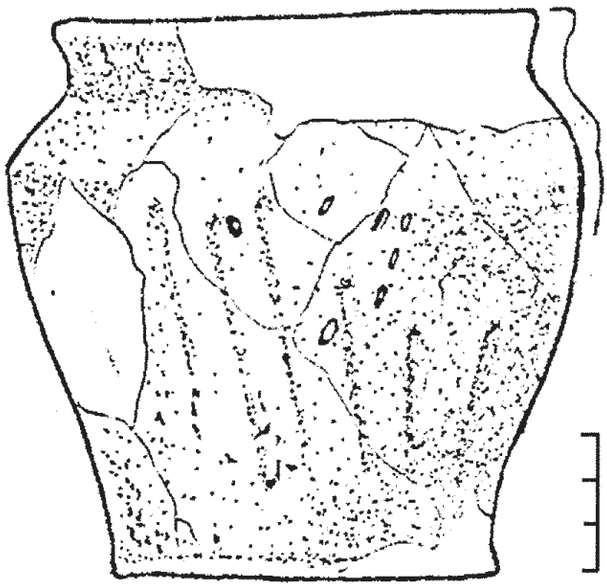
1



1. Сосуд
2. Нож железный
3. Поясное кольцо железное
4. Фрагмент бронзового кольца

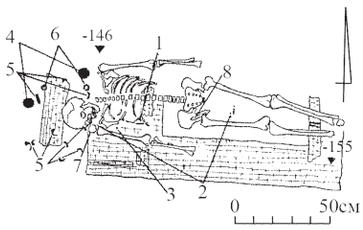


Пришиб 2/4



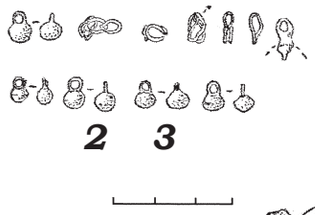
2

Рис. 25.



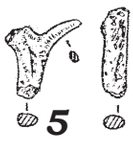
1. Бронзовая застежка
2. Бронзовые подвески пуговицы
3. ф-нт медной цепочки
4. округлые нашивки на головной убор
5. нашивные полудуги очелья
6. накосница
7. подвеска из веточек коралла
8. ф-нт железного ножа

1



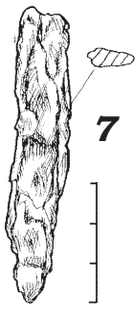
2 ***3***

4

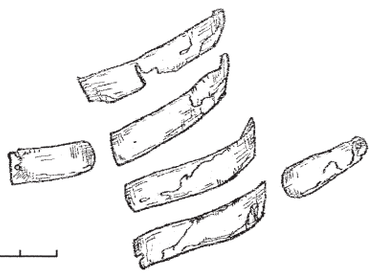


5

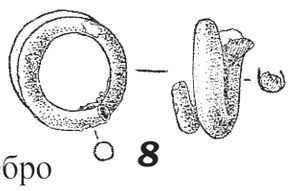
коралл



7

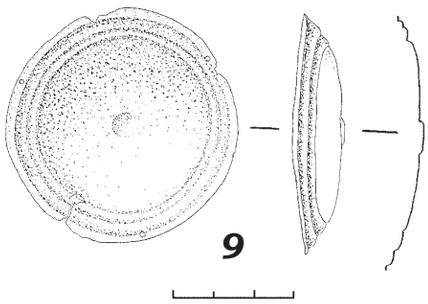


6

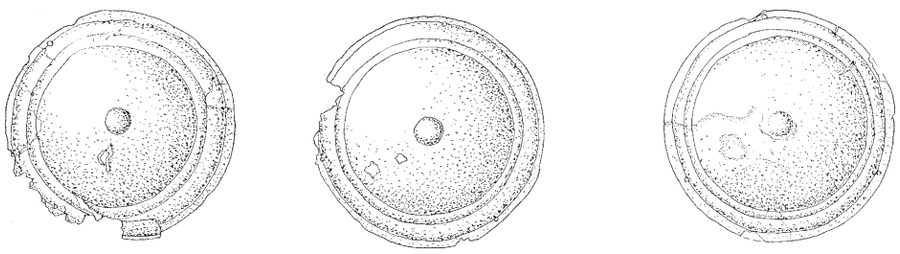


серебро

8

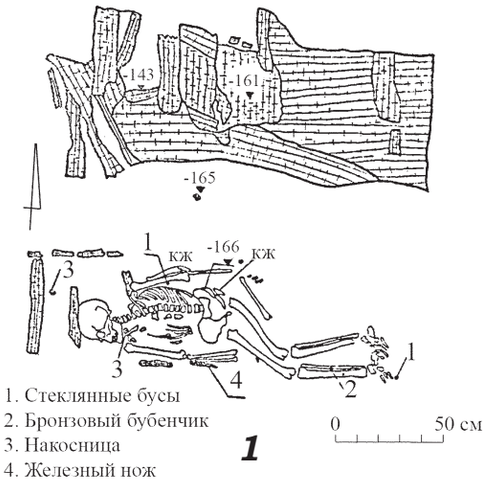


9



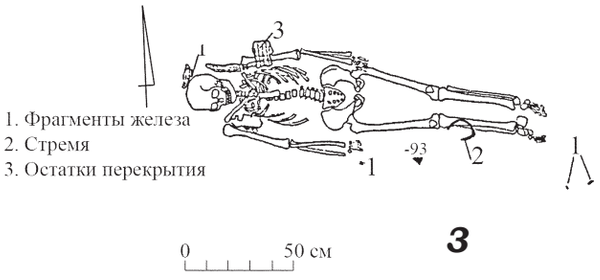
Пришиб 2/5

Рис. 26.



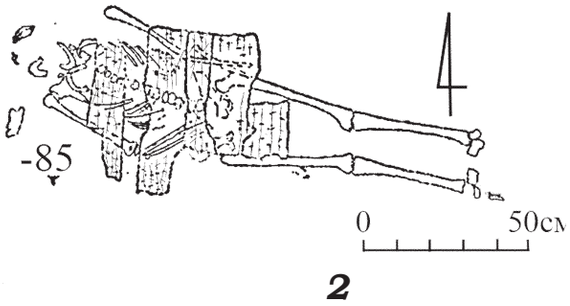
1

Пришиб 2/6



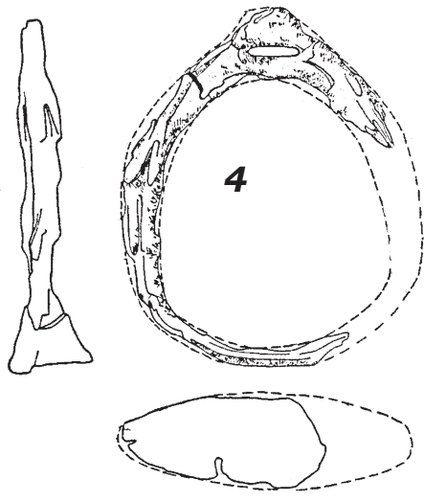
3

Пришиб 2/7



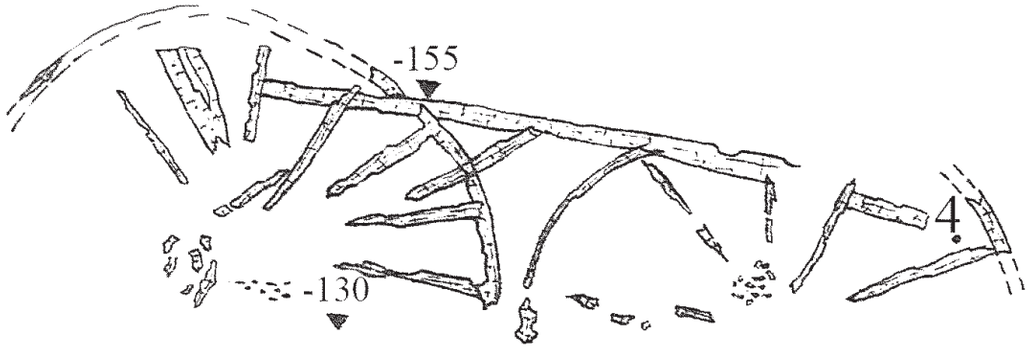
2

Пришиб 2/8

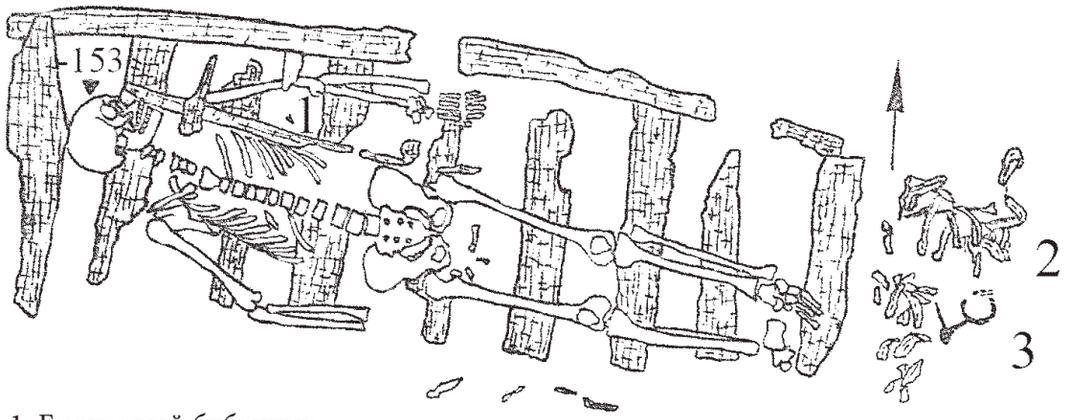


4

Рис. 27.



Перекрытие погребения



1. Бронзовый бубенчик

2. Ременная узда

3. Железные удила

4. Костяная пуговица

1 0 50 см

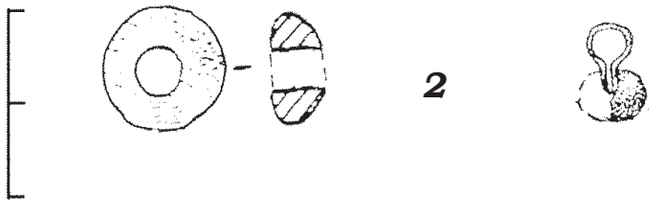


Рис. 28. ***Пришиб 2/12***

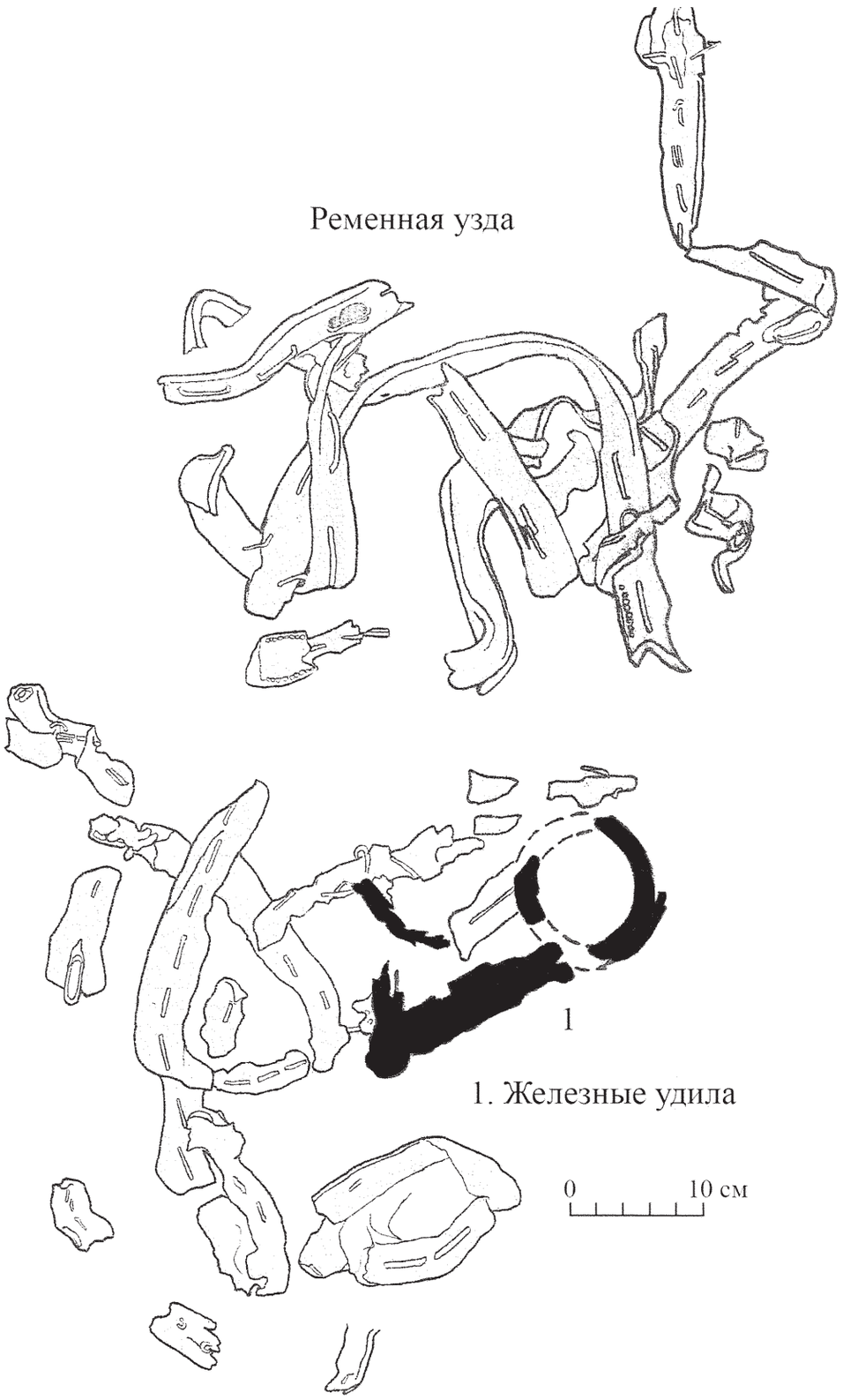
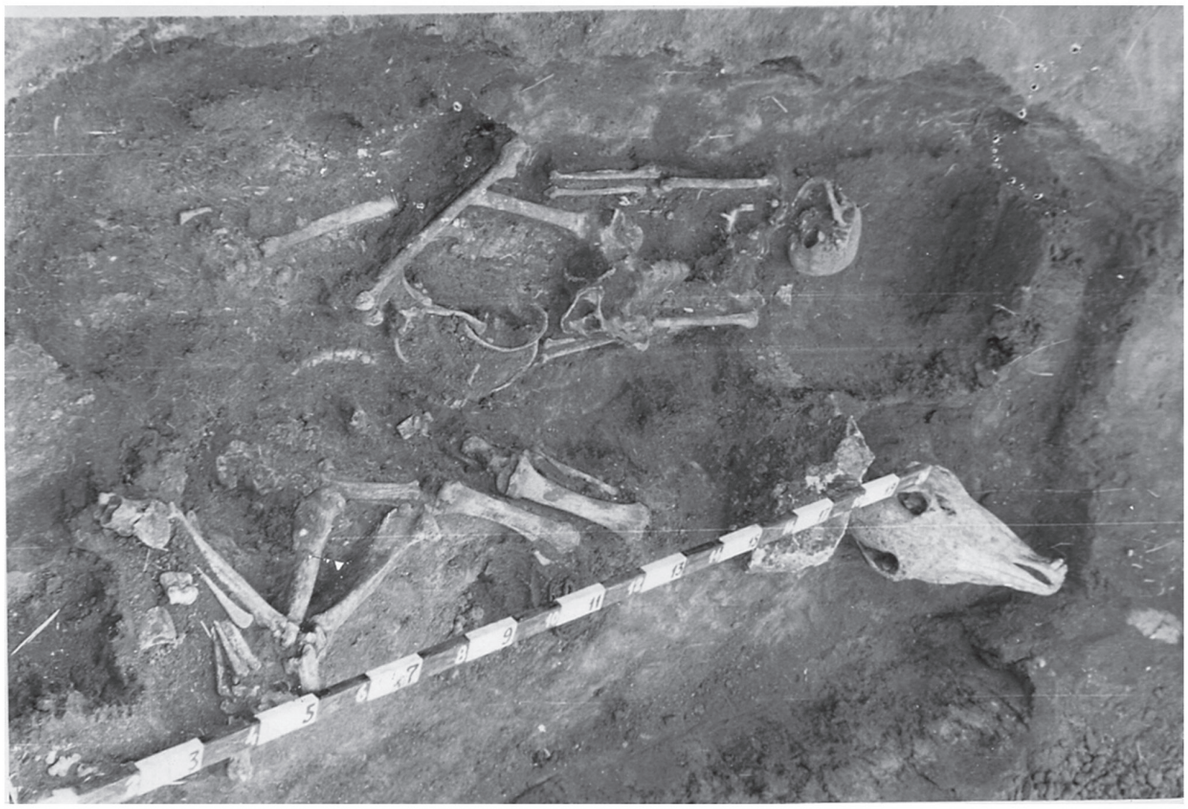


Рис. 29.

Пришиб 2/12

1. Пришиб 2/12 (вид с востока)



2. Пришиб 2/13 (вид с востока)

Рис. 30.

Пришиб 2/13

Рис. 31.

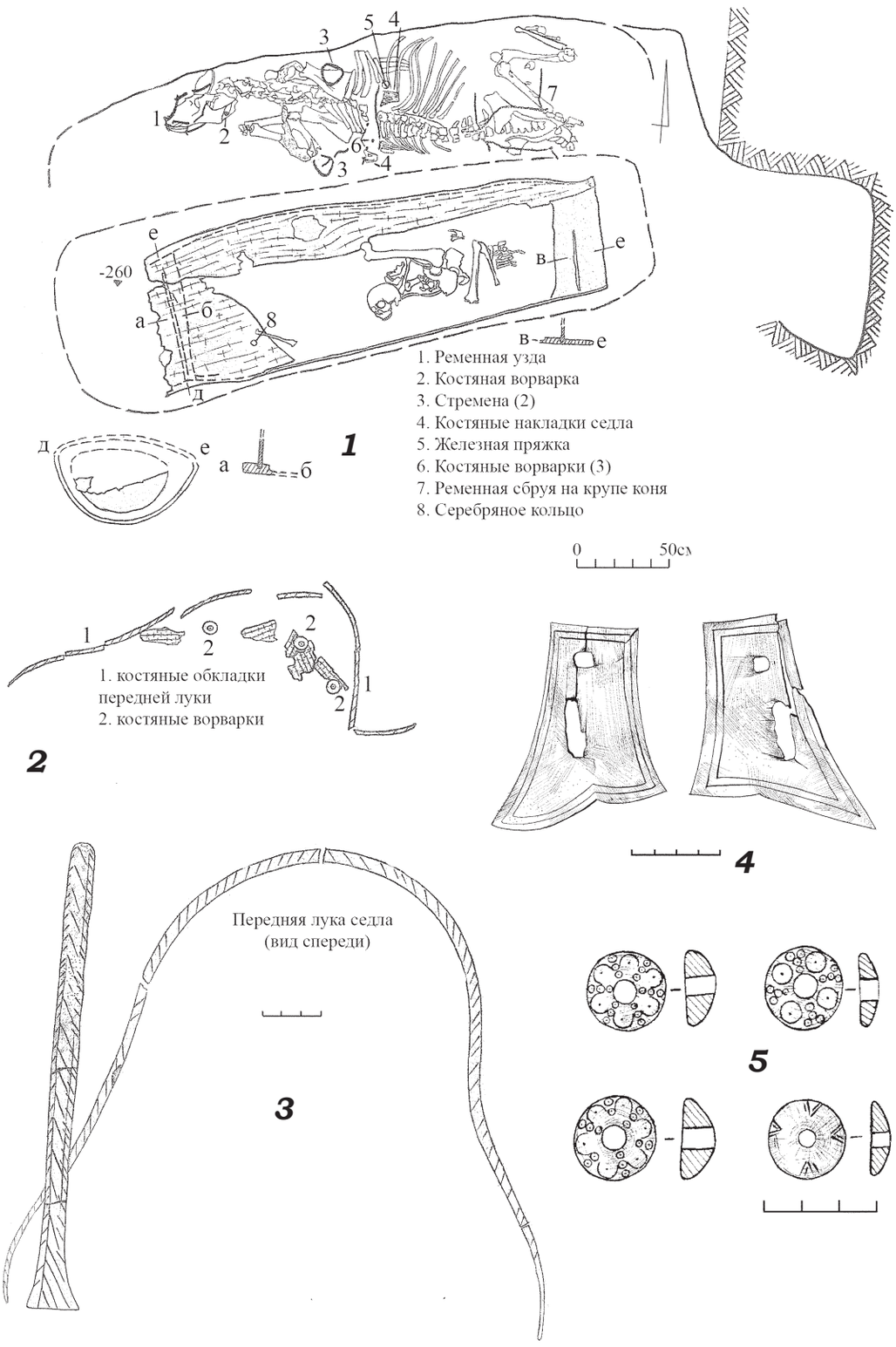
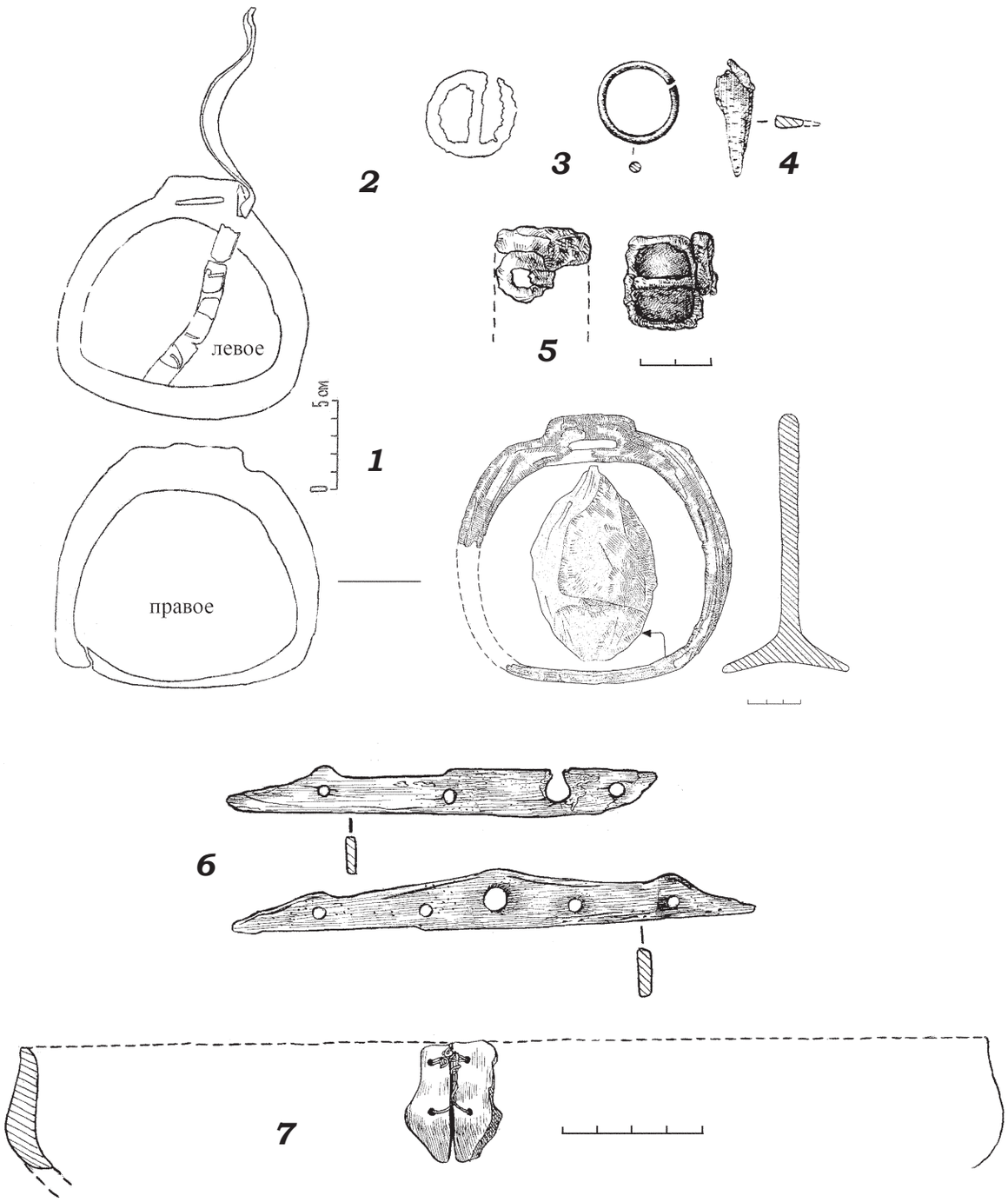


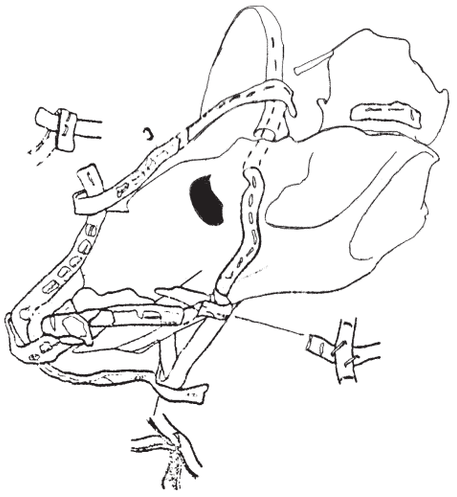
Рис. 32.

Пришиб 2/21

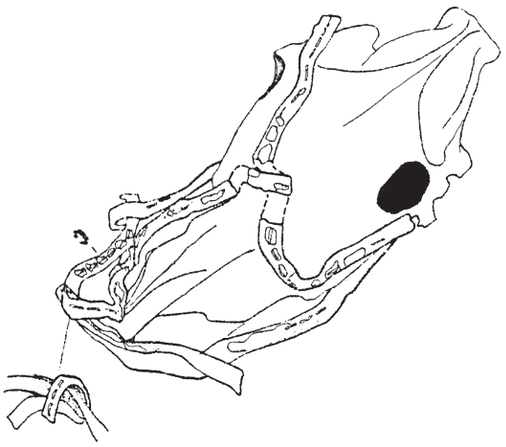


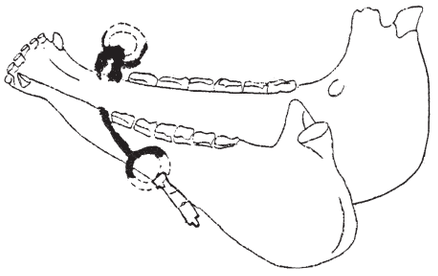
Пришиб 2/21

Рис. 33.



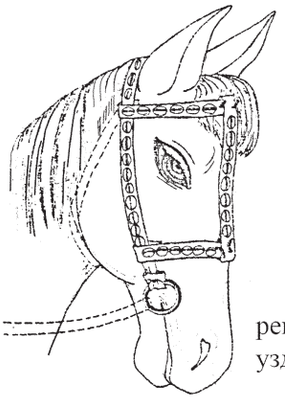
1



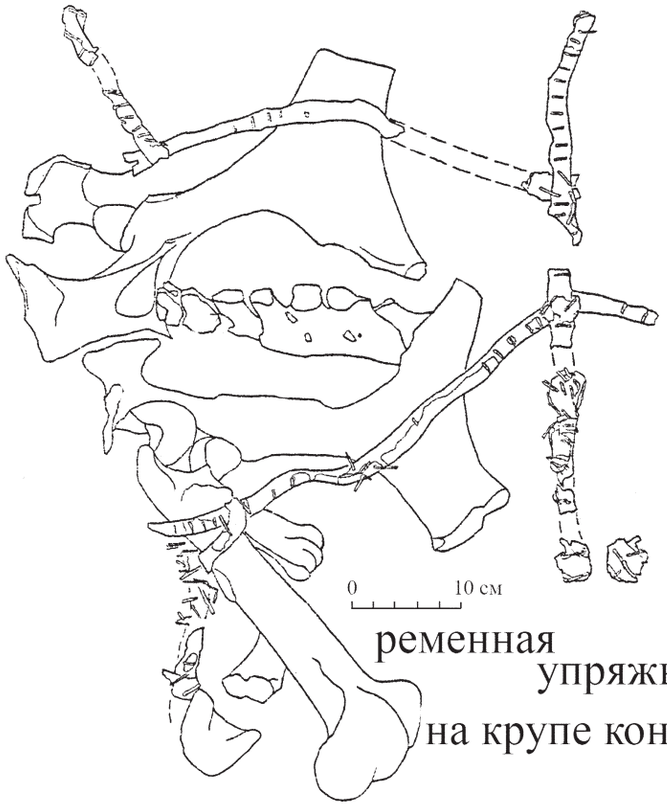


0 10 см

3



реконструкция
узды коня



2

0 10 см

ременная
упряжь
на крупе коня

Пришиб 2/21

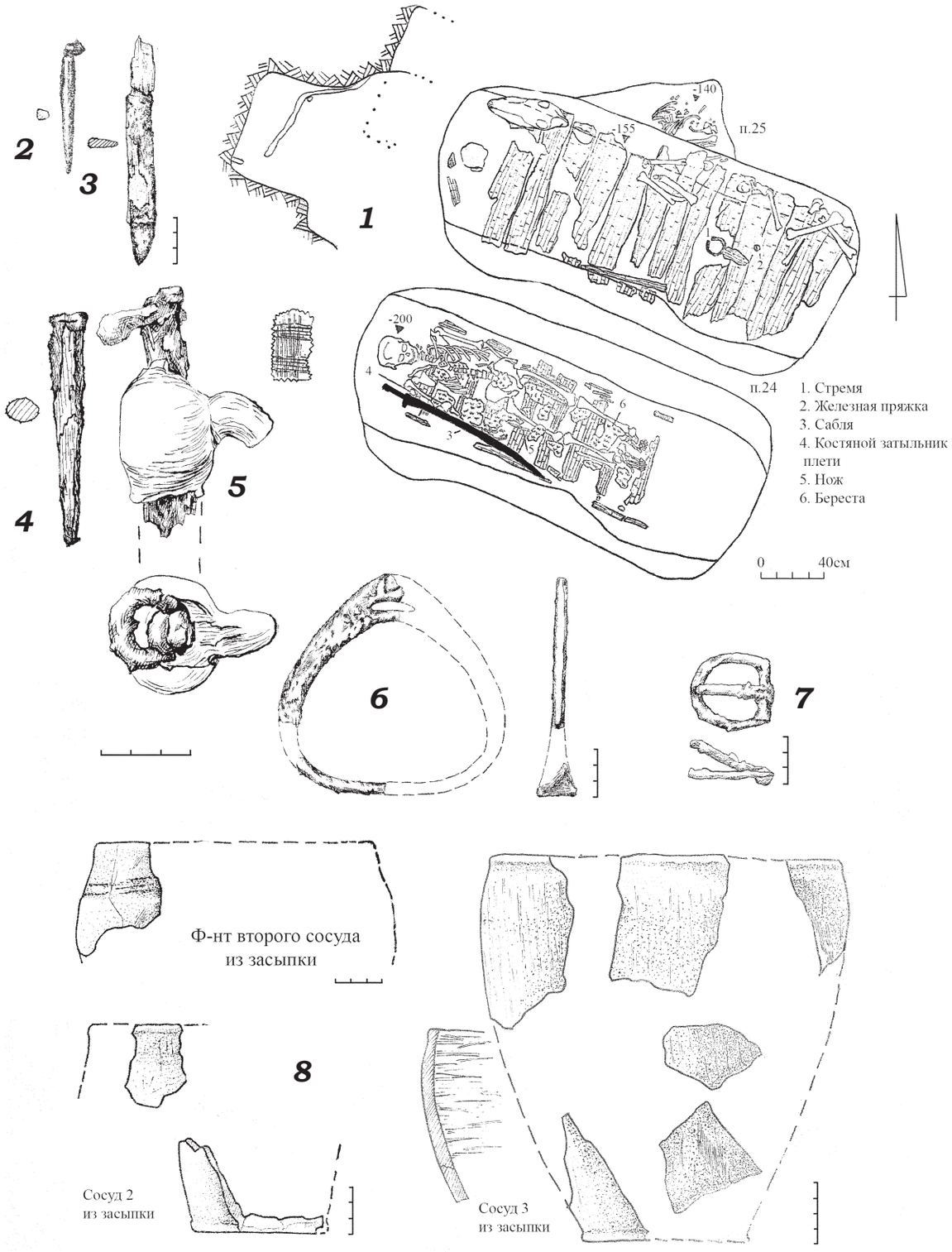
Рис. 34.

1. Система ремней приторочки седла

2. Костяные детали передней луки седла

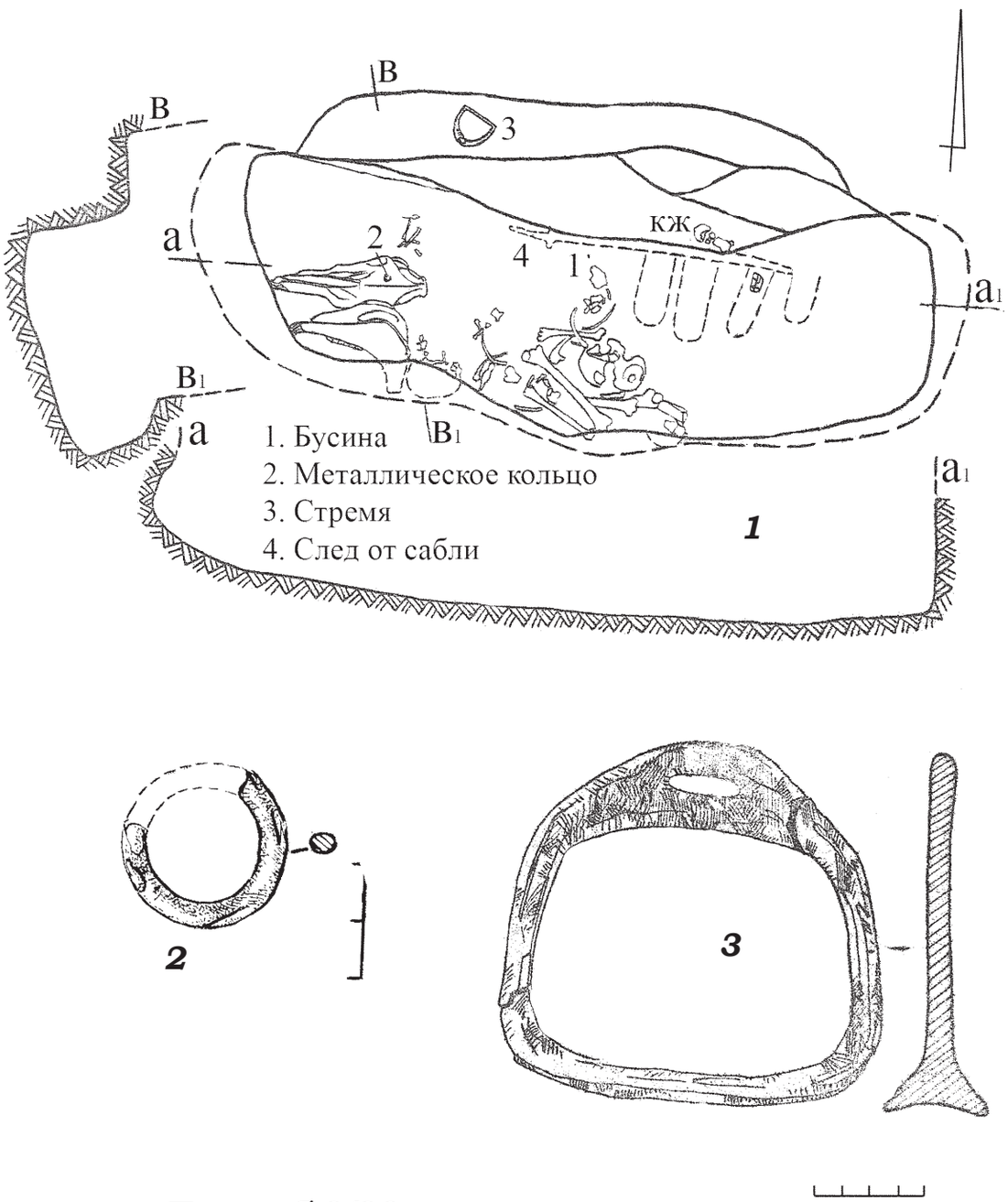
Рис. 35.

Пришиб 2/21



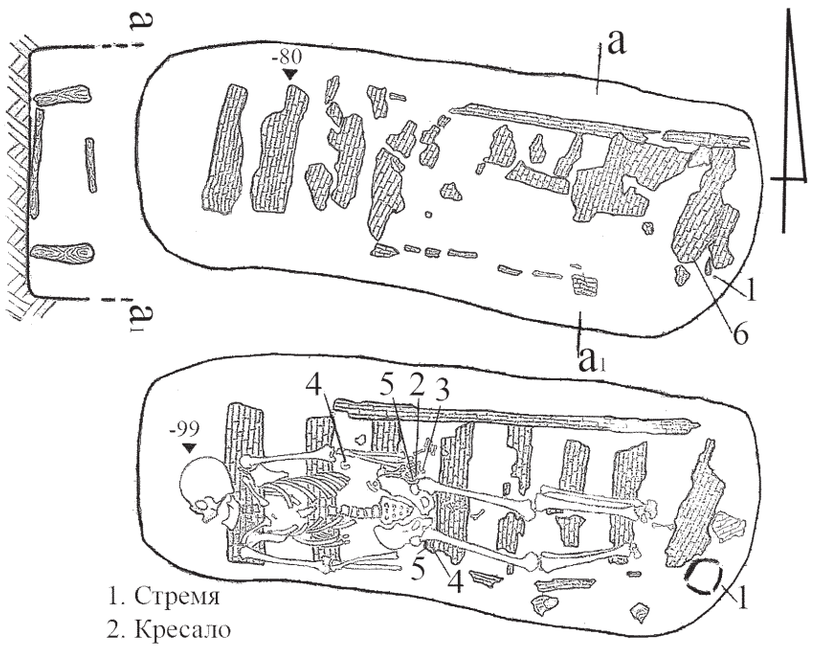
Пришиб 2/24

Рис. 36.



Пришиб 2/28

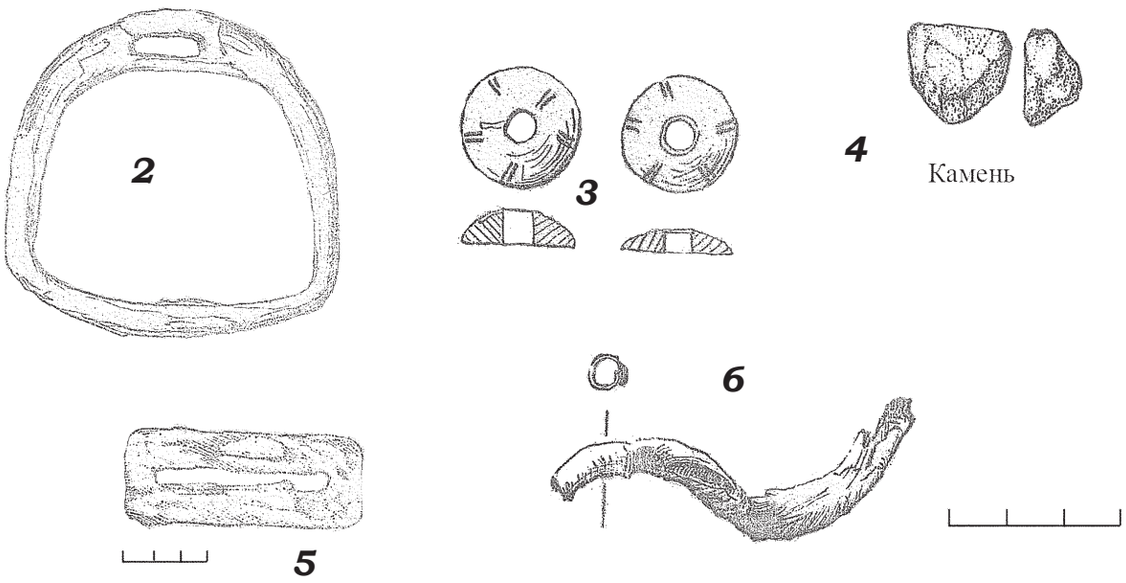
Рис. 37.



1. Стремя
2. Кресало
3. Камешек
4. Бронзовые серьги
5. Кожа
6. Кост. ворварки

1

0 50см



Пришиб 2/31

Рис. 38.

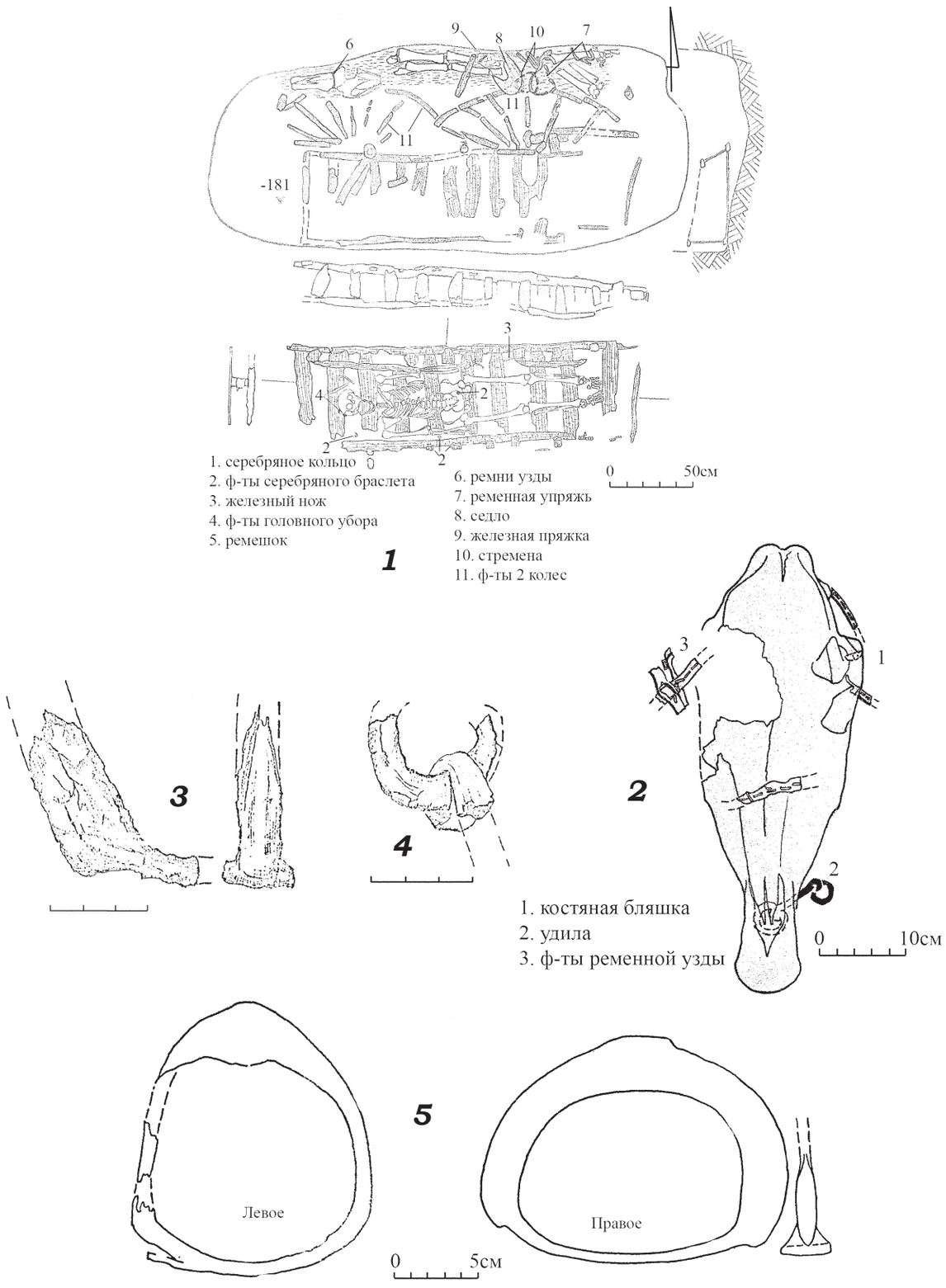
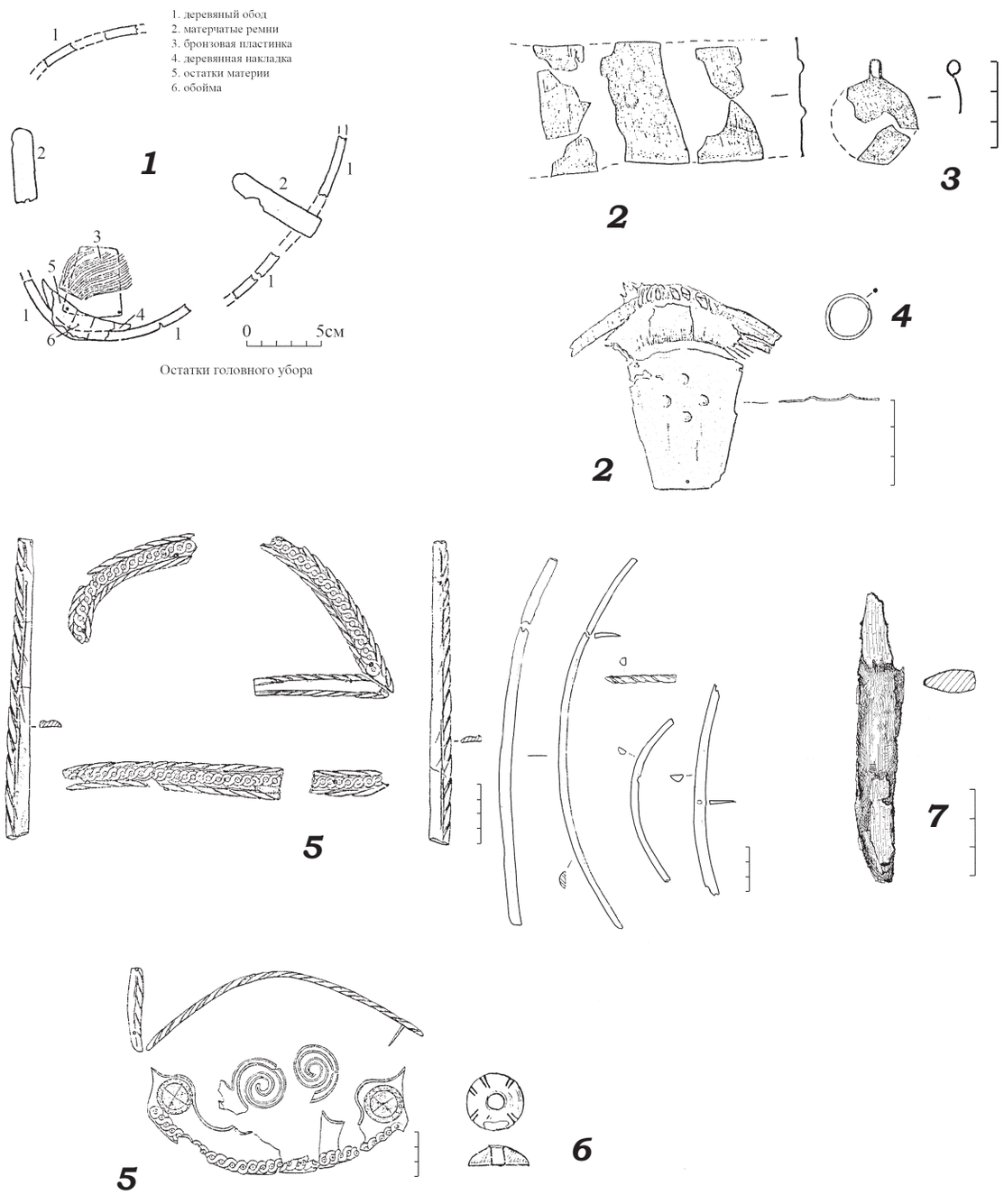


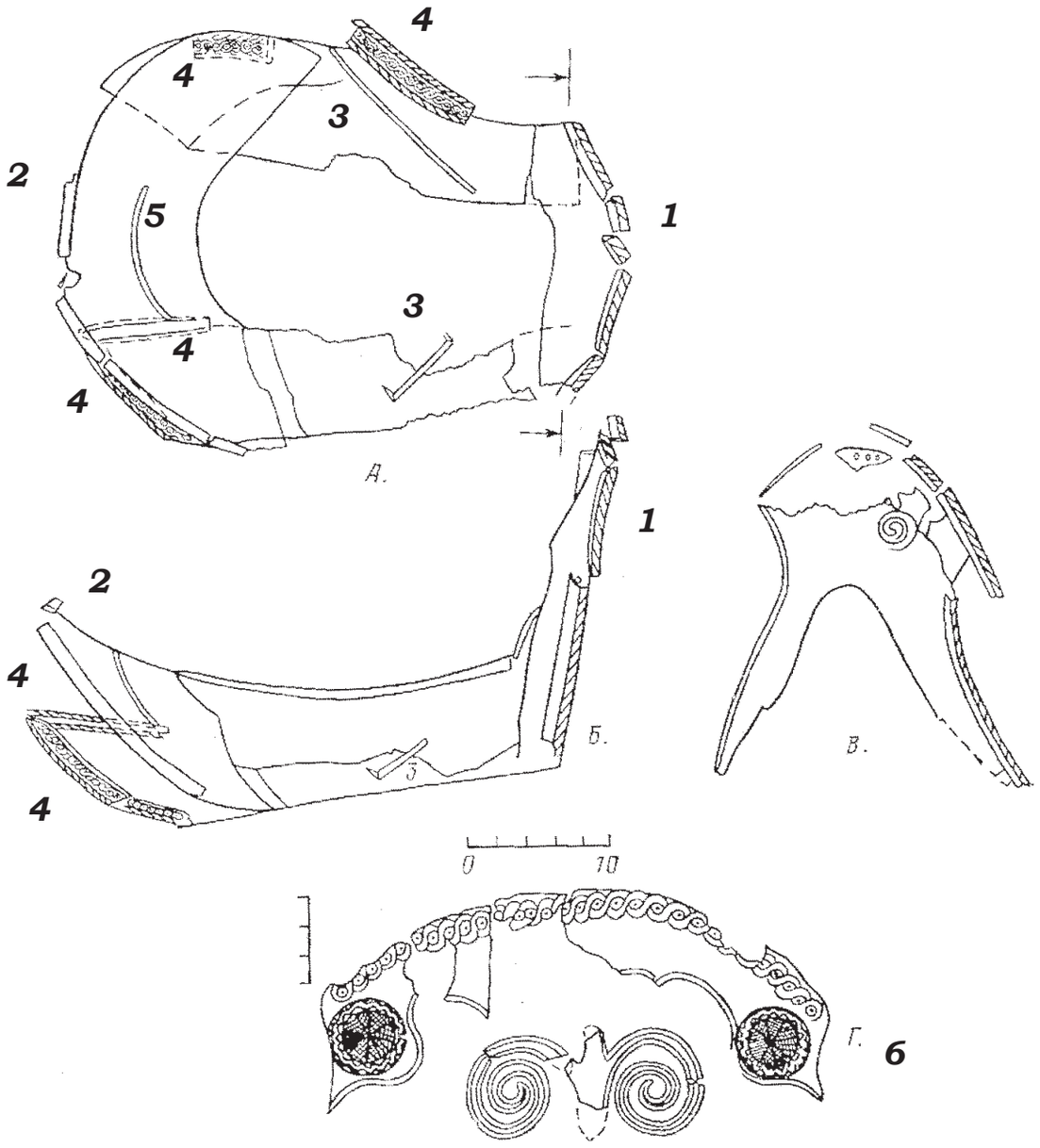
Рис. 39.

Пришиб 2/33



Остатки головного убора

Рис. 40. ***Пришиб 2/33***



1. обкладка передней луки
2. обкладка задней луки
3. костяные пластины на ленчике
4. орнаментированные накладки на ленчике
5. дугообразная пластина
6. украшение передней луки

Пришиб 2/33 Рис. 41.

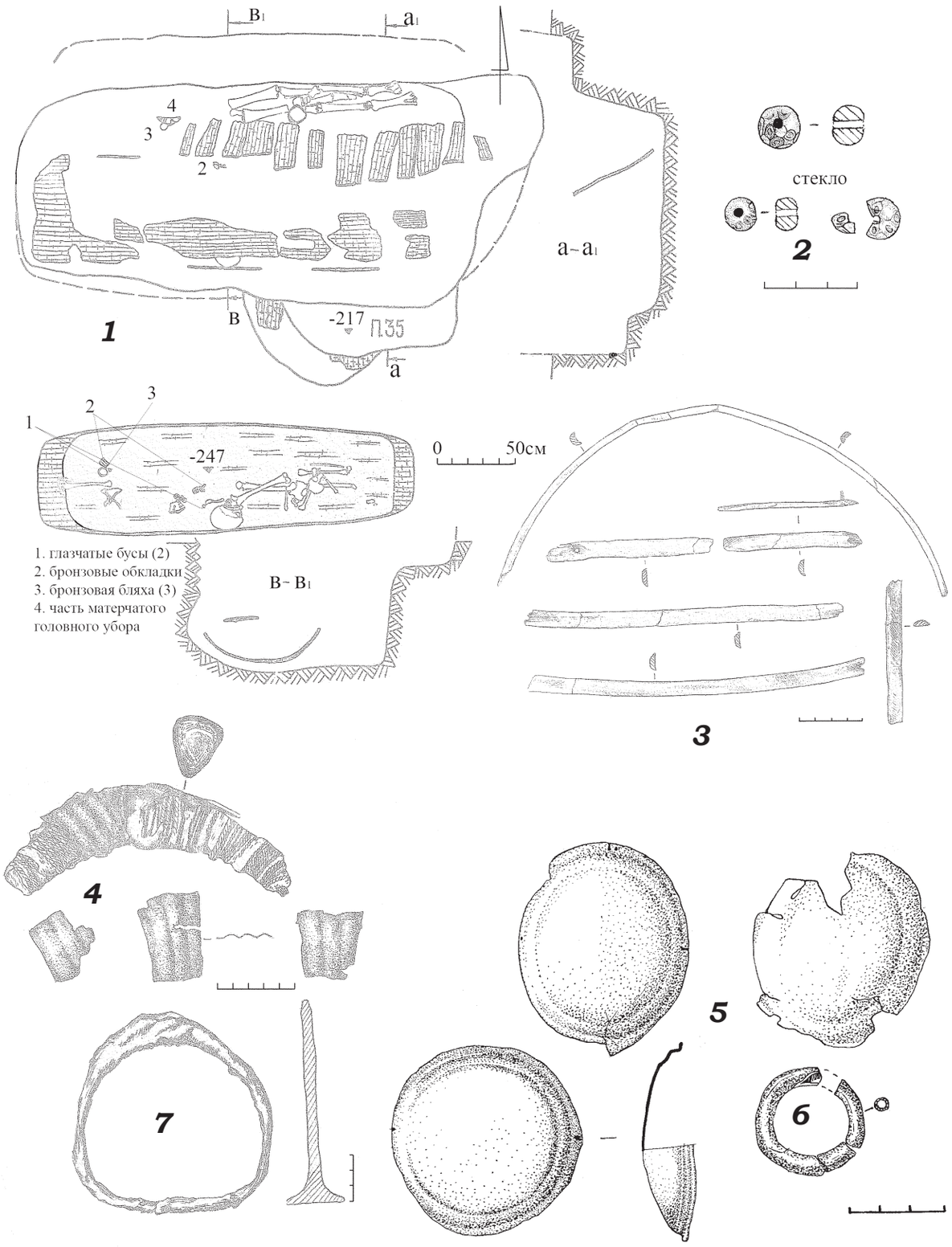


Рис. 42.

Пришиб 2/34

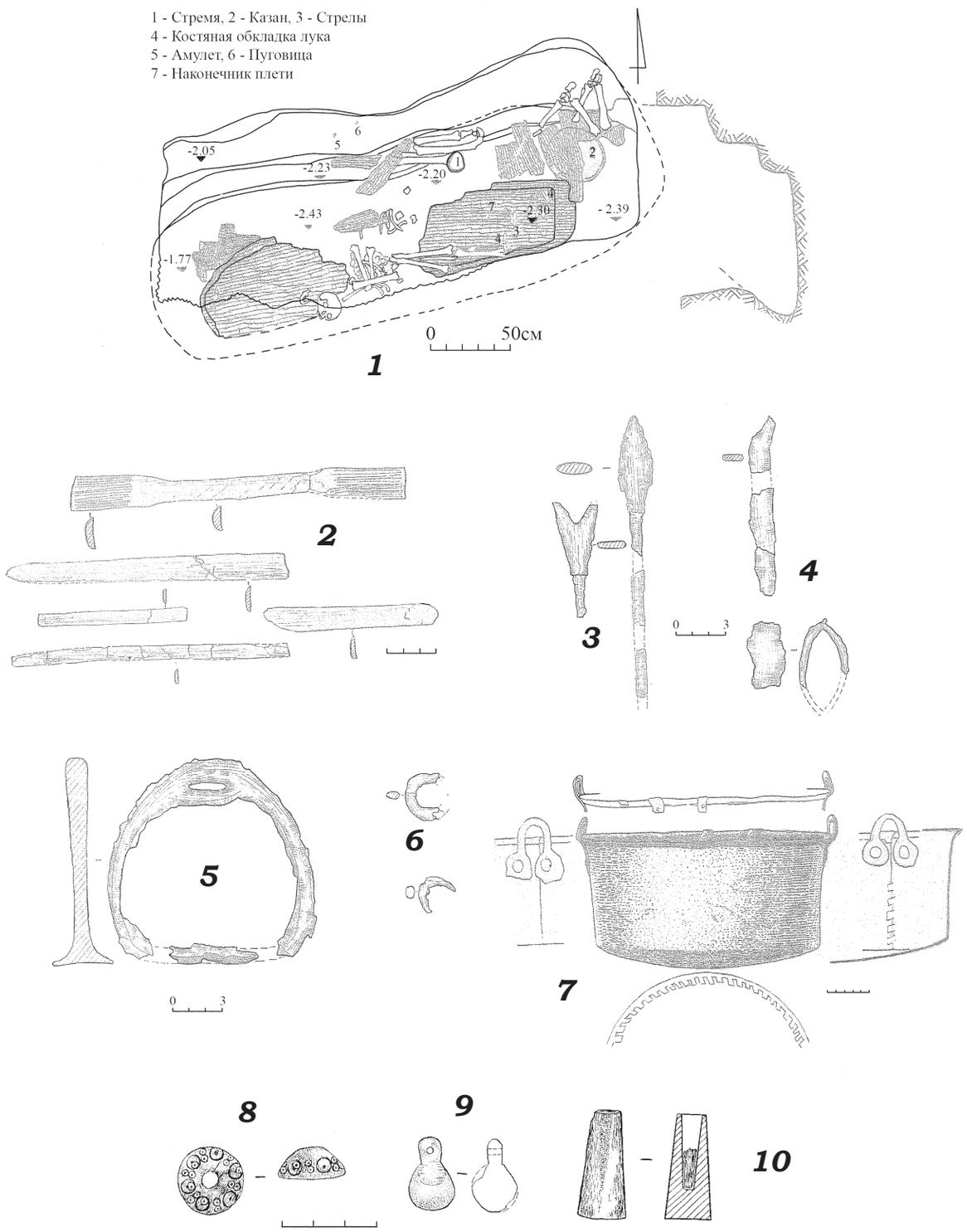


Рис. 43.

Пришиб 3/2

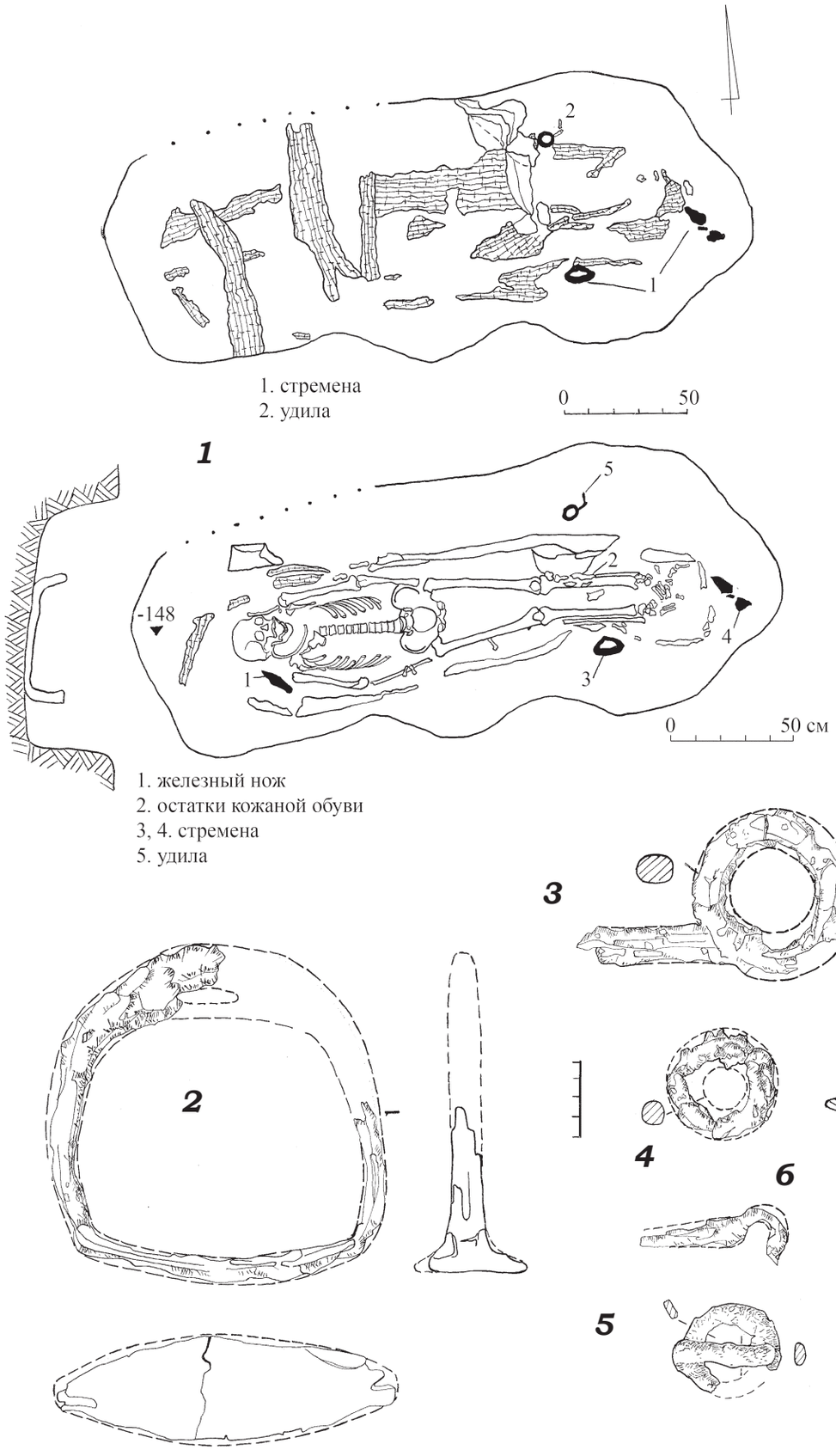
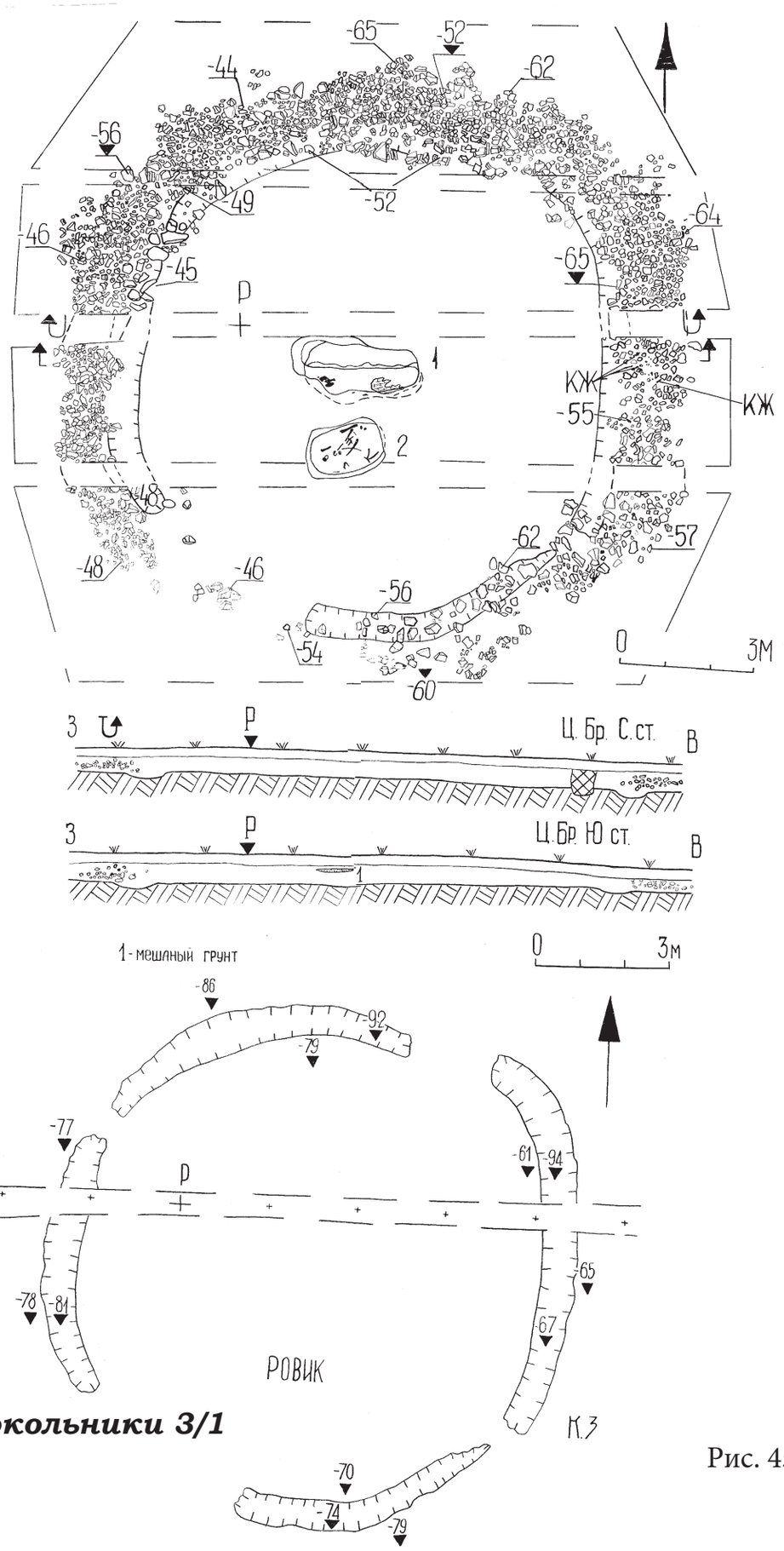


Рис. 44. ***Знаменка 2/6***



Сокольники 3/1

Рис. 45.

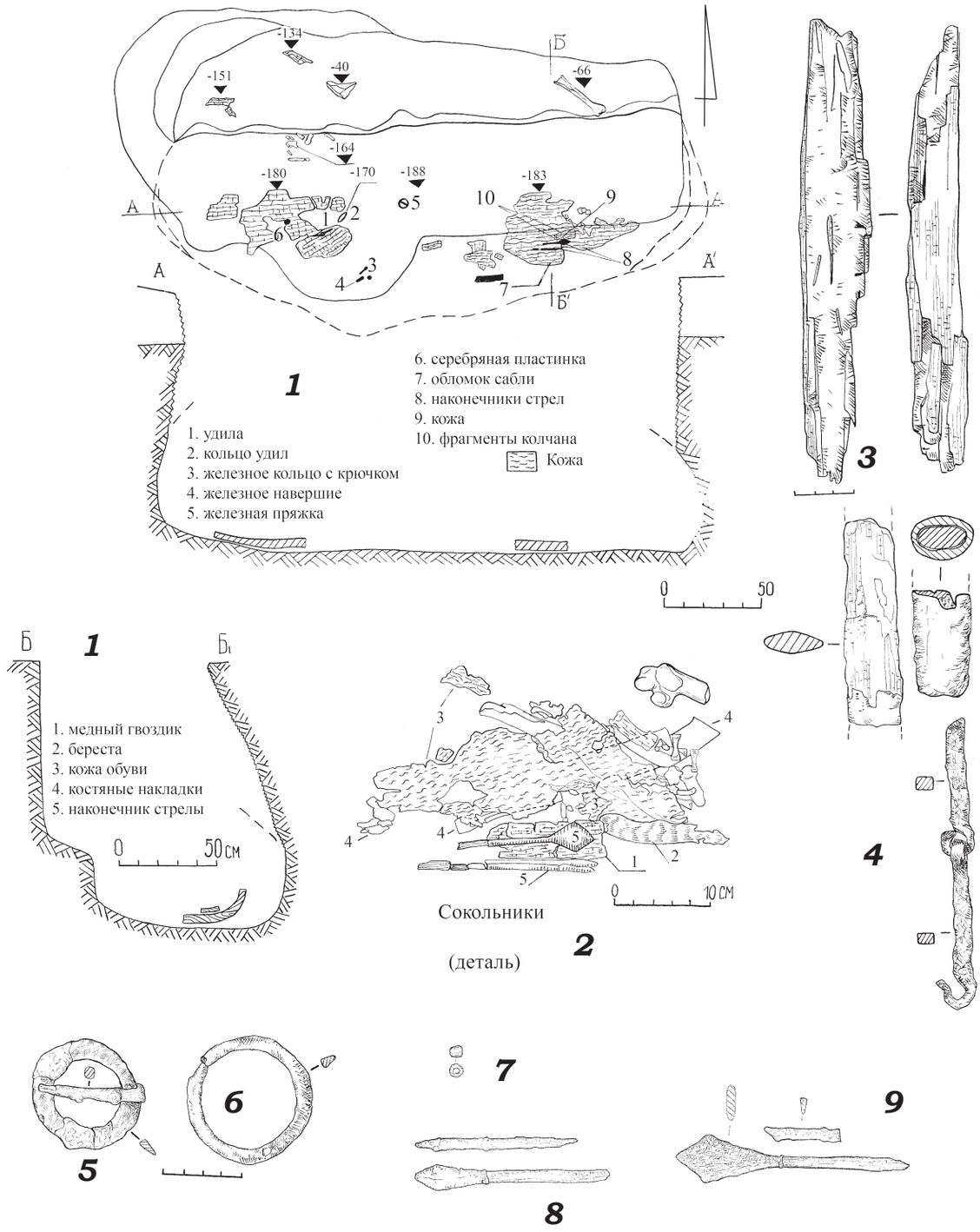


Рис. 46. ***Сокольники 3/1***

Квитницкий М.В.

Культурно-хронологическая интерпретация погребальных и вещевых комплексов

2.1. Принципы хронологической интерпретации и общая характеристика вещевых наборов

Исследованные Донецкой экспедицией погребения кочевников периода развитого средневековья образуют единый массив из двух компактных групп и отдельных могил, в пределах сравнительно небольшой территории участка донецкой степи, что хорошо видно по картографированию мест выявления комплексов (*Рис. 1*). Могилы включают мужские захоронения, женские и одно подростково-детское. Набор инвентаря в захоронениях, при предварительной оценке богатства можно охарактеризовать как средний, несмотря на присутствие могил представителей кочевой знати и воинов. Выделяются два могильника, у с. Пришиб и у с. Смелое, наличие которых позволяет утверждать о долговременном местонахождении на этих территориях определенной группы кочевников. В данном разделе будет рассмотрена и проведена хронологическая интерпретация полученного в ходе раскопок материала, что позволит в дальнейшем установить занимаемое время и место исследованных погребений в истории кочевой степи.

Датирование кочевнического материала периода развитого средневековья, как правило, дело довольно сложное. В отличие от стратифицированных памятников, которые при накоплении соответствующей базы находок, позволяют первоначально прослеживать и разделять хронологию по стратиграфическим особенностям, степные кочевнические древности лишают нас возможности таких наблюдений. Несмотря на существующие, на сегодня, обстоятельные обобщающие работы по средневековой хронологии, основной массив погребений в работах исследователей определяется весьма широкими временными рамками. Без особых трудностей на сегодня возможно датирование погребений с монетами и определенным набором вещей периода Золотой Орды. В тоже время наблюдается тенденция в работах российских и украинских исследователей часто датировать любые по хронологии погребения (от рамок X – по начало XIII вв.) исключительно золотоордынским временем. Что при общей исторической характеристике искажает объективную картину присутствия номадов средневековья в южнорусской степи.

Проблема датирования усугубляется отсутствием выработанных общепринятых хронологических шкал для точного определения времени того либо иного предмета из погребений, хотя работы в этом направлении ведутся.[6] Как справедливо отмечают российские исследователи, сложность при датировках вызвана тем, что зачастую одни и те же вещи у разных авторов имеют разные хронологические оценки (Блохин, Дяченко, Скрипкин, 2003, с. 197). В тоже время при определении степной хронологии нас не могут удовлетворять широкие даты в диапазонах XI-XII, XII-XIII, XII-XIV либо XI-XIII вв., поскольку, с учётом зафиксированной дробной событийной хронологической шкалы истории кочевников в известных письменных источниках, даже «минимальный» охват в 200 лет, по сути, делает малоценной археологическую науч-

[6] В частности хронологии вещей степных комплексов в последнее время посвящена серия обстоятельных работ написанных А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной. Однако предлагаемые авторами датировки вещей и время их распространения спорны. Тенденция весь материал связывать с периодом монгольских завоеваний и временем господства Золотой Орды заставляет, при пользовании трудами указанных исследователей, постоянно обращаться к первоисточникам, которые не всегда согласуются с предложеными выводами. И в этой связи отдельное и критическое рассмотрение дискуссионных сторон хронологических интерпретаций А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной еще ждет своего времени.

ную значимость раскопанного объекта. На мой взгляд, при хронологических определениях кочевых древностей, в первую очередь необходимо опираться на широкий круг аналоговых сопоставлений вещей. В первую очередь, при этом, нужно обращать внимание на материалы с территорий, которые продолжительное время находились в зоне прямых и непрямых контактов с кочевыми жителями степи. Использование сверок с уже существующими обобщающими трудами по вещевой хронологии также не лишены смысла, но, безусловно, с обязательным критическим рассмотрением, поскольку на сегодня, после значительного дополнения известной археологической базы, уже требуют корреляции основополагающие работы А.Ф. Медведева и А.И. Кирпичникова. Также, в свете отдельных работ Б.А. Рыбакова, М.В. Горелика, В.И. Поветкина и др. накопились вопросы по некоторым моментам Новгородской шкалы. Использование таких моментов, как форма и тип могильной конструкции, количественно-анатомических особенностей сопровождающих покойника костей коня, ориентировка погребенного и конструкция гробовища, как предлагают А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина, я считаю малоэффективным и пока что преждевременным.

Выбирая подходы к методике датирования степного материала Г.А. Федоров-Давыдов, утверждал: «...мы рискуем, ограничиваясь датировкой по аналогиям, допустить существенные ошибки. Потому подбор аналогий следует сопоставить с исследованием сопряженности типов вещей внутри материала позднекочевнических погребений...» (Федоров-Давыдов, 1966, с. 93). При этом основным подходом к определению правильности хронологии ученый считал метод сопоставления взаимовстречаемости вещей в погребении, и соответственно выделение основных связывающих типов для каждого хронологического периода. Однако откидывая первоочередность аналогового датирования вещей для степных комплексов, исследователь так и не объяснил то основание, посредством которого он смог определить датировку вещей, с помощью которых использовался метод взаимовстречаемости для всего (подчеркивание наше – М.К.) периода господства кочевников в X-XIV вв. При таком подходе хронология связывающего типа вещи является всего лишь продуктом собственного субъективного видения, к тому же ни один из исследователей при использовании этого метода не делал поправку на динамичность развития материальной культуры. Действуя, таким образом, без поправки на динамику развития типов вещей, через «взаимовстречаемую» цепочку комплексов можно спокойно «связать» в одной плоскости между собой вещи X-XI и XIV вв. Так либо иначе методологический подход, базированный на методе внутрикомплексного сопоставления вещей, хорошо работает при четких хронологических реперах - наличии нумизматического материала либо при многослойной стратиграфии. Отсутствие хронологических репеперов для основного массива погребений конца IX – 1-й пол. XIII вв. вынуждает искать их в среде аналоговых сопоставлений. Наличие монет в курганах вятичей позволило успешно использовать этот подход А.В. Арциховскому, опираясь на его опыт можно и необходимо использовать подобную практику, но в основном для золотоордынских материалов, что успешно в свое время и сделал Г.А. Федоров-Давыдов. Для «безмонетных» погребений при отсутствии четко стратифицированных памятников датировка и интерпретации древностей со степных погребальных комплексов на основании исключительно тех же (извините тавтологию) степных погребальных комплексов будет приводить к системным ошибкам и, вцелом не всегда результативна. Это не означает, что данный метод непрактичен, наоборот он очень важен, но база, на которую он должен опираться при определении степных, нестратифицированных, материалов, как раз и должна состоять из аналоговых сопоставлений, либо строится на вещах чья хронология не вызывает достаточно аргументированных сомнений.

Касательно перспективы аналоговых сопоставлений отметим еще одну деталь, мобильность степных кочевых групп, и их

частое участие в дальних тысячекилометровых походах, что зафиксировано многими письменными источниками, несомненно, находило отображение в материальной культуре – предметах трофеях. Яркий пример тому погребение комплекса Рясный-II 2/8 из Матвеево – Курганского района, Ростовской области России, где стремена из комплекса имеют прямые аналогии исключительно в вещах из прибалтийских средневековых могильников, в частности в материалах могильника Поваровка (Ларенок В., Ларенок П., 1993; Могильник Поваровка, 2006, Т.8).

Прежде чем приступить к рассмотрению хронологии вещевых комплексов, остановимся на обобщающей характеристике вещей и частоты их встречаемости. Сопутствующий 23[7] рассматриваемым погребениям инвентарь можно разделить на несколько групп: - предметы вооружения, снаряжение всадника и коня, конструктивные элементы колесного транспорта, детали украшения сбруи, детали одежды, личные украшения, бытовые вещи и предметы-символы социального статуса.

В восьми комплексах было отмечено присутствие сабель, в шести найдены костяные и железные наконечники стрел, в трех находились костяные накладки на лук и колчан, а также костяные и железные колчанные петли. Подпружные пряжки были в восьми погребениях, в одиннадцати – удила, в двенадцати – стремена, в пяти – седла либо костяные накладки на луки седел, в трех найдены детали плетей и в одном костяная застёжка от путлища ног лошади. В четырёх случаях прослежена конская ременная упряжь, которая была добавочно украшена бляхами, крепившимися посредством скоб. Костяные пряжки-застежки «ворварки» присутствовали в семи погребениях. Металлические детали сложного головного убора найдены в трех женских погребениях и в одном мужском. В шести выявлены одежные застежки, бронзовые пуговички либо бубенчики. Личные украшения распределяются следующим образом: тринадцать погребений с височными кольцами либо серьгами, в семи случаях найдены бусы. В четырёх женских погребениях найдены подвески из ляпис-лазури, кораллов и янтаря, в одном найден металлический браслет. Бытовые вещи представлены ножами – тринадцать погребений, двумя находками кресал, глиняной посудой из пяти могил и двумя находками деревянных чаш. В двух погребениях найдено, по одному предмету, кожаный кошелёк и оселок. Деталей поясной гарнитуры (пряжки) не выявлено. Одна находка декоративной пряжки-наконечника пояска относится к гарнитуре сложного женского головного убора. Предметы-символы социального статуса происходят из двух мужских погребений, это сломанная выпрямленная железная гривна и бронзовый казан.

2.2. Детали женских головных уборов

Конструктивные детали сложного головного убора в виде деталей от «рогов» в погребениях более частая и весьма известная находка, чем округлые фаларовидные нашивные бляхи (*Рис. 51*). Сами головные уборы такого плана еще не были предметом специальных исследований. Их время появления, типы, технологические приемы изготовления и общая хронология до конца еще не ясны. Как правило, среди исследователей, на основании изображений каменной половецкой скульптуры, закреплена мысль, что такие головные уборы отличительная черта половцев, хотя находки деталей таких уборов известны и среди черноклобуцких древностей (Плетнёва, 1973, с. 53, 54. Таб. 5, 6).

Касательно бронзовых нашивных пла-

[7] Экспедицией было исследовано 26 погребений определяемых как кочевнические. Два комплекса не имели инвентаря. Один комплекс из Петропавловки Донецкой области, в данной работе не рассматривается, в силу значительной географической удаленности от остальных погребений.

стинок от роговидных деталей головного убора можно отметить наиболее раннюю находку средины XI в. в комплексе Полковое 3/3 Донецкой области. А.В. Евглевский, автор публикации, относит это погребение к золотоордынским (Евглевский, 1992, с. 108-111. Рис. 2/1-8), но с такой датировкой решительно нельзя согласится. В погребении присутствуют две декоративные бляшки с ребристым выпуклым орнаментом по краям. Такого типа изделия встречаются исключительно среди материалов от 2-й пол. IX по XI вв., как пример, где рассматривается хронология такого типа вещей, укажем работу Р.С. Орлова (Орлов, 1984, с. 28-30. Рис. 4). Да и другие находки с Полкового не имеют ничего общего с вещевыми наборами монгольского времени. Находки дуговидных пластинок известны и в богатом женском захоронении рубежа XII-XIII вв. около с. Новоивановка (Швецов, 1974, с. 95. Рис. 2/*3*). Найдены они также и в комплексе 9/2 между с. Филатовка и Карпова Балка, Красноперекопского района Крыма. Авторы публикации датировали погребение широкими рамками XI-XIII вв. (Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 57-59. Рис. 12/3). Из аналогий нашивным бляхам и пластинам в комплексах Пришиб 1/7, 2/5 и 2/34 (*Рис. 51/1, 2, 5-7*) следует навести находки из погребения возле с. Фащевка. Автор публикации датирует комплекс довольно широко в пределах XI-XIII вв., опираясь при этом на датировку половецкой скульптуры, где изображены головные уборы с «рогами» (Кравцова, 2005, с. 177-180). Аналог сложному головному убору с двухкомпонентным нашивным элементом – бляхи и выгнутые пластинки, известен в погребении с широкой датировкой XII-XIII вв. у г. Орджоникидзе. В отличие от рассматриваемых блях с погребений у Пришиба, находки с Орджоникидзе плакированы золотом и имеют сложный штампованный рельеф в виде семилепестковых розеток (Толочко, 1999, с. 118. Рис. 31/*2, 9*). Которые, в свою очередь, являются предметом импорта с территорий Карпато-дунайского региона.

Кроме крепления к головным уборам такие же гладкие бляхи были предметом украшения конской сбруи в XII-XIII (Клименко, Цымбал, 2005, с. 181-182. Рис. 1/3, 4) – 1-й пол. XIV вв. В мужских погребениях тоже известны подобные бляхи. Так фрагменты трех предметов диаметром 6-7 см, с высоким штампованным рельефом, происходят из разрушенного погребения около с. Ивано-Дарьевка (Полякова, Полидович, 2004, с. 113, 116-118. Рис. 5-6). Хронология упомянутого комплекса, к сожалению, не рассматривалась, однако выявленный инвентарь предварительно укладывается в рамки XII – 1-й пол. XIII вв. Общую функциональную интерпретацию находок такого типа гладких блях с территорий Северного Кавказа Е.И. Нарожный связывает только с нагрудными бляхами, широко представленных на скульптурных половецких изображениях. Наведенный в своей работе фактический материал исследователь датирует раннезолотоордынским временем со 2-й пол. XIII в. (Нарожный, 2003, с. 246, 247, 253-255. Рис. 1/7-9; 2; 3/2-3). Действительно в половецких погребениях известны четко зафиксированные находки нагрудных блях (Блохин, Дьяченко, Скрипкин, 2003, с. 185, 202. Рис. 12, 13). Признавая необходимость решения проблемы соотношения изображенных на скульптуре вещей с реальными находками, в том числе и касательно нагрудных деталей, все же надо отметить некоторую поспешность обобщающего отнесения Е.И. Нарожным этой категории находок только к нагрудным бляхам. Рассматриваемые нами комплексы со сложными женскими головными уборами свидетельствуют о необходимости более взвешенного рассмотрения данной категории вещей.

Рассмотрим также наличие фрагментированной цепочки в женском погребении Пришиб 2/5 (*Рис. 51/4*). К сожалению, из-за фрагментарности этой вещи дать характеристику можно лишь в самых общих чертах. Среди степных кочевнических древностей такой тип украшений встречается в погребениях не часто. Находки полных шейных цепочек и просто небольших фрагментов известны как в мужских, так и в женских погребениях. Очевидно, что эти изделия име-

ют импортное происхождение с территорий сопредельных земледельческих государств, в первую очередь Карпато-дунайского региона и Древней Руси. Плетенные проволочные многозвеньевые цепочки известны на территории Киевской Руси с конца IX – первой половины X ст. (Макушников, 2006, с. 156, 165. Рис. 5/20-30). Находки цепочек (цепей) встречаются в составах кладов, в частности с Чернигова (Попудренко, 1975, с. 82-86). Анализируя находку шейной цепи с Чернигова, Н.А. Попудренко находит аналогии среди древнерусских кладов, найденных в основном на территории Среднего Поднепровья, и отмечает, что эти вещи бытовали в широких хронологических рамках с XI по XIV вв. Исследователь указал, что подобные цепи являются деталью, в основном, мужской одежды. Е.А. Брайчевская, рассматривая так званий металлический убор, куда входили и цепи-«чепи», отметила, что украшения с металлическим поясным набором были неотъемлемой частью мужского княжеско-феодального костюма X-XIII вв. (Брайчевская, 1985, с. 119-124. Рис. 1, 2). В свете вышеизложенных выводов Н.А. Попудренко, Е.А. Брайчевской, а также зафиксированных находок шейных цепочек (цепей) в богатых мужских половецких кочевнических погребениях, в частности на реке Чингул и в Венгрии (Отрощенко, Рассамакін, 1986, с. 31), становится понятная социальная значимость этой детали металлического убора в половецком обществе. Также очевидно прямое влияние на традицию убранства половецкой мужской аристократии со стороны традиционного металлического убора древнерусской мужской аристократии. Однако в нашем случае это не объясняет двух моментов: первое – присутствие цепочки в женском погребении, второе – фрагментацию (небольшие размеры – М.К.) самого изделия. Представление о характере использования цепочек (отвечающим характеристике комментируемой находке) в женских погребениях нам дает ряд прямых и ретроспективных данных. Рассматривая украшения Карпато-Дунайского региона XIII-XVI вв. С.С. Рябцева наводит две серебряные бусинные серьги (развитие варианта «рогатых» височных колец с напускной биконической бусиной – М.К.) из клада XVII в. со Старой Сахарны (Румыния). Вариант реконструкции ношения такого украшения, предложенный исследовательницей, предполагает использование цепочек в качестве головного и подбородочного украшения. Автор наводит ряд примеров о ношении подбородочных цепочек. Особо интересными является наведенное описание головного убора одной из половецких скульптур, предположительно датированной XII в.: «…Скульптуру венчала женская шляпа с резко выделенными толстыми полями, а на лицевой части прослежена деталь шляпы – шнур или тонкая цепочка, одним концом прикрепленная к шляпе, а другим к серьге и спускающаяся под подбородок. Цепочки обрамляли лицо и поддерживали в ушах тяжелые серебряные серьги…» (Рябцева, 2005, с. 467-469. Рис. 13). С.А. Плетнева, рассматривая головные уборы женских изображений половецких скульптур, пришла к выводу, что высокие шляпы с «рогами» были наиболее праздничным нарядом женщины и символизировали девушку невесту. Исследовательница наводит интересную этнографическую параллель свадебной игры у тюрок, согласно которой девушка-невеста выступает в роли барашка, а жених с дружками в роли волков. В подборке изображений скульптурных деталей шляпок присутствуют цепочки, тянущиеся от полей шляпки к височным и ушным украшениям (Плетнева, 1958, с. 211. Рис. 38). Археологическим подтверждением, изложенным скульптурным деталям является находка тяжёлых «рогатых» височных колец в степном женском погребении у с. Филатовка. В погребении было отмечено наличие остатков сложного головного убора, с роговидными деталями, к последним, на серебряных цепочках были прикреплены массивные серебряные височные кольца (Бессонова, Черных, Куприй, 1984, с. 57, 58. Рис. 12). Мы можем также указать на использования цепочек в качестве головных и подбородочных украшений и в костюмах знатных женщин Киевской

Руси XII-XIII вв. Такой вывод напрашивается на основе рассмотрения украшений из Борисоглебского клада в Чернигове, где найдены короткие цепочки – 15-20 см. с деталями крепления к тяжелым височным украшениям (Мудрицька, Сита, 2007-2008, с. 15-21. Рис. 8). О том, что короткие цепочки древнерусскими женщинами использовались в качестве деталей головных уборов, которые поддерживали тяжелые височные украшения, свидетельствует находка серебряных позолоченных рясен с цепочками из клада 1257 г. в летописном Возвягле (Звіздецький, 2008, с. 40, 41. Рис. 28, 30).

Расположение, рассматриваемой нами находки цепочки из Пришиб 2/5, в погребении чуть ниже правой ключицы, отсутствие височных украшений и наличие металлических частей остатков сложного головного убора, позволяет атрибутировать данную находку как часть подбородочного украшения. Отметим также, что находка миниатюрной декоративной пряжки в этом же комплексе (*Рис. 51/3*) указывает, что такие шляпки намеренно застегивались либо завязывались ремешком под подбородком.

Абсолютно иной тип представляет находка остатков женского головного убора в комплексе Пришиб 2/33. Здесь каркасную основу убора составлял широкий деревянный обод, на который нашивались черный войлок и металлические пластинки. Близких по времени аналогий, отыскать не удалось. Прямые аналогии такому убору с почти идентичным типом пластинок происходят из гуннских погребений на Алтае. Это, так называемые, уборы с гребнем, прототипы которых восходят к скифским изделиям. Относительно данного типа головного убора у кочевников гуннского времени – было высказано мнение, что такие изделия можно считать отличительным признаком замужних женщин, занимавших более высокое, чем рядовые кочевницы, социальное положение (Борисенко, Худяков, 2004, с. 66-70, 72. Рис. 1-8). Вещевой набор погребения Пришиб 2/33, в принципе указывает на неординарность социального положения погребенной женщины. В тоже время недостаточность информации о других находках такого плана не позволяет повторить вывод о связи таких уборов и социального положения у кочевников развитого средневековья. В Луганской области известен один фрагмент скульптуры с изображением нижней части такого типа головного убора - обруч с металлическими накладками (Красильников, 1999, с. 84, 131. Таб. 36/*1*).

2.3. Бусы, серьги и височные украшения

Подавляющее большинство бус из погребений Пришиб 1/7, 2/13, 2/34 (*Рис. 53*) находят аналогии среди материалов памятников Болгарии XI-XII вв. Так реберчатые бусины аналогичные комплексу Пришиб 1/7 (*Рис. 53/4*) происходят из слоев XI-XII вв. поселения Дьядово Сливенского региона Болгарии (Djadovo, 1989, S. 172. Fig. 314/e). Глазчатые округлой и округло-приплюснутой формы тоже имеют близкие аналогии в находках из Дьядово (Djadovo, 1989, 171, 172. Fig. 314/a, b, d). Прямые аналогии, стеклопастовым бусинам с разноцветной гаммой и орнаментом из перекрученных спиралей и глазок, есть в материалах погребений IX-XI вв. из других территорий Болгарии (Въжарова, 1976, с. 366, 367. Обр. 220/ 26, 27, 29, 34, 35). Находки таких бусин (округлых глазчатых и приплюснутых вытянуто-ромбовидных) есть и в черноклобуцких погребениях с материалами конца XI – второй пол. XII вв. из Зелёнок к. 304, Краснополки либо Кагарлыка к. 277 и Липовца к. 266 (Плетнёва, 1973, с. 56, 67, 75. Таб. 8/6; 19; 27/3). Две округло-приплюснутые бусины, одна с глазками происходят из кочевнического погребения с датировкой в пределах 1-й половины – средины XII в. у с. Петропавловка (Шалобудов, 1990, с. 108-111. Рис. 1/*17, 18*). З.А. Львова, при сопоставлении глазчатых бус Старой Ладоги, отмечает, что бочонкообразные и округлые глазчатые бусы вытянутых пропорций, заглушенного печеночно-красного, бирюзо-

вого и желтого стекла известны в памятниках X-XI вв. челецкой культуры. Округлые черные бусы, с глазками заключенными в разноцветные овалы типичны для памятников X-XI вв. Кавказа и Нижнего Поволжья (Львова, 1968, с. 77, 78). Пастовая ребристая бусина также была найдена в уже упомянутом погребении с широкой датировкой XII-XIII вв. у г. Орджоникидзе (Толочко, 1999, с. 118. Рис. 31/*4*). Ребристая шаровидная бусина синего стекла выявлена в слое XI в. летописного Дорогобужа (Прищепа, Нікольченко, 1996, с. 95, 223. Рис. 89/*23*). По Б.А. Колчину в Новгороде цилиндрические ребристые бусы встречены в слоях второй половины XI – 1-й пол. XIII вв. а глазчатые гладкие X–XII вв. (Колчин, 1982, с. 168). Следует подчеркнуть, что по моим наблюдениям в принципе, ребристые пастовые бусины разной гаммы синего цвета, характерны для памятников с хронологией от скифского времени до XIV в., и соответственно не могут быть показателем при датировании.

Бусины ромбовидной формы, или по определению Ю.Л. Щаповой «рыбовидные», находка довольно редкая. Отдельные экземпляры таких бусин, а также ребристых цилиндрических, найдены при исследовании Новгорода в слоях XI-XIII вв. однако более точная хронология «рыбовидных», ввиду их малочисленности, не рассматривалась (Щапова, 1956, с. 175, 176. Таб. II / Рис. 7, 11). Аналоги плоским «рыбовидным» бусинам из комплекса Пришиб 1/7 (*Рис. 53/1*) есть среди находок из зеленого и бирюзового стекла на Григоровском поселении (пограничье степи и лесостепи – М.К.). Отметив проблематичность датирования этого типа бус, В.А. Петрашенко высказала предположение об их бытовании со средины XII до начала XIII вв. С территории поселения происходят находки и глазчатых бус, отнесенных к периоду X – начала XI вв. (Петрашенко, 2005, с. 101-103. Рис. 51/*5*). Несколько отличающаяся по морфологии ромбовидная бусина зеленого стекла, с продольной двусторонней нервюрой, найдена в черноклобуцком погребении № 134, конца XII – 1-й пол. XIII вв. могильника Малополовецкое-3 (Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Квитницкий, 2005, с. 207, 208. (Рис. 3/*7*). Бусина такого плана, идентичная Григоровским, Малополовецкой и близкая к рассматриваемым Пришибским, найдена в слое 1-й пол. XII в. на Киевском Подоле (Сагайдак, 1991, с. 111-114. Рис. 64/*20*). Находки двух таких бусин, одной целой фиолетового стекла и скола от второй ультрамаринового цвета, происходят с объекта конца XII – начала XIII вв. исследованного в Коломне (Мазуров, 2004, с. 90, 91. Рис. 3/*9, 10*). Находки 10 рыбовидных бус синего и фиолетового стекла происходят из курганов 5 и 27 Мякининской курганной группы. Е.К. Склярова датирует их в пределах XII-XIII вв. и вслед за А.В. Арциховским связывает место их изготовления с Киевом (Склярова, 2008, с. 54, 55, 58. Рис. 7/*1*; 11/*1*). Близкие по форме бусины также найдены в раннем погребении с салтовской керамикой на могильнике Кюлевча Шуменского округа в Болгарии (Въжарова, 1976, с. 139. Обр. 86/*1а, б*). Известна находка «рыбовидной» бусины голубого стекла, а также круглых глазчатых черного стекла с желтыми и белыми глазками и ребристых голубого стекла из погребения №19, средины XII - средины XIII вв. у села Минск Мазовецкий в польском Подлесье (Rauhut, 1974, S. 613, 614. Tab. XLI/*e, ł*; XLII/*e, ł, m*). Бусы такой формы оставались популярными на Руси во время монгольских походов и второй половины XIII в. Однако при этом меняется материал изготовления, которым становится не стекло, а янтарь. Ярким свидетельством тому является исследованная янтарная мастерская на поселении второй половины XIII в. в урочище Рославское под Киевом (Готун, Сухонос, Казимір, 2009, с. 43. Рис. 3). Отмечу также одну интересную особенность, выявленную во время поиска аналогий «рыбовидным» бусинам. Наиболее полно по всем параметрам бусинам из Пришиба отвечают находки скифского времени, а как пример можно навести вещи из скифского грунтового могильника у с. Скельки (Попандопуло, 2004, с. 264). Сами же бусы такого плана из сред-

невековых памятников еще нуждаются в тщательном рассмотрении, поскольку наблюдаются различия по цвету материала изготовления и морфологии между такими бусами из хронологических горизонтов X-XI и XII-XIII вв. Под конец отметим, что морфологическое строение «рыбовидных» бус из Пришиб 1/7, позволяет сделать предположение, что они очевидно имеют импортное происхождение не связанное с территориями Киевской Руси.

Из отображенных височных украшений, четыре изделия относятся к простым проволочным сережкам (*Рис. 52/1-4*). Хронология таких вещей очень широка, а аналогии происходят из практически всех памятников развитого средневековья. Височные кольца из полой трубочки (*Рис. 52/5-12*), еще пока не могут быть использованы для датировок, эта категория вещей пока что не анализировалась в работах исследователей. Отметим, что такой тип украшений встречается в золотоордынское время 2-й пол. XIII – нач. XIV вв.

2.4. Лазуритовые и янтарная подвески

Касательно подвесок из ляпис-лазури в комплексах Пришиб 1/8, 2/13 (*Рис. 53/5, 8, 9*) следует сказать, что такие вещи встречаются в женских кочевнических погребениях развитого средневековья в широких территориях. Присутствуют они также в Поросье и степной части современной Украины. Классификации и хронологии таких подвесок была посвящена работа Т.И. Макаровой. По мнению исследовательницы, форма лазуритовых подвесок отвечает антропоморфным очертаниям, и несет следы эволюционирования типов, где ромбические подвески отвечают мужским очертаниям, а треугольные – женским. В тоже время необходимо добавить, что озвученное Т.И. Макаровой семантическое видение на сегодня является дискуссионным. Из наведенного фактического материала мы можем увидеть аналогии подвескам из Пришиб 1/8 и 2/13 в памятниках Басандайского могильника в Томской области, городища и могильника Саркела – Белой Вежи а также кочевнических погребений у с. Устимовка Днепропетровской области. Весь массив этих украшений Т.И. Макарова датировала X-XI вв. (Макарова, 1962, с. 129, 130. Рис. 2). С.А. Плетнева считала, что подвески из ляпис-лазури, как и находки глазчатых бус, характерны для женских погребений половецкого времени конца XI-XII вв. (Плетнева, 1981, с. 261. Рис. 84/*14-18, 19, 20*). Наиболее ранними можно считать, аналогичные Пришибским, находки трех подвесок из ляпис-лазури в женском погребении могильника X-XI вв. Саркела – Белой Вежи (Артамонов, 1958, с. 81. Рис. 60). Из кочевнических погребений №№ 67 и 215 Саркела, датированных в пределах XI – рубежа XI-XII вв., происходят лазуритовые подвески округлой формы подобные подвеске из комплекса Пришиб 2/13 (Артамонова, 1963, с. 95, 111. Рис. 70; 76/*3*). Следует также отметить, что иногда в кочевнических погребениях, таким вещам сопутствуют древнерусские горшки XII – 1-й пол. XIII вв. Подвески ромбовидных форм происходят из Поросских погребений XII – 1-й пол. XIII вв. и рубежа XI-XII – 1-й пол. XII вв. с. Зеленки, курганы 300, 317 (Плетнёва, 1973, с. 53, 60. Таб. 5, 12). Три подвески из ляпис-лазури найдены в погребении с горшком XII – 1-й пол XIII вв. у с. Малая Терновка (Толочко, 1999, с. 152. Рис. 38). Подвески из ляпис-лазури в большом количестве также происходят из могильников басандайской культуры Верхнего Приобья. Так лазуритовая подвеска аналогичная комплексу Пришиб 1/8, происходит из одного с погребений могильника Санаторный-1, датирующийся в пределах XI – средины XIII вв. (Росляков, 2005, с. 115, 121. Рис. 7/*11*). В других могильниках басандайской культуры в погребениях XI-XII вв. также встречены ромбовидные и округлые с выделенным ушком лазуритовые подвески. В частности они известны в Осинкинском могильнике, некрополе Ташара-Карьер-2 а также других погребе-

ниях указанного памятника Санаторный-1 (Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 62, 165, 167, 176, 187, 202, 203, 303, 316, 321 и другие. Рис. 11/*1-6*; 9/*1-3*; 13/*1*; 30/*4, 5*; 47/*1-7*; 75/*7*; 77/*10, 11*; 31/*3*; 65/*3*; 75/*17*). Находки подвесок, аналогичных Пришиб 1/8, известны также в отдельных погребениях XII в. верх-еландинского этапа культуры монгольского времени (XI-XII вв. – М.К.) на Алтае, памятник Бичикту-Бом (Тишкин, 2009, с. 162. Рис. 110). Аналогичная ромбовидная подвеска происходит из погребения XI-XII вв. Гочевского могильника на юго-востоке территорий Киевской Руси (Стародубцев, 2007, с. 218-220. Рис. 1/*2*). В женских погребениях золотоордынского времени такие подвески мне не известны.

Янтарная подвеска из комплекса Пришиб 3/2 (*Рис. 53/14*) находит прямые аналогии в двух находках из погребения XII в., уже упомянутого могильника Санаторный-1 (Росляков, 2005, с. 115, 121. Рис. 7/*14*; Савинов, Новиков, Росляков, 2008, 203. Рис. 77/*13, 14*).

2.5. Ременная конская сбруя

В трех комплексах второго Пришибского кургана сохранились детали кожаной ременной узды и часть подхвостных с подбрюшными и подгрудными? ремнями от приторочки седла, это находки в погребениях Пришиб 2/12, 2/21 и 2/33 (*Рис. 29; 30/1; 34; 35/1; 39/1*). Вещи такого плана необычайно редки в кочевнических могилах. Весьма интересно то, что в данных погребениях мы наблюдаем абсолютно разные варианты отображения присутствия сопровождающей покойника лошади. Так в Пришиб 2/12 костей коня не выявлено а ремни уздечки и приторочки седла были сброшены кучкой за стопами ног погребенного. В Пришиб 2/33 лошадь была представлена чучелом, где уздечка с остатками ремней находилась на черепе а обрывки ремней приторочки сразу прослеживались за задней лукой седла уложенного между двумя парами конечностей. В комплексе Пришиб 2/21 уложена целая туша коня. Ремни уздечки полностью прослежены на черепе коня, что позволяет реконструировать внешний вид уздечки (*Рис. 34/1, 3*). Отличная сохранность ремней, из этого же погребения, на крупе и спине позволяет проследить систему расположения ремней приторочки седла (*Рис. 34/2*). Очевидно, что ремни крепились к задней луке седла и от нее же связывались на брюхе животного. Подхвостовые ремни замыкались сзади лошади, от них к низу, на бедренные части ног коня, добавочно спускались ремешки. Функция последних не совсем ясна, на барельефе XI-XII вв. со святыми всадниками из Михайловского монастыря в Киеве, такие ремешки изображены как элемент декора. Также такая особенность оформления подхвостных ремней приторочки седла отображена на фреске XI в. «всадник» в северной башне Софии Киевской (Мозаїки…, 1975, Мал. № 40). На передних ногах были прослежены слабые остатки от вероятных подгрудных ремней. Обращает на себя внимание, что в других погребениях подгрудные ремни приторочки седла отсутствуют. Последнее может свидетельствовать, о том, что такие вещи перед помещением в могилу могли намерено портить. Также не исключено, что в данном случае они попросту не сохранились, либо мы наблюдаем отголосок одного из архаических вариантов системы приторочки седла, где грудной ремень еще не предусматривался. На пример грудной ремень приторочки отсутствует в изображении на блюде IX-X вв., сюжет - всадник убивающий льва (Бауло, Маршак, Федорова, 2004, 109. Рис. 3). Отметим, что приведенные аналогии отображающие систему подхвостных ремней приторочки седла, конечно же, не могут служить хронологическим показателем. Традиция такой системы крепления седел, своими корнями уходит в скифское время на территории Алтая (Черемисин, 2005, с. 130. Рис. 1), хорошо известна она в раннетюркское время и в XIII-XV вв.

Обрывки аналоговых подхвостных ремней приторочки седла известны в черноклобуцком женском погребения 2-й

пол. XII в. в могильнике Малополовецкое – 3 (Квітницький, 2004б, с. 54. Рис. 5). Прослеженная система ремней (подбрюшные, подгрудные и подхвостные) присутствует в изображениях средневековых граффити, миниатюр и барельефов XI–XIII вв. (Толочко, 1996, с. 68, 69, 336, 337 (иллюстрации без №№); Кирпичников, 1973, с. 37, 40, 41. Рис. 21; 26; 28/*1*). В тоже время зафиксированная система ремней приторочки, очевидно указывает на общую тенденцию развития сбруйного снаряжения лошади в средневековье, и соответственно не может использоваться как абсолютный хроноиндикатор.

Интересным является способ крепления украшений конской ременной сбруи (округлых, под и прямоугольных, а также сердцевидных бляшек из свинцово-оловянистых сплавов). Детали украшения ременной упряжи, крепленные бронзовыми скобками, имеют аналогии в кочевнических погребениях. Это, уже упомянутые комплексы с Ивано-Дарьевки (Полякова, Полидович, 2004, с. 118. Рис. 6/*1, 2*) и Подгородного (Шалобудов, Яремака, 1987, с. 132, 133. Рис. 2/*XI*), а также черноклобуцких погребений XII – 1-й пол. XIII вв. из Кагарлыка (Плетнёва, 1973, с. 50. Таб. 2/*5*) и Малополовецкого (Квитницкий, Лысенко, Лысенко, 2004, с. 148, 149). Известна находка остатков ремней и круглой бляхи с бронзовыми скобами крепления в погребении XII в. у с. Петропавловка, комплекс 2/2, группа 4 (Шалобудов, 1990, с. 108. Рис. 1/*9*). Использование бронзовых скобок в конской оголовной упряжи также зафиксировано в кочевнических погребениях 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII вв. на территории Крыма, в частности возле с. Неженское (Щепинский, 1972/124, с. 36). Помимо этого следует отметить, что такой способ крепления украшений ременной сбруи известен и среди материалов раннего золотоордынского времени второй половины XIII-XIV в. (Бондарь, Антоненко, Пиоро, Самойленко, 1982/131).

Еще одной интересной деталью сбруйных украшений являются находки округлых блях из погребения Смелое 5/4 (*Рис. 14/2*). Близкие по типу нашивные бляшки X-XI вв. происходят из женского погребения возле с. Язово (Станојев, 1989, с. 49. Рис. 238).

2.6. Удила

Из десяти находок удил, четыре предмета определяются как двузвеньевые и одно изделие относится к однозвеньевым (комплекс Пришиб 2/33) (*Рис. 10/13; 14/5; 17/4; 20/5; 24/12; 29/1; 39/4; 43/6; 44/3; 46/4*). На концах звеньев расположены поводовые кольца к которым крепились ремни поводьев. Диаметр колец определялся в шести изделиях. Максимальный размер зафиксирован у изделия из Смелое 1/2 - 12 см. 4, 4,5 и 5 см в диаметре имели кольца удил из погребений Пришиб 1/6, Смелое 5/4 и Пришиб 2/2. Кольца удил из Знаменки и Сокольников в диаметре достигали размеров 6,3 и 6,5 см. В одном из погребений, Пришиб 2/21, в конструкции удил зафиксирован псалий, но к сожалению он, как и одночленные удила из Пришиб 2/33 не имеет конкретной графической или описательной характеристики. Прослеженная длина двучленных изделий составляла 14 и 14,5 см.

Касаясь рассмотрения удил, отметим, что на сегодня в работах посвященных упряжи коня даны лишь общие характеристики при анализе этого типа изделий периода развитого средневековья. Г.А. Федорову-Давыдову была известная одна находка удил с плоскими в сечении большими кольцами которую он отнес к типу ГIII своей классификации (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 17, 18). Однако хронология этого изделия осталась неизвестной, хотя автор и дает ссылку на три возможных аналогии из поселенческих памятников. Удила этой же группы с округлыми в сечении кольцами, тип ГII, имеют аналогии среди древностей IX-X и XIV вв. (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 20). К сожалению, не вносят конкретной ясности и исследования А.М. Кирпичникова, хотя исследователь обстоятельно подошел

к характеристике удил. Двучленные удила с большими и малыми в диаметре кольцами были отнесены к типу IV, а хронологические рамки предложены в пределах XII-XIII вв. Мы можем кратко привести следующие четко датированные находки такого типа удил.

Наиболее ранняя находка 2-й пол. XI – нач. XII вв., двучленных удил с большими кольцами из круглого в сечении дрота, известна в могильнике возле аула Ленинахабль в Адыгее на Северном Кавказе (Завьялов, 2004, с. 83, 84. Рис. 3). На территории Алтая, памятник Верх – Еланда I в погребении XII в. найдены двучленные удила с диаметром колец около 10 см. (Тишкин, 2009, с. 163, 164. Рис. 111/*4*). По материалам из территорий Южного Урала удила с плоскими в сечении кольцами известные среди древностей XII-XIII ст. (Мажитов, 1977, с. 35, 199. Таб. I/*363*). Такие же по форме удила происходят из слоев 1-й пол. XIII в. городища Райков (Гончаров, 1950, 168 (Таб. IX/*4*). Также близка находка из уже упомянутого погребения рубежа XII-XIII ст. возле с. Великомихайловка Днепропетровской области (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 147-149). Удила с кольцами большого диаметра, 5-6 см, из округлого в сечении дрота также известны на территории Беларуси, в частности целый экземпляр XII-XIII ст. происходит с городища Капланци (Кошман, 2008, с. 228. Мал. 34/*5*). Такого типа изделие найдено при исследовании древнерусского городища Гринчук на Днестре. Гибель которого автор исследования связывает с 50-мы 60-мы гг. XIII в. (Пачкова, 1979, с. 95. Рис. 11/*4*, 96). В могильнике Поваровка Восточной Пруссии удила с плоскими в сечении кольцами диаметром 5-8 см выявлены в погребениях XI-XII вв. (Могильник Поваровка, 2006, с. 132, 141, 154, 179. Рис. 61/*8*; 70/*2*; 83/*2, 3*; 108). Приведенные аналогии, конечно же, не отображают целостной и объективной картины времени бытования двузвеньевых удил, однако они дают представление о том, что взаимосвязь между хронологией и размером поводового кольца таких изделий не всегда очевидна.

При рассмотрении удил хронологическими маркерами выступает строение грызла (его одно либо многочастность) а также наличие и особенности морфологии псалий. Дать хронологическую оценку удилам с псалием из комплекса Пришиб 2/21 мы увы не можем, хотя эта деталь относится к ключевым при определении времени всего комплекса. В общих чертах, можно сказать, что удила с псалиями (разной морфологии), для средневековых степных древностей юга Украины, как правило, являются маркерами IX-XI вв. и 2-й пол. XIII-XIV вв.

Одночленные удила также выступают надежным хронологическим маркером для IX-XI вв. (При этом мы все же полностью не исключаем возможность таких находок, как исключения, в материалах второй пол. XII и даже XIII вв. – М.К.). А.И. Кирпичников относит их к VI типу. Из известных исследователю 32 находок 28 относились к X- XI вв., две к XI в. и еще две к (возможным? – М.К.) XII-XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 16, 17. Таб. VI). Г.А. Федоров-Давыдов высказал мнение, что удила без перегиба к XII в. вышли из употребления (Федоров-Давыдов, 1966, с. 20). А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина безапелляционно считают, что одночленные удила бытовали строго в XII в. (Евглевский, Потемкина, 2000б, с. 193). При этом научно аргументированных фактов доказательства своих «хронологических выводов» авторы ни в одной из известных мне работ до сих пор не привели. О наличии одночленных удил в кочевнических погребениях IX-XI вв. курганного могильника Саркела – Белой Вежи упоминает М.И. Артамонов (Артамонов, 1958, с. 77, 78. Рис. 57). Известны они во многих кочевнических погребениях IX-XI вв. как Правобережья так и Левобережья Днепра. Как один из примеров укажем на находку из погребения у с. Бузовка Днепропетровской области (Бєляєв, Молодчикова, 1978, с. 87. Рис. 4/*1*). Одночленные удила найдены и в погребении X в. в некрополе Белгорода Киевского (Мезенцева, Прилипко, 1980, с. 107, 108. Рис. 8/*2*). Находка одночленных удил также известна в материалах Польского могильника конца X - первой четверти XI вв. из

Лютомирска в Лодзинском воеводстве, где она однозначно связывается с древнерусским происхождением (Woloszyn, 2007, S. 189. Rys. 7/*c*).

2.7. Путовые застежки

Костяные застежки от пут коня известная находка в кочевнических погребениях. А.Н. Кирпичников характеризируя эти находки, отмечает, что они происходят из погребений X-XIII вв. человека с конем (Кирпичников, 1973, с. 78). Находка из Смелое 5/4 (*Рис. 14/3; 55/9*) имеет близкую по форме аналогию средины XI – 1-й пол. XII вв. из комплекса у с. Колосовка (Савенко, 2009, с. 336. Рис. 1/*6*). Две костяные застежки такого плана найдены в погребении XI-XII вв. у с. Пролетарское (Шалобудов, Кудрявцева, 1981, с. 96, 97, 100. Рис. 2/*X*). Аналогичные изделия происходят из черноклобуцких погребений XII – 1-й пол. XIII вв. у сел Цозаровка и Бурты (Плетнёва, 1973, 70, 72. Таб. 22/*14*; 24/*1*). Известны такие же близкие по форме находки в слое XII – 1-й пол. XIII вв. уже упомянутого летописного Дорогобужа (Прищепа, Нікольченко, 1996, 112, 212. Рис. 78/*8*). Также аналогичная застежка, с неустановленной хронологией, происходит из Киева (Сергєєва, 2011, с. 115, 225. Таб. 54/*11*). Появление вещей такого типа (и назначения) своими корнями достигает раннего скифского времени. Деревянные застежки, повторяющие рассматриваемую форму, с коротким квадратным отверстием посредине для ремешка, происходят из скифских погребений памятников Пазырыкской культуры (Молодин, 2000, с. 105. Рис. 10).

2.8. Седла

Седла из исследованных погребений Смелое 1/2 и Пришиб 2/33 раньше уже были предметом публикации М.Л. Швецова (Швецов, 1984, с. 264-271). Остатки частей и деталей от седел комплексов Пришиб 1/6, 2/21 и 2/34 еще не рассматривались (*Рис. 5/2; 7/1; 8; 9; 17/1, 3; 18/1, 2; 19/2; 32/ 2-5; 35/2; 40/5; 41; 42/3*). В целом более-менее сохранные вещи такого плана в кочевнических погребениях встречаются крайне редко. Пока что еще не до конца известны типы и формы седел использовавшихся кочевниками периода развитого средневековья. Известные две работы, с детальным рассмотрением седел, М.Л. Швецова и Ю.Я. Рассамакина, больше посвящены внешнему виду и реконструкции предметов. Хронология комплексов, откуда происходят эти вещи определена обтекаемо, без внимательного рассмотрения сопутствующего материала из погребений.

Наиболее раннее седло, идентичное выявленным изделиям в Смелом и Пришибе (по форме и типу конструкции полок и лук), найдено в погребении начала XI в. в гроте I скалы Узун-кая (Хакасия) (Кызласов, 1983, 37. Рис. 18). Насколько это возможно сравнивать, исходя из внешней формы изгиба и внутренней выемки между крыльями луки непосредственно крепившимся к полкам, задние луки седел из Смелое 1/2 и Пришиб 1/6 и 2/33 имеют сходство с задними луками седел с Южной Сибири. По хронологической схеме предложенной Д.Г. Савиновым такие южносибирские формы луки седла бытовали в XI-XII вв. (Савинов, 1977, с. 36. Рис. 5). При сравнительной характеристике седел, нельзя обойти вниманием и находку из погребения у с. Виноградное (Рассамакин, 2003, 219-226. Рис. 9-11, 13). Даная находка представляет тип седел с высокой передней лукой времен начала монгольских завоеваний Европейских степей - рубеж 1-2 четверти XIII в. Высокая передняя лука изделия из Виноградного представляет отдельный вариант седельных лук, с сочетанием развития традиций высоких угловатых абрисов передних лук южносибирских седел XI-XII вв. типа Тувы (Савинов, 1977, с. 36. Рис. 4/*4*). Более раннее знакомство Руси на рубеже XI-XIIвв. из таким типом седел очевидно вылилось в развитие древ-

нерусских форм седел XII-XIII вв. типа Торопца (Кирпичников, 1973, с. 39. Рис. 22). Орнаментальная костяная накладка на переднюю луку седла из комплекса Пришиб 1/6 по внешним абрисам формы имеет прямые аналогии в двух кочевнических погребениях. Подобные вещи считаются частью парадных женских седел. Одна из близких аналогий (по типу формы передней луки и орнаментальной композиции) происходит из Чингульского комплекса, и еще пока не опубликована (Рассамакин, 2003, с. 219). Хронология указанного погребения предварительно определялась как 2-я треть XIII в. (Отрощенко, Рассамакін, 1986, с. 14-36), однако на сегодня есть веские основания для уточнения даты в сторону 30-х гг. XIII в. Вторая происходит из черноклобуцкого погребения XII – 1-й пол. XIII вв. с. Зеленки к. 303 (Плетнёва, 1973, 54, 55. Таб. 7). Реконструкция седла из Зеленков, предложенная А.Н. Кирпичниковым и А.К. Филипповым, полностью повторяет тип сохранившихся седел с высокой передней лукой, представленных в Смелом и Пришибе 2/33 (Кирпичников, 1973, с. 39. Рис. 25).

Наконец рассмотрим остатки костяных обкладок передней луки седла с комплексов Пришиб 2/21 и 2/34. Находка костяных обкладок с погребения Пришиб 2/34, к сожалению малоинформативная. Единственное что можно отметить она отображает плавный верхний изгиб высокой передней луки, но, увы, не дает представления о её боковой форме крыльев, что делает возможным лишь примерную реконструкцию типа седла. Находка из погребения Пришиб 2/21 полностью сохранила внешнюю форму передней луки, которая, несмотря на деформацию, вне всякого сомнения позволяет реконструировать седло как вариант идентичный изделию из Смелого. Три костяные пряжки-застежки – ворварки найденные вместе с древесным тленом передней луки выполняли функцию фиксаторов внутреннего крепления деталей седла, удерживая кожаные ремешки от выскальзывания из внешних отверстий деревянных деталей седла. О том, что детали седел крепились с помощью кожаных ремешков, свидетельствует упомянутая находка из грота Узун-кая, а также выводы аналитических наблюдений в работах М.Л. Швецова и Ю.Я. Рассамакина.

В период монгольских завоеваний, образования и развития Золотой Орды, конструктивные особенности седел претерпевают заметные изменения. Так передние луки седел типа Смелое, Пришиб 2/33, Зеленки 303, грота I скалы Узун-кая а также Чингула стают более низкими за счет чего приобретают выраженный треугольно-оваловидный абрис. Такие изменения передней луки этого типа седел, мы прослеживаем на основании находки из комплекса конца XIII – начала XIV вв. у с. Филия (Шалобудов, 1991, с. 110-119. Рис. 1/*1*; 3). Указанный комплекс особенно интересен тем, что костяные пластинки передней луки свидетельствуют об изготовлении в русских мастерских либо русским мастером в степи. Задние луки также становятся другими, в отличие от ранних, слабоприподнятых над боковыми полками и с несколько скобовидными очертаниями, в ордынское время появляются седла, где задние луки более серповидно – плавноизогнуты. Для примера следует обратить внимание на седло из погребения 2-й пол. XIII – начала XIV вв. комплекса Ковалевка 1/1, группа IV (Ковпаненко, Гаврилюк, Евдокимов, 2005, с. 364, 365. Рис. 6). Собственно мужские монгольские (алтайские – М.К.) седла XIII–XIV вв., наряду с более широкой формой передней луки, имели резко отличительную широкую скобовидную форму задней луки, которая была максимально высоко приподнята над боковыми полками (Довдойн Баяр, 2000, Зураг. 28; 29). Представление о развитии и изменениях внешних абрисов передних и задних лук седел в ордынское время, нам также дает реконструкция седла из погребения XIV в. у с. Родионовка Запорожской области (Толочко, 1999, с. 186. Рис. 44).

2.9. Стремена

Стремена из исследованных комплексов, опираясь на известные классификации Г.А. Федорова-Давыдова и А.Н. Кирпичникова, на первый взгляд, можно разделить на три типа с устойчивой хронологией существования. Однако, исходя из каждого внутрикомплексного набора и детального рассмотрения данной категории вещей, становится очевидным, что классическая схема будет не совсем корректной. Ниже будет рассмотрена специфика стремян из погребений, раскопанных Донецкой экспедицией с аналоговыми вещами разных хронологических отрезков.

Стремена из погребений Пришиб 1/6 и 3/2 (*Рис. 17/2; 43/5*) находят аналогию в погребении из Великого Орехово, которое по мнению авторов публикации датируются второй четвертью – концом XIII в. (Посредников, Кравец, Ткачев, 1994, с. 144, 166. Рис. 3/*8*). Близкое по форме, находке из Пришиб 2/34 (*Рис. 42/7*), стремя из погребения у Николаевского поселения О.Я. Приваловой датируется XII в. (Привалова, 2004, с. 166, 176. Рис. 9/*6*). Такого же плана находка у с. Большемихайловка происходит из погребения X-XII вв. (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 144. Рис. 1/*21*). Правое стремя из комплекса Пришиб 2/33 (*Рис. 39/5*) имеет аналогию из уже упоминавшегося погребения XII в. у с. Большемихайловка (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 144. Рис. 2/*13*). Известен этот тип изделия и в погребении с широкой датировкой XI-XII вв. (но не раньше 2-й пол. XI в. – М.К.) из кочевнического погребения в г. Вышгороде (Толочко, 1999, с. 101. Рис. 23). Такого плана стремена с широкой расплющенной дужкой, тип Антанавичюс 7, также известны и в материалах юго-восточной Прибалтики, где они встречаются в комплексах конца XI-XII вв. (Скворцов, 2010, с. 176, 177. Рис. 170). В Прусском могильнике Ирзекапинис стремена такого плана, тип Антанавичюс 7, с разной формой прорези для ремешка, происходят из погребений конца XI – 1-й четверти XII вв. Как отметил В.И. Кулаков большинство типов стремян из Прусских могильников привнесены из Скандинавии и Восточной Европы, а стремена 7 типа восходят к раннемадьярским прототипам (Кулаков, 1990, с. 36, 142. Таб. XLVIII). Стремена из комплекса Пришиб 2/34 и Знаменка 2/6 (*Рис. 44/2*) соотносятся с находкой из жилища XII-XIII вв. на поселении Григоровка (Петрашенко, 2005, с. 188, 189. Рис. 14/*6*).

Стремена с комплекса Пришиб 2/21 (*Рис. 33/1*) в соответствии с общепринятой классификацией А.Н. Кирпичникова относятся к типу VIIa бытовавшем в XII-XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 45, 51. Рис. 29). Такими же хронологическими рамками эти стремена датирует и Г.А. Федоров-Давыдов относя их к типу BI-BII (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 12, 15). Одно из похожих стремян происходит со слоев XII-XIII в. поселения Овраменков Круг исследованного возле с. Березанка на Черниговщине (Шекун, 1995, с. 74. Рис. 2/9). Известны находки аналогичных и близких по форме изделий в материалах серии черноклобуцких погребений XII – 1-й пол. XIII в. правобережья Южной Киевщины (Плетнёва, 1973, с. 10, 16, 56, 61, 72, 73, 78, 79. Рис. 3/*3, 12, 13*, Рис. 5/*4*, Таб. 8/*10, 11*, Таб. 13/*9*, Таб. 24/*4*, Таб. 25/*13*, Таб. 30/*7-10*, Таб. 31/*17*. Для сравнения также представляют интерес стремена, найденные при исследованиях летописного Дорогобужа в Западной Волыни. Оттуда происходит девять стремян с комплексов 1-й пол. XIII в. разрушенных монголо-татарами, из них пять принадлежат рассматриваемому типу, а одно идентично находке из Пришиба (Прищепа, Нікольченко, 1996, с. 111, 155, 160, 167. Рис. 21/*5*, Рис. 26/*2, 3*, Рис. 33). Известны такие стремена и среди древностей Молдавии где также датируются XII-XIII вв. (Spinei, 1982, P. 394. Fig. 8/*1, 2*). Наиболее существенными, для уточнения хронологии этого типа стремян, являются находки византийских монет в составе инвентаря степных комплексов. Один исследован Херсонской экспедицией в 1984 г. возле с. Сивашское Новотроицкого

района Херсонской области. Погребение мужчины с двумя лошадьми было в древности ограблено. Монета, солид Иоанна II Комнина (1118-1145 гг.), найдена в заполнении подбоя. При исследовании скелетов коней найдено два стремени, одно с которых соотносится с находками Пришиб 2/21, а другое аналогично к предметам из комплексов Пришиб 1/6, 2/2, 2/33 (левое стремя) и 3/2 (Кубышев, Дорофеев, Нечитайло, и др. 1984/11, с. 201-204). Следующий комплекс выявлен во время работы экспедиции Днепропетровского университета в 1983-84 гг. возле уже упомянутого с. Большемихайловка. Погребение также ограблено в древности, погребена пожилая женщина с конем. Среди инвентаря найден браслет с подвеской в виде обрезка солида Мануила I Комнина (1143-1180 гг.). При исследовании конского костяка найдены два непарных стремени, одно из которых очень близко по форме экземплярам с. Пришиб 2/21 (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 147-149). Авторы публикации аргументировано датировали указанное погребение рубежом XII-XIII вв. В 1972 р. Запорожской экспедицией возле с. Балки Запорожской области в составе курганной группы «Рясные могилы» было исследовано погребение 15 кургана 5, где найдено костяную ворварку, свинцовую пятиугольную пряжку, три бубенчика и стремя идентичное одному из комплекса Пришиб 2/21 (Отрощенко, Савовский, Томашевский, 1977, 45-49. (Рис. 23/*2, 4-6*). В той же курганной группе также было исследовано разрушенное погребение с монетой Мануила I Комнина (1143-1180 гг.), саблей, серебряной пластинкой и бронзовым бубенчиком, аналогичным выше упомянутым (Савовський, 1979, 102-104). Оба комплекса можно датировать XII в. Как на основании монетной находки, так и на основании датировок бубенчиков, тип которых, в свою очередь, появился на Руси (Древний Новгород (Поветкин, 2009, с. 82, 83), русский слой Саркела) с 1-й половины XII в. Стремена из комплексов Пришиб 2/2 и 2/7 (*Рис. 24/2; 27/4*), не смотря на несколько вытянутую овальную форму изделия из Пришиб 2/7, объединяет одна деталь – заостренно-срезанный выступ в верхней части дужки. Оба стремени имеют прямую аналогию из кочевнического погребения Саркела, относящегося по хронологии к группе могил IX-XI вв. (Плетнева, 1963, с. 247, 248. Рис. 21/*2*). Из этой же хронологической группы погребений происходит стремя аналогичное изделию из комплекса Пришиб 2/34 (Плетнева, 1963, с. 247, 248. Рис. 21/*3*). На территориях Южного Урала, более отдаленных от Саркела и рассматриваемых погребений, стремена с заостренно-срезанным выступом в верхней части дужки происходят из погребений с широкой датировкой XII – первой половины XIII вв. (Иванов, Кригер, 1988, с. 40. Рис. 16/*5, 6*). Касательно стремян из Пришиб 1/6 и 2/2 можно еще навести очень близкую, обом стременам, находку из погребения камерного типа конца X – начала XI вв. из Черниговского Передгородья (Казаков, Черненко, 2008, с. 163, 164. Рис. 1/*4*). Также при исследовании Черниговского детинца в 2005-2008 гг. было найдено стремя древнерусского времени идентичное вещи из комплекса Пришиб 2/2 (Моця, Казаков, 2011, с. 89). К сожалению обстоятельства и хронологическую привязку находки уточнить не удалось.

Отдельную группу становят стремена из комплексов Пришиб 1/7; 2/28; 2/31, Смелое 1/2 и Знаменка 2/6 (*Рис. 2/3; 20/1; 37/3; 38/2; 44/2*). Всех их объединяет округлых пропорций плавно-изогнутая верхняя часть дужки и слегка прогнутая подножка. Внутренние контуры отверстия, для стопы ноги, имеет трапециевидное очертание с закругленными углами. Максимальная ширина подножки не превышает четырех сантиметров, прослеженная в двух экземплярах ширина прорези для ремешка составляла 2,5 см., а в одном 3,5 см.

При соотношении с типологией А.И. Кирпичникова, указанные стремена можно соотнести с типом VII. Исследователь отметил, что данный тип изделий появляется в памятниках XI в., наибольшее распространение получил в XII–XIII вв. Касательно времени монгольских завоеваний и существования Золотой Орды, было отмечено, что в XIII в. стремена тер-

пят заметные изменения; ширина подножки увеличивается до 7 см, а прорезь ушка с 2,5-3 см доходит до 4,5 см (Кирпичников, 1973, с. 50, 51). По классификации и схеме типов Г.А. Федорова-Давыдова этим стременам наиболее соответствует тип EII, аналоги которому исследователь приводит только в золотоордынских памятниках XIV в. (Фёдоров-Давыдов, 1966, с. 12, 13, 15). Однако здесь особо следует обратить внимание на некоторую «избирательность», Г.А. Федорова-Давыдова в обработке материалов. В отличие от А.И. Кирпичникова, поросскую группу такого плана стремян Г.А. Федоров-Давыдов в плане хронологии никак не прокомментировал, хотя материалы погребений этого региона исследователь хорошо знал и использовал. В Поросье стремена такого плана найдены в погребениях с широкой датировкой XII – первой половины XIII вв. (Плетнёва, 1973, с. 58, 65, 80. Таб. 10/*10*; 17/*6, 11*; 32/*6*). Отмечу, что типологически идентичные поросским, стремена XII–XIII вв. известны и в памятниках Молдавии (Spinei, 1982, P. 394. Fig. 8/*5, 6*). Также уже упоминалась такая находка с жилища XII–XIII вв. с поселения Григоровка. Прямыми аналогиями данным стременам являются находки с кочевнических погребений Греки III К.1 П.1. и Пилипенковский I К.1. П.2. из восточного Приазовья. По мнению авторов монографии все публикуемые погребения относятся к узкому хронологическому диапазону от средины до начала второй половины XIV в. (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 27, 60, 206. Рис. 5/*9*; 21/*2*). Однако это не так, из публикуемой серии три погребения относятся к XI в., в том числе и Греки III К.1 П.1. В этом комплексе нет ни одной вещи которая бы представляла морфологию характерную исключительно для изделий XIII в. и более позднего времени, остальные вещи больше соотносятся с вещами XI-XII вв. а тип железной колчанной петли четко ограничивает верхнюю дату комплекса XI в. Отнесение второго комплекса Пилипенковский I К.1. П.2. строго к XIV в. также сомнительно. Вещи из комплекса не позволяют однозначно датировать его только такими хронологическими рамками, для такого утверждения должен быть единый по хронологии контекст (либо общий фон) в виде серии однотипных погребений с вещами и/или монетами - четкими маркерами предложенных временных рамок. Датировка этого погребения, на наш взгляд включает нижние рамки в пределах рубежа XII-XIII вв.

Касательно развития рассматриваемого типа стремян, на мой взгляд, полностью верны наблюдения А.И. Кирпичникова. Абсолютно идентичные изделия есть и в погребениях поросских кочевников рубежа XI-XII – первой половины XIII вв. и в погребениях раннего золотоордынского времени средины – второй половины XIII в. Можно также говорить о заметных деталях постепенного изменения (усовершенствования) данного типа стремян на примере верхней части дужки стремени из комплекса Пришиб 2/28. Такая форма верхней части дужки стремени в стандартном (законченном виде) характерна для золотоордынского времени от последней четверти XIII в., для примера приведем материалы из могильника Каменка на Днестре (Плетнёва, 1973, с. 82. Таб. 34/*11, 12*). Изделие из Пришиб 2/28 не выглядит грацильным или законченным, в отличие от стремян из других комплексов раннего золотоордынского времени, что на мой взгляд может свидетельствовать о датировке изделия временем накануне, либо во время, периода монгольских завоеваний. Очевидно, что форма стремян была практична настолько, что сохранялась без существенных изменений до монгольских завоеваний и во время господства Золотой Орды. На территориях Южного Урала и Приуралья этот тип изделий (Пришиб 2/28) без особых изменений использовался в XIII–XIV вв. - стремя тип DII (Иванов, Кригер, 1988, с. 8, 9, 41. Рис. 1/*1*). Вместе с тем часть стремян этого типа в золотоордынское время (2-я пол. XIII-XIV вв. – М.К.), на территории южнорусской степи, имела другую ширину и форму подножки, которая варьировалась от 6-7 до более 10 см. Как итог мы можем отметить, что проблема хронологии этого типа вещей еще не решена. Связывать эти стремена лишь со строгой характеристикой

монгольского либо домонгольского времени нельзя. Здесь очевидно то, что происходило долговременное естественное развитие типа изделия, которое на определенном этапе совпало с монгольскими завоеваниями, и успешно пережив их, ввиду своей универсальности, получило дальнейшее распространение. Безусловно, эта проблема требует отдельного рассмотрения, но будет ошибкой считать, что монгольские завоевания полностью заменили, либо прервали местные степные традиции развития разных типов вещей.

Интересную форму имеет стремя из комплекса Пришиб 2/24 (*Рис. 36/6*). Такая треугольная форма стремян, с узкой подножкой шириной до 2 см, довольно архаична. Прямой аналогией этому стремени является, указанное А.И. Кирпичниковым, изделие конца IX-XI вв. из Шестовицкого могильника (Кирпичников, 1973, с. 126. Таб. XIV/*8*).

В целом представленные стремена из погребений, укладываются в пять хронологических групп бытования таких вещей от 2-й половины X до начала XIV вв. (*Рис. 47*).

2.10. Детали плети

Костяной затыльник плети из комплекса Пришиб 2/24 (*Рис. 36/5*) за классификацией А.Н. Кирпичникова относится к III типу который по мнению исследователя датируется в широких пределах XI-XIII вв. (Кирпичников, 1973, с. 73, 74). Пришибская находка имеет аналогии среди материалов древнего Новгорода, где идентичные и близкие по форме изделия датированы XI-XII вв. (Медведев, с. 183, 192. Рис. 20/*2*). Следует также обратить внимание на то, что в рассматриваемом затыльнике плети сохранились остатки дерева с вбитым железным штырём с кольцом для крепления кожаного ремня плети. В степных кочевнических погребениях XII-XIV вв. известны находки просто железных штырей с кольцом, которые я считаю конструктивными деталями плетей (Квитницкий, 2005, с. 391). Вместе с тем следует подчеркнуть, что аналогичные либо, вернее сказать, близкие вещи на поселенческих памятниках Древней Руси исследователи относят к одежным булавкам. Как пример можно привести такого плана находки из Новгорода, которые Б.А. Колчиным идентифицированы как булавки, бытовавшие в Новгороде в XII-XIV вв. (Колчин, с. 106, 109. Рис. 94/*9-15*). Для сравнения также интересной является находка остатков точеного костяного затыльника плети с железным штырьком с колечком и остатками дерева из погребения около поселка Подгородное. Авторы публикации, на основании сабельного клинка, намекают на возможную датировку комплекса X-XI–XII вв. (Шалобудов, Яремака, 1987, с. 131, 132. Рис. 2/*1-12*). Однако присутствующие в погребении бубенчики с тройным пояском указывают на дату в пределах всего XII в. Такого же плана затыльник с остатками железного штырька с колечком происходит из комплекса Рясный-II 2/8, нижний рубеж хронологии которого можно отнести ко 2-й пол. XI в. (Ларенок В., Ларенок П., 1993, с. 57, 58. (Таб. XXIII/*8*). Идентичный затыльник плети с полностью сохранившимся железным штырьком и колечком происходит из комплекса 54/1 Калиновского курганного могильника. В.П. Шилов указанный комплекс отнес к первой группе кочевнических погребений с датировкой X-XII вв. (Шилов, 1959, с. 511, 512. Рис. 66/*21*). Еще один, идентичный по типу, костяной затыльник происходит с хазарского слоя X-XI вв. крепости Саркела - Белой Вежи (Артамонов, 1958, с. 40. Рис. 26). Находки этого типа костяных затыльников XI-XII вв. известны и в объектах домонгольского времени Болгарского городища (Полубояринова, 1986, с. 258. Рис. 3). Украинские исследователи древнерусских памятников придерживаются Новгородских датировок для этого типа затыльников плетей. Близкую по форме находку из городища Гринчук на Днестре С.П. Пачкова отнесла к XI-XII вв. (Пачкова, 1979, с. 82, 95. Рис. 3/1). Известна находка такого же затыльника из с. Кононча, изделие, по мнению Г.Н. Шовкопляс также

датируется XI-XII вв. (Шовкопляс, 1971, с. 193, 194. Рис. 2/*3*).

В комплексе Смелое 4/2 сохранился предмет, интерпретируемый как кнутовище, это округлая в разрезе палочка длиной 43 см, диаметром 1,5 см. В научной литературе деревянные рукояти плетей такой сохранности еще не описывались, здесь очевидны несколько причин. Первое; сохранность деревянных изделий в погребениях, как правило, такова, что не всегда позволяет понять функцию и форму вещи. Второе; в погребениях известны находки костяных затыльников либо металлических стержней с колечком и со следами от деревянных рукояток, однако ни разу не была прослежена длина таких рукоятей. Последнее обстоятельство и не позволяет пока что безоговорочно интерпретировать такие вещи как кнутовища. Для понимания сути и назначения представленной вещи, на наш взгляд, интересны наблюдения А.В. Евглевского. Рассматривая семантику распрямленных гривен, исследователь также коснулся вопроса деревянных жезлов, которые изредка выявляют с правой стороны погребенного. Комментируя деревянные жезлы, наводится интересная параллель с сюжетами российских сказок, где деревянные предметы – костур, дубинка, палица, ногайка, тростинка могут быть соотнесены с символом мирового дерева или варианта древа жизни. Наиболее интересна наведенная параллель с сюжетом некоторых башкирских сказок, где удар тонкого прута может превратить растение или животное из одного вида в другой либо обезвредить злого духа и т.п. (Евглевский, 1998, с. 146, 151). Таким образом, можно предполагать, что данный предмет исполнял в первую очередь магическую функцию, которая должна была помочь душе умершего без проблем добраться в потусторонний мир. Подводя итог отмечу, что вероятно при жизни данная вещь действительно исполняла функцию кнутовища, которое в потустороннем мире могло приобретать функцию магической вещи. В данном контексте также интересно упоминание в Византийском письменном источнике, что плети у тюрок - тугю служили символом власти (Полубояринова, 1986, с. 259).

Из аналогий таким деревянным стержням приведем погребение у села Виноградное, где справа от погребенного находился стержень длинной 55 см, диаметром 1,5 см, также трактуемый как жезл либо рукоять плети (Рассамакин, 2003, с. 215. Рис. 5/*5*). Также уместным будет отметить наличие богато оформленного скипетра с деревянной рукоятью в известном комплексе из Таганчи.

2.11. Кресало

Из двух найденных кресал, к сожалению, определению поддается только одно, прямоугольной формы из комплекса Пришиб 2/31 (*Рис. 38/5*).

Самой ранней находкой такого типа кресал может считаться изделие с черноклобуцкого погребения 2-й пол. XI – нач. XII вв. около с. Гадомка (Плетнёва, 1973, с. 64. Таб. 16/*4*). Датировку комплекса из Гадомки определяет железная подпружная пряжка, которая за морфологическими признаками характерна для материалов IX-XI вв., и известна также по находке с материалами рубежа XI-XII - XII вв. на поселении Кощевка. (Лысенко, Шкляревский, Квитницкий, Черновол, 2012, с. 57, 317. Рис. 182/*2*). Новгородские кресала близкие (но не идентичные – М.К.) к рассматриваемому, за схемой Б.А. Колчина, появляются с рубежа XII-XIII вв. и существуют по 15 в. (Колчин, с. 101-103. Рис. 84/*9*, 85; Андриенко, 2006, с. 148-150. Рис. 2/*X*). Кресало такой формы найдено в летописном Звенигороде на Львовщине, гибель которого связывают с монгольскими завоеваниями (Ратич, 1973, с. 91. Рис. 3/*12*). Идентичные по форме прямоугольные кресала в большом количестве найдены при раскопках городища у с. Городище в Хмельницкой области. Верхний рубеж хронологии этого памятника, согласно современному анализу отдельных находок, ограничивается 2-й пол. XIII в.

(Медведев, Пескова, 2008, с. 310. Рис. 2/*10*). Известны такого плана находки из слоев XII-XIII в. Белорусского Волковыска (Зверуго, 1975, с. 31, 35. Рис. 9/15, 16). Кресало прямоугольной формы также происходит из кочевнического комплекса 2-й пол. XII–XIII вв. у с. Самойлово (Швецов, 2004, с. 244-248 Рис. 9/*8*). Прямой аналогией, также является находка прямоугольного кресала с погребения золотоордынского времени у г. Павлограда (Шалобудов, 1990, с. 114. Рис. 3/*9*). Близкая, по форме, находка кресала, с несколько изогнутыми рабочими поверхностями, происходит с одного из селищ XIII-XIV вв. Днепровского Надпорожья (Бодянський, 1971, с. 198. Рис. 2/*12*). Кресало прямоугольной формы найдено при раскопках Малого городища – летописного Городеска на Житомирщине, разрушенного Данилой Галицким в 1257 г. (Выезжев, 1960, с. 131. Рис. 3/*10*). Такого же плана изделие XIV в., со слегка скругленными углами, найдено на городище у хутора Половецкий на Киевщине (Довженок, 1959, с. 151. Таб. II/*3*).[8] Изделие прямоугольной формы, со слегка выпуклыми рабочими поверхностями, происходит из заполнения разрушенной постройки летописного Возвягля на Житомирщине, разрушенного в 1257 г. Данилой Галицким (Звіздецький, 2008, с. 38. Рис. 26). Если же мы возьмем для сравнительного анализа кресала из, четко датированных, кочевнических памятников золотоордынского времени середины XIII–XIV вв. то будет заметно, что, за редким исключением, они имеют не строго прямоугольную форму, как в комплексе Пришиб 2/31, а в разной степени выгнутые рабочие лезвия. Такие изделия присутствуют в погребении середины 60-х гг. XIV в. у с. Миновка (Шалобудов, Кудрявцева, 1980, с. 97. Рис. 4/*5*), погребениях с широкой датировкой XIII-XV вв. у с. Котовка (Шалобудов, 1982, с. 67, 68. Рис. 1/*13, 23*; 2/*24*), погребении XIII-XIV вв. у с. Николаевка (Шалобудов, 1984, с. 172. Рис. 1/*17*). Такие кресала встречены в золотоордынских погребениях грунтовых могильников конца XIII –XIV вв. Мамай – Гора и Ляпинская Балка (Андрух, Тощев, Ельников, 2000/28, с. 53. Рис. 28/*1*; Евглевский, Кульбака, 2003, с. 372. Рис. 5/*8*). Такое кресало также было найдено и в золотоордынском комплексе Балабан 1/2, курганного могильника группы Балабан II в республике Молдова (Sava, 1996, S. 205. Fig. 9/*2*).

А.В. Евглевский и Т.М. Потем-кина нижнюю границу хронологии кресал прямоугольной формы, для степных комплексов, ограничивают 2-й половиной XIII в., как, в прочем, и все кресала замкнутой формы с двумя рабочими поверхностями (Евглевский, Потемкина, 2000б, с. 200. Рис. 6). С таким хронологическим определением нельзя согласится, тем более выглядят странно предложенные рамки хронологии при том, что авторы отмечают для кресал с двумя рабочими поверхностями, не такие уж далекие многочисленные аналоги от XI по XIII вв. (Евглевский, Потемкина, 2000б, с. 188, 189). Принцип определения хронологии и предложенных А.В. Евглевским и Т.М. Потемкиной рамок бытования такого плана кресал, со второй половины XIII в., вызывает недоумение еще и тем, что, в свете озвученного ними круга аналоговых находок XII-XIII вв., подводит нас к мысли об отсутствии любых малейших контактов между населением степи и Русью. Странность такой датировки еще больше подчеркивает тот факт, что оваловидные и подпрямоугольные кресала известны на поселенческих памятниках XII-XIII вв. в Харьковской области, территории которой являлись северной границей части Половецкой степи. Также, кроме того, кресала с двумя рабочими поверхностями довольно часто изображены на половецкой скульптуре. Впрочем, определения хронологии степных вещей в работах указанных авторов, как уже отмечалось в примечании, вопрос отдельной дискуссии.

[8] Добавим также, что на момент публикации автор связывал гибель памятника с монгольскими завоеваниями, однако это неверно. О более поздней дате свидетельствуют наведенные В.И. Довженком находки – арбалетные болты. Также в 1990-х годах на городище был найден комплект арбалетчика и серебряный дирхем Тохтамыша – М.К.

2.12. Пряжки, ножи, ворварки

Комплекс Пришиб 2/24 помимо раннего типа стремени интересен еще и формой подпружной пряжки (*Рис. 54/10*). Такие пряжки больше характерны для времени XII – первой половины XIII вв. В древнерусских памятниках (находящихся в зоне прямых и непрямых контактов с кочевниками) они, в частности найдены на двух поселениях Лесковое I и II в слоях XII – первой половины XIII вв. (Веремійчик, 2003, с. 23. Рис. 2/*13, 14*). Также имеется близкая аналогия среди материалов древнерусского поселения XII-XIII ст. Бовшев II (Баран, Чайка, 1972, с. 100, 101. Рис. 3/*29*). Такая же происходит с культурных слоев XII – первой половины XIII вв. летописного Дорогобужа (Прищепа, Нікольченко, 1996, с. 111, 203. Рис. 69/*5*). Известны такие пряжки и в материалах Волковыска, правда, хронология изделия автором не указана. Прямая аналогия этой пряжке присутствует в черноклобуцком погребении второй половины XII – первой половины XIII вв. у с. Бурты (Плетнёва, 1973, с. 72. Таб. 24/*6*). На последок отметим (неидентичную, но повторяющую тип изделия) находку пряжки из слоя, вероятно первой половины XIII в., на городище Княжа Гора под Каневом (Черненко, 2007, с. 109. Рис. 24/*3*).

В остальном мы не будем детально рассматривать хронологию всех выявленных в погребениях железных пряжек (*Рис. 54/1-9, 11-15*), поскольку такие вещи имеют очень широкие рамки бытования. При необходимости проанализировать значительный массив источников, такие пряжки не всегда могут помочь существенно уточнить хронологию. Современный этап знания о пряжках, в погребениях средневековых кочевников, позволяет отметить, что отдельные типы этих изделий могут указывать на рамки бытования в пределах больших временных блоков в отрезке 150-200 лет. В подборке вещей из изученных погребений мы не видим находок типов маркирующих IX-XI и последнюю четверть XIII-XIV вв. Все найденные железные пряжки укладываются во временной промежуток конца XI – 2-й пол. XIII вв.

По прослеженному местоположению выделяется четыре категории пряжек: - пряжки портупеи ножен сабли; пряжки налучной и колчанной портупеи; подпружные и стременные пряжки; пряжка головного убора.

Ременная бронзовая пряжка с цельным фигурным щитком из комплекса Пришиб 2/5 (*Рис. 26/4; 54/16*) по способу крепления, штифтом-заклепкой к ремешку, больше отвечает технологическим приемам IX-XI вв. Она во многом схожа с треугольнорамчатыми изделиями VIII-IX вв. (Ковалевская, 1979, с. 38. Таб. XVIII), но вместе с тем изготовлена более упрощенно, что свидетельствует о поздней хронологии пряжки. Полностью идентичных аналогий этому, довольно интересному, предмету, к сожалению, найти не удалось. Похожей, по очертаниям, пряжкой можно считать изделие XI в. из материалов Северного Кавказа (Ковалевская, 1981, с. 273. Рис. 94/*171*). Наиболее близкими, за формами цельнолитого щитка с заклепкой, являются две бронзовые пряжки с катакомб 50 и 52 Змейского могильника XI-XII вв. с территории Северной Осетии (Кузнецов, 1963, с. 31. Рис. 14/*1, 2*).

Среди вещевого материала мы не рассматриваем хронологию и типологические особенности обнаруженных ножей (*Рис. 57/1-10*). В строении этих предметов нет морфологически специфических деталей характерных для изделий из погребений кочевников 2-й пол. XIII-XIV вв. В остальном можно лишь отметить, что ножи из рассматриваемой группы известны среди степных погребений и древнерусских поселений с материалами в рамках X-XIII вв.

Кроме этого не рассматривается аналоговая составляющая категории костяных пряжек-застежек «ворварок» (*Рис. 55/1-8*) поскольку известные на сегодня аналогии недостаточны для выводов о хронологических диапазонах существования вещей.

Большинство находок пока что позволяют говорить лишь об общих хронологических рамках в пределах XI – середины XIII вв. без уточняющей конкретики.

2.13. Глиняная и деревянная посуда

Среди бытовых вещей, отдельно выделяются находки глиняных горшков в погребениях Смелое 4/2, Пришиб 1/8, 2/2, 2/4, 2/6 и 2/13 (*Рис. 56/1-6*). Находки глиняной посуды в погребениях степного ареала обитания кочевников хотя и достаточно хорошо известны, но в целом редки. Из перечисленных погребений только присутствие гончарной посудины в Пришиб 1/8 и лепной в Пришиб 2/4 не вызывают сомнения в их четкой связи с инвентарем комплексов. Фрагменты сосудов из комплексов Смелое 4/2 и Пришиб 2/6, к сожалению, не нашли своего графического отображения, поэтому здесь ограничимся констатацией факта находки. Могильная яма погребения Пришиб 2/2 разрушила ранее располагавшийся комплекс эпохи бронзы. Все найденные фрагменты лепных посудин выявлены во взвеси в засыпке средневековой могилы. Реконструируемые формы горшков, больше похожи на их целые степные аналоги эпохи бронзы – раннего железного века. Изображенные фрагменты глиняной посуды из заполнения комплекса Пришиб 2/13 однозначно относятся к посуде эпохи бронзы. Указанные обстоятельства позволяют ставить под сомнение средневековое время происхождения фрагментов горшков из Пришиб 2/2 и 2/13, и соответственно не привлекать их к рассмотрению.

Находки лепных посудин, в погребениях кочевников южнорусской степи, настолько редки, что это не позволяет на сегодня дать какую либо внятную характеристику или проследить типологические детали. Эта категория вещей очень индивидуальна и на сегодня пока что не информативна. Сам комплекс Пришиб 2/4 по инвентарю может укладываться в хронологические рамки от IX по XIV вв., (и даже сарматского времени) и только его присутствие среди всего массива средневековых погребений и особенно наличие решетчатого элемента поперечного перекрытия могильной ямы позволяет связывать его с средневековым временем и датировать общей хронологией группы в пределах рубежа XI-XII – третей четверти XIII вв.

К большому сожалению, осмотреть «вживую» посудину из комплекса Пришиб 1/8 нам не удалось. Поэтому судить об этом предмете можно лишь в общих чертах. По пространному описанию строения венчика (резко отогнутый, прямой) и общим очертаниям это изделие несколько напоминает отдельные формы древнерусской керамики второй половины XI-XII вв.?, вместе с тем нехарактерная для древнерусских керамических посудин шаровидность туловища и отсутствие выраженной шейки ставит под сомнение древнерусское импортное происхождение этого горшка. Для посуды такого плана, изготовленных в русле древнерусских гончарных традиций, но имеющих нетрадиционную форму туловища, в отчетах Донецкой экспедиции С.Н. Братченком было применено емкое и очень точное определение – керамика древнерусского облика. Данный термин мы считаем удачным для характеристики такого типа посуды. Укажем, что этот термин уже используется при характеристике всей гончарной посуды, изготовленной в русле древнерусских традиций, отдельными донецкими исследователями (правда без указания на авторство предложенной терминологии, надеемся, что не под видом своих собственных терминологических разработок? – М.К.). Пути попадания этой посудины, вероятно, следует связывать не с территориями Киевской Руси, а с сеткой поселений XI-XIV вв. расположенных в среднем течении Северского Донца, часть из которых в своих слоях и объектах имеет несколько схожую керамику (Кравченко, 2000, с. 75-100). Вопрос точной датировки и происхождения выявленного горшка пока остается открытым.

К редкой категории находок относятся деревянные тарелка (?) и чаша из погребе-

ний Пришиб 2/21 и Смелое 1/2. Специфика сохранности в могилах вещей из дерева не позволяет прослеживать типы и развитие форм таких вещей. Поэтому каждая такая находка по-своему уникальна. От изделия с Пришиба сохранился небольшой фрагмент высотой 3,5 см, сшитый бронзовой проволокой, примерный диаметр по верху составляет 28,5 см. Реконструируемый диаметр позволяет говорить о деревянной тарелке?. Лучше сохранилась деревянная чаша-черпачок с ручкой из комплекса Смелое 1/2. Высота изделия 8 см, диаметр по венчику 14,5 см, диметр по дну 7 см. Стенки окрашены широкими полосами в красный, коричневый и чёрный цвета. Обращает на себя внимание особенность расположения и формы ручки. В кочевнических погребениях известны аналогии такой деревянной посуде, в частности из комплекса у села Виноградное Токмакского района Запорожской области. В указанном погребении вещи из дерева сохранились достаточно хорошо. Здесь найдены, деревянная миска, черпак и чаша. Последняя, выточенная на токарном станке (? – М.К.), с невысокими загнутыми стенками высотой 2,5 см и примыкающей фигурной ручкой (Рассамакин, 2003, с. 214, 216. Рис. 5/*6*). Строение бортиков данной чаши очень похоже на фрагмент бортика из погребения Пришиб 2/21, а ручка идентична ручке чаши из Смелого 1/2. Автор публикации высказал предположение о золотоордынском времени комплекса из Виноградного. На наш взгляд, стремена, срединная накладка на лук, костяная колчанная петля имеют хронологический диапазон от последней трети XII до – 1-й половины XIII вв.

Нам не удалось выявить аналогий деревянным чашам с таким типом ручек среди золотоордынских комплексов средины XIII-XIV вв., возможно вероятно ввиду того, что деревянные вещи в таких погребениях также не всегда хорошо сохраняются. Поиск аналоговых находок вывел к Новгородским чашам X-XI вв. Деревянные резные чаши с таким типом ручки были найдены в слоях X в., также два обломка чаш с ромбовидными ручками покрытыми богатой резьбой найдены в мостовых 26 и 28 ярусов (989 и 953 годы) (Колчин, 1968, с. 44, 45, 127. Рис. 33, Таб. 30; Колчин, 1971, с. 65. Таб. 1/ *6, 8*). Такие чаши относятся к питейным, находка в Новгороде связывается с элементом дружинной культуры - братчиной. Конечно на основании этой аналогии мы не можем связывать развитие культуры Новгорода X века с вещами в погребениях кочевников XII-XIII веков. Однако в силу объективных причин степени сохранности деревянных вещей в древнерусских памятниках, мы указываем на такие вещи, поскольку приведенная аналогия отображает общую динамику развития форм и назначения такой посуды на Руси. Аналог такой питейной чаше с короткой плоской ручкой присутствует и среди древнерусских материалов Киевского Подола, хотя по изображению посудины и невозможно детально рассмотреть форму ручки (Сагайдак, 1991, с. 138. Таб. XVI/*1*).

Отсутствие, известных мне аналогий, деревянных чаш с таким типом ручки в кочевнических материалах X-XIII вв. и золотоордынского времени за пределами южнорусской степи, позволяет сделать предположение о влиянии древнерусских дереворезных традиций на изготовление чаши из комплекса Смелое 1/2. Вместе с этим, данное предположение не означает и автоматического переноса влияния определенных социокультурных древнерусских традиций. Здесь очевидно, что использование деревянных питейных чаш в кочевом обществе связано с давно устоявшимися бытовыми потребностями, и сакральными традициями. Роль посуды в духовной жизни половцев хорошо отображена в изображениях посудин на половецкой скульптуре. Исследователи отмечают факт древней традиции использования деревянной посуды, пастушескими племенами и кочевниками раннего железного века, в определенных ритуальных целях, связанных со священным напитком, начиная с эпохи бронзы. Для раннего кочевого населения предполагается использования деревянных чаш в повсеместном быту, а помещенные чаши в погребениях связы-

ваются с использованием в ритуальных церемониях при совершении культа, детали которого остаются не совсем ясными (Дудин, 2009, с. 34-37). Для нас же очень ценным является сообщение арабского путешественника Ахмед-ибн-Фадлана о захоронении знатного торка в X в: ***„…А если умер человек из их (числа), то для него роют большую могилу наподобие дома, берут его, одевают на него его куртку и его пояс, его лук, кладут в его руку чашу из дерева с набидом, оставляют перед ним сосуд с набидом, приносят все его имущество (все, что он имеет) и кладут с ним в этом доме...”*** (Ковалевский, 1956, с. 128). Присутствующая чаша из дерева с «набидом» в описании ибн-Фадлана отвечает прослеженным в погребениях находкам деревянной посуды и свидетельствует о существовании ритуала с, очевидно, священным напитком и в половецком обществе. Под категорию такого опьяняющего напитка у половцев, «набида» ибн-Фадлана, наиболее всего подходит кумыс, а соответственно найденная питейная деревянная чаша в Смелом 1/2 (и Виноградном – М.К.) является – кумысницей. Приведенный отрывок из источника в соотношении с другими материалами половецких погребений также вносит ясность в фиксируемое присутствие глиняных горшков в мужских кочевнических погребениях. Очевидно, что это связано с культом священного напитка, что видимо характерно для многих ветвей тюркоязычных народов. Отмечу; - наличие горшков, как и деревянной посуды, в кочевнических погребениях не всегда очевидно для связи с их этнической составляющей, что предполагалось мною ранее для погребений торков (Квітницький, 2004, с. 28).

2.14. Накладка на лук

Срединная накладка на лук из погребения Пришиб 3/2 (*Рис. 49/1*) имеет аналогию из уже упомянутых погребений XII в. на Днепропетровщине (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 144. Рис. 2/*X*). Идентичная находка с дополнительными боковыми пластинами происходит из слоя 2-й пол. XII в. Новгорода Великого (Медведев, с. 140, 143. Рис. 8/*2-6*). Такие же накладки известны из черноклобуцких погребений у сел Зеленки, Гадомка, Юзефовка где по сопутствующему инвентарю соотносятся со временем 2-й пол. XI–XII вв. (Плетнёва, 1973, с. 59, 63, 64, 68. Таб. 11/*1*; 15/*3*; 16/*7*; 20/*9*). Также следует упомянуть о такой находке из погребения у с. Прибрежное в Северо-Западном Крыму. Несмотря на присутствие в погребении вещей четко указывающих на 2-ю пол. XI – максимум 1-ю четверть XII вв., автор публикации почему-то неоправданно остановился на широкой дате комплекса в пределах XII в. (Лагутин, 1998, с. 156-162). Известна такая накладка с разрушенного погребения (с ориентировочной хронологией XI-XII вв. – М.К.) у с. Долинское на р. Молочной (Фурманська, 1960, с. 139. Рис. 102). Также необходимо отметить, что подобные фронтальные срединные накладки характерны и для древностей времени монголо-татарских завоеваний (Немеров, 1987, с. 214, 215. Рис. 2/*1, 2*; Худяков, 1991, с. 100, 101. Рис. 49, 50; Табалдиев, Солтобаев, 1995, с. 122, 123. Рис. 4/*2*; 5/*1, 5*; Чхаидзе, Дружинина, 2010, с. 188. Рис. 2/*2*). Исходной точкой их распространения является территория Алтая, где они бытовали в дозолотоордынский период. Однако расширяющиеся лопаточковидные концы этих накладок как правило не несут следы лицевых продольных насечек известных в ранее время на территории южнорусских степей. Сами эти накладки изготовлены более грубо и примитивно, зачастую лопаточковидные концы накладок сильно укорочены, что заметно отличает их от изящных изделий XI-XII вв.

Накладка на лук из комплекса Пришиб 2/2 (*Рис. 49/2*) не находит прямых аналогий, однако она не выходит за рамки обычных костяных фронтальных накладок.

2.15. Наконечники стрел

Листовидные наконечники стрел, с несколько выпуклыми режущими краями и расширением в нижней части, из погребений Смелое 5/4, Пришиб 2/2, 3/2, (*Рис. 50/4, 6, 10*) имеют аналогии среди находок XI – нач. XII вв. славяно-русского горизонта Саркела – Белой-Вежи (Сорокин, 1959, с. 184. Рис. 29/*10, 17, 18, 19, 20, 22*). Такого плана наконечник происходит из урнового погребения могильника VI-XI вв. Гарван, Силистрийского округа Болгарии (Въжарова, 1976, с. 17. Обр. 6/*5*). Такой наконечник стрелы найден в мастерской оружейника IX-X вв. на Ачедарском городище в Молдавии (Федоров, 1960, с. 41. Рис. 19/*11*). Найден такой наконечник и в катакомбе 50 Змейского могильника XI-XII вв. в Северной Осетии (Кузнецов, 1963, с. 28. Рис. 12/*6*).

Весьма необычен для степных кочевнических погребений двушипный черешковый наконечник из комплекса Пришиб 2/2 (*Рис. 50/3*). Близкие аналоги этому наконечнику имеются среди двух находок в слоях конца XI и средины XII вв. на Рюриковом городище в Новгороде (Носов, 1990, с. 117, 119. Рис. 42/*6*). Как подчеркнул Е.А. Носов, при рассмотрении таких наконечников с Рюрикова городища, подобный тип изделий, по мнению А.Ф. Медведева, был распространен исключительно в северной половине европейской части СССР с I в. до н.е. по XIV в. Однако должен заострить внимание на том что, в свою очередь, подборка этих стрел дана А.Ф. Медведевым только из четко стратифицированных памятников со слоями X-XII вв. а вот «бытовавшие» в XIII-XIV вв. стрелы почему-то так и не нашли своего отображения (Медведев, 1966, с. 62, 151. Таб. 20/*11*). Следует также отметить, что подобное изделие, интерпретируемое как наконечник дротика, происходит из хазарских слоев Саркела – Белой Вежи.

Костяной пулевидный наконечник, из того же комплекса Пришиб 2/2 (*Рис. 50/1*), находит аналогию в уже упомянутом погребении 2-й пол. XI – нач. XII в. у с. Прибрежное (Лагутин, 1998, с. 156-162), а также среди материалов XI-XIII вв. летописного Звенигорода (Ратич, 1973, с. 92. Рис. 4/*5*). Также имеется аналогия среди находок из болгарского слоя X-XII вв. городища у с. Балымеры Татарской А.Р. (Ефимова, 1962, с. 46. Рис. 13/*2*). Такие наконечники стрел в летописном Дорогобуже найдены в комплексах и культурном слое XI-XIII вв. (Прищепа, Нікольченко, 1996, с. 108, 166, 183, 212. Рис. 32/*8*; 49/*3*; 78/*2*). Один из Дорогобужских костяных наконечников по форме очень близок к находке трехгранного удлиненного втульчатого (томара за А.Ф. Медведевым) из комплекса Смелое 3/6. Известны костяные пулевидные наконечники и среди находок XII-XIII вв. с Пронского городища (Мальм, Фехнер, 1974, с. 204. Рис. 7). Такие же пулевидные конические костяные наконечники найдены в объекте XII-XIII вв. городища Мерешовка на памятнике Мерешовка-Четэцуе в Молдавии (Власенко, 1983, 80. Рис. III/*6, 7, 8*). Такие наконечники известны в Киеве в слоях XII – первой половины XIII вв., где, к тому же, была выявлена косторезная мастерская XII в. по их изготовлению. М.С. Сергеева отметила, что наибольшее распространение таких наконечников отмечается в Саркеле и Волжской Булгарии и не исключено, что оттуда они происходят генетически (Сергєєва, 2011, с. 107, 221, 222. Таб. 50; 51/*1-8*).

Костяной наконечник стрелы другого типа, пулевидный короткий с трехгранным жалом, с комплекса Смелое 3/6 (*Рис. 50/7*) имеет прямую аналогию в находке XII в. с городища Старой Рязани (Монгайт, 1974, с. 45, 46. Рис. 25). За А.Ф. Медведевым такие наконечники отнесены к томарам 3 и 4 типа. Томары 4 типа (короткий биконический с трехгранным жалом) вероятно бытовали в XI – 1-й пол. XIII вв., томары 3 типа (*Рис. 50/8*) найдены на памятниках в слоях XII в. Костяные пулевидные наконечники представлены находками с хронологией от I в. до н.е. по XIV в. (Медведев, 1966, с. 87,

155, 161. Таб. 22/*1, 4*; 25/*22*). Наблюдения А.Ф. Медведева, касательно общей хронологии пулевидных костяных наконечников, подтверждаются и на современных материалах Украины. Более того такие наконечники еще известны и в памятниках эпохи средней бронзы и начала раннего железного века.

2.16. Колчанные петли

Костяные колчанные петли из комплекса Пришиб 2/21 (*Рис. 49/4*) имеют прямые аналогии среди материалов Саркела – Белой Вежи. Оттуда происходит полуфабрикат петли, и обломок колчанной петли, которые за схемой предложенной В.Е. Флёровой датируются концом XI – началом XII и концом X вв. (Флёрова, 2000, с. 104-107. Рис. 3/*2*, *7*; 4). Такая же колчанная петля с богато оформленной резной спинкой происходит из погребения XII в. у с. Большемихайловка (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 144. Рис. 2/*7*). Обломок такой же по форме петли, орнаментированной циркульными композициями, происходит из летописного Звенигорода (Западная Украина – М.К.), верхняя дата существования которого ограничена срединой XIII в. (Ратич, 1973, с. 92. Рис. 4/*8*). Также известна находка такой петли из заполнения постройки XII в. на Киевском Подоле (Сергєєва, 2011, с. 113, 224. Таб. 53).

Две колчанные петли из комплекса Смелое 3/6 (*Рис. 49/5*) по форме выделяются среди основного массива находок таких изделий в пределах южной степи современной Украины. Территориально наиболее близкой прямой аналогией можно назвать депаспортизированую находку с одного из курганов Крыма, из вероятно дореволюционных, либо раскопок 20-х гг. XX в. Хронология вещи неопределима (Черепанова, Щепинский, 1968, 182, 183. Рис. 1/*7*). Близкой, но не идентичной, по типу изделия находкой является петля из комплекса конца XI–XII вв. возле поселка Подгородное (Шалобудов, Яремака, 1987, с. 132, 133. Рис. 2/16). Прямым аналогом этим изделием является петля с сохранившимся колчаном из вооружений IX – начала XIII вв. турфанских уйгуров, с территории Восточного Туркестана. Остатки колчана с карманом происходят из памятника Баликунь (Бархундий), петля крепилась с левой стороны кармана. Ю.С. Худяков отметил, что такая форма петли баликуньского колчана находит аналогии среди деталей колчанов средневековых кочевников Центральной Азии (Худяков, 1995, с. 85, 86, 89. Рис. 1/*3*).

Интересна железная колчанная петля из комплекса Пришиб 2/2 (*Рис. 49/3*). Поскольку многие авторы при публикациях комплексов с этими петлями датируют погребения по разному, в том числе и XIII–XIV вв., остановимся подробно на их сравнительной характеристике. Описывая колчанные петли А.Ф. Медведев отметил, что железные петли с двумя заклепками характерны для VIII-IX вв. (Медведев, 1966, с. 20. Таб. 7/*7*). Такое изделие было найдено в погребении 28 Больше – Тиганского могильника Татарской А.Р. Могильник датируется концом VIII – 1-й половиной IX вв. (Халикова, 1976, с. 164. Рис. 5/*15*). Известны находки таких петель и среди древностей Салтовской культуры на территории Украины. В частности такая вещь происходит из ямы с кремацией №6 Кочетокского могильника VIII–X вв. (Свистун, 2012, с. 87, 197. Илл. 5/*11*). Металлическая колчанная петля из Пришиба имеет аналогию в разграбленном комплексе с неясной хронологией Колпаковка 4/7. Того же типа, но другого варианта, петля происходит из погребения датированного X-XI вв., группы Колпаковка XXVII 3/1 (Шалобудов, Кудрявцева, 1981, с. 95, 99. Рис. 1/*10, 12*). Известны такие петли в венгерских кочевнических погребениях X в. В частности одна из таких петель происходит с могильника Жентес-Перекегихази (Szentes-Perekegyhazi) (Biró Ádám, Langó Péter, Türk Attila Antal, 2010, S. 252. Fig. 6/*15*). В пределах Карпато – Балканского региона такие же петли были найдены и в погребениях X-XI вв. могильников Ново

Милошево и Новый Бечев, Сербского края Воеводины (Станојев, 1989, с. 64, 69. Рис. 336, 362). При раскопках летописного Дорогобужа такая же железная петля найдена в слое XI – 1-й пол. XII вв. (Прищепа, Нікольченко, 1996, с. 109, 198. Рис. 64/*2*). Идентичная железная петля также происходит из слоя пожарища средины X в. летописного Искоростеня.[9] Аналогичные железные петли, в одной утрачены заклепки а одна с одним незначительно удлиненным окончанием, найдены в слоях X-XI вв. на посаде Шестовицкого городища в ур. Коровель на Черниговщине (Коваленко, Моця, Сытый, 2003, с. 74. Рис. 7/*34*; Коваленко, Моця, Ситий, Скороход, 2008, с. 180, 184. Рис. 7/*6*). В целом же среди материалов XII - первой половины XIII вв. такие железные петли неизвестны.

Касаясь аналогий данной железной колчанной петле необходимо подчеркнуть, что на сегодня абсолютно нет никаких достаточно веских оснований для датировки такого типа и формы изделий золотоордынским временем, как на пример это следует из датировки одного из кочевнических погребений Л.Э. Голубевым и А.А. Сазоновым. К удивлению авторы при рассмотрении погребения X-XI вв. (подчеркивание наше – М.К.) настолько «увлеклись» интерпретацией периодом Золотой Орды, (без пошагового соотношения с идентичными сериями вещей со слоев или объектов, бесспорно относящихся к ордынскому времени – М.К.) что это даже в концевом выводе позволило им выделить эфемерных: - «...представителей некоего племени, пришедшего вместе с монгольскими завоевателями...» (Голубев, Сазонов, 2008, с. 130-133).

В погребениях золотоордынского времени на современных территориях Украины, и сопредельных землях, действительно зафиксирована традиция использования удлиненных, с высокой П – образной петелькой, металлических колчанных петель, однако они весьма существенно отличаются от находки Пришиб 2/2 и выше наведенных четко датированных аналогий. Безусловно, для понимания этой разницы необходимо ознакомится с железными колчанными петлями с золотоордынских комплексов на реке Кодыма и у с. Великая Каменка на Луганщине (Добролюбский, Островерхов, 1992, 120. Рис. 3/*11*; Бондарь, Антоненко, Пиоро, Самойленко, 1982/131, с. 79-81. Рис. 434, 435).

2.17. Колчан

К сожалению, колчаны относятся к категории изделий, которые редко сохраняются в погребениях, тем более интересными являются зафиксированные остатки колчана в комплексе Смелое 5/4 (*Рис. 15/3*). Во время исследования погребения, из-за плохой сохранности материала, эта находка была воспринята как изделие типа скифского горита – сумки с вложенным луком и стрелами. Действительно для кочевников развитого средневековья было характерным использование налучий. Соответствующие изображения вложенных в чехлы луков присутствуют на половецкой скульптуре, венгерских фресковых изображениях половцев средины – второй половины XIII в., а присутствие налучий в кочевнических погребениях Белой Вежи реконструирует В.Е. Флерова (Флёрова, 2000, с. 110. Рис. 6). Однако совокупность известного на сегодня материала свидетельствует о том, что кочевники развитого средневековья для стрел использовали отдельные футляры – колчаны (древнерусские тульи либо тулы – М.К.). При внимательном ознакомлении с полевыми чертежами становится очевидным, что в погребении, вероятно в налучной сумке, находился лук, в натянутом положении, длинной около 80 см, на который сверху был положен колчан со стрелами длиною около 63-65 см. Особый интерес вызывают костяные декоративные пластины, которы-

[9]Выражаю благодарность научному сотруднику отдела древнерусской и средневековой археологии ИА НАН Украины к.и.н. А.В. Петраускасу за консультацию и ознакомление с материалами исследований летописного Искоростеня.

ми был украшен корпус колчана. Такой тип накладок на колчан среди кочевнических древностей Юга Украины, Донецкой экспедицией был выявлен впервые. Удалось отыскать единственную близкую аналогию такому типу накладок (изготовленных с рога и дерева – М.К.) с сохранившимся колчаном среди предметов вооружения IX – начала XIII вв., уже упомянутых турфанских уйгуров, с территории Восточного Туркестана. Колчан хранится в музее г. Турфан. В центральной части и на приемнике изделия укреплена деревянная планка с расширением к низу. На расширении прикреплена роговая пластина, повторяющая форму планки, от планки вниз, расходятся веером четыре узкие планки. Ю.С. Худяков отметил, что планки служили, своего рода внешним каркасом, для укрепления берестяного корпуса приемника (Худяков, 1995, с. 86, 89. Рис. 1/*4*). Вполне вероятно, что и наша находка исполняла те же функции, а форма колчана была близка к Турфанской. В тоже время верхняя серповидная костяная накладка колчана из Смелое 5/4 вероятно крепилась на боковой крышке, которая закрывала карман колчана. Возможная реконструкция этого колчана (*Рис. 15/4*) мне представляется близкой к изделию из Чингульского кургана.

2.18. Сабли

Из исследованных комплексов происходит семь находок сабель, и еще наличие одной, в Пришиб 2/28, определяется по отпечатку прослеженному в могиле (*Рис. 48*). Сабли из погребений Сокольники 3/1 и Смелое 5/4 найдены в обломках, что не позволяет проследить их форму и тип. Сабля из комплекса Пришиб 2/24 зафиксирована лишь на полевом чертеже, что абсолютно не отображает реальную форму вещи.

Пригодными к рассмотрению являются три сабли из комплексов Смелое 1/2, 4/2 и Пришиб 2/2. Представленные предметы вооружения находятся в деревянных ножнах, достаточно сильно спекшихся с железным клинком. Реальную форму изгиба клинка и наличие возможных ребер жесткости проследить невозможно. Реставрационной расчистки части лезвий не проводилось. Рукоять одной сабли не имеет перекрестия, в изделиях из Смелое 4/2 и Пришиб 2/2 перекрестия сохранились плохо, реконструируются как прямоугольной формы шириной 1,5-2 см, длиной 8,5 см и около 7,5 см. (Смелое 4/2). Длина сабель различна; Пришиб 2/2 – общая длина1,24 м, длина клинка 1,09 м; Пришиб 2/24 – общая длина 1,1 м; Смелое 1/2 - общая длина 1,22 м, длина клинка 1,06 м; Смелое 4/2 – общая длина 1,17 м, длина клинка 1,03 м. Ширина в средней части изделий достигает 5 см. На ножнах и рукояти сабли из Смелого 1/2 прослежено колпачок – навершие и бутероль. Последняя также зафиксирована у ножен изделий из Смелое 3/6 и Сокольники 3/1. Ножны сабель из Пришиб 2/2, Смелое 1/2 и 4/2 имели петли-пряжки крепления портупейных ремней.

Измерение кривизны сабель, в нашем случае - плотно обсевших клинок ножен, показывает малую величину искривления: Смелое 1/2 до 1 см, Пришиб 2/2 около 1,5 см и Смелое 4/2 примерно 2 см. Самостоятельное определение времени бытования этих вещей пока невозможно, работу по общей характеристике и хронологии такого оружия еще необходимо провести. Известная на сегодня попытка А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной в характеристике Восточноевропейских сабель (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 117-180)[10], безусловно, интересна и демонстрирует

[10]Несомненный положительный момент работы, выраженный в тщательной классификации данного типа вооружения, очень сильно ограничен отсутствием внятной хронологии. Механизм научного анализа, проведенного исследователями, не раскрыт. В частности в работе не видно анализа вещевых комплексов, откуда происходят сабли. Перепроверить предложенные рамки бытования типов сабель, при пользовании данной работой, не всегда представляется возможным. Само только оперирование якобы известными по комплексам четко установленными критериями хронологии, без визуального отображения, вызывает естественные сомне-

очень позитивный аналитический опыт классификации в данном направлении. Вместе с тем в работе отсутствует внятная хронологическая составляющая, что делает ее, увы, непригодной для хронологических реконструкци.

2.19. Казан

Как отмечалось в начале, среди материалов исследованных комплексов присутствуют находки, которые можно связать с вещами, отображающими высокий социальный статус. Это бронзовый казан с комплекса Пришиб 3/2 и обломанная распрямленная железная гривна из комплекса Смелое 1/2 (*Рис. 7/2; 10/8; 43/7*).

К настоящему времени известна единственная работа М.Л. Швецова, на которую мы опираемся, посвященная котлам из погребений средневековых кочевников (Швецов, 1980, с. 192-202). Автор, по способу соединения между собой листов металла, выделил три основных типа этих изделий. Казан из Пришиба относится к III типу, характеризующемуся соединением в виде зубчатого замка, и по форме аналогичен изделию из Запорожья (Швецов, 1980, с. 197. Рис. 4/*6*). Вместе с тем, озвученное исследователем время бытования изучаемых казанов XII - началом XIII вв. на сегодня не нашло подтверждение в известных материалах. Вещевая база погребений и аргументация определения хронологии комплексов с казанами, остались за рамками работы, представленной исследователем. Озвученные датировки, таким образом, представляют собой, по факту, недостаточно аргументированное авторское мнение. Минимум три казана из публикуемых М.Л. Швецовым (2 из Новочеркасска и 1 из Скадовска) датируются временем от второй половины XIII – XIV вв. Необходимость возврата к рассмотрению хронологии этой группы вещей – очевидна. Определить датировку собственно рассматриваемого нами казана по конкретным аналогиям пока проблематично. Можно лишь отметить, что наиболее рано техника соединения листов, из медесодержащих сплавов, с помощью зубчатого шва известна в находке фрагмента бронзовой посудины с таким типом соединительного шва из городища X–XII вв. возле с. Жорнов Ровенской области (Прищепа, 1992, с. 123, 125. Рис. 67). Присутствует такая же находка части казана с зубчатым швом, близкая по форме к рассматриваемому нами казану, и в материалах XII – начала XIII вв. связанного с кочевниками Поросья летописного Юрьева на Роси (Орлов, Моця, Покас, 1985, с. 37-41. Рис. 8/*6*). Наиболее поздним временем 2-й пол. XIII–XIV вв., где применена такая техника, датируются казан из комплекса возле г. Скадовска в урочище Морская кошара и казан из погребения золотоордынского времени кургана 443 у с. Каменка (Плетнёва, 1973, с. 90. Таб. 42/*1*).[11]

Семантическая нагрузка казана как символа принадлежащего кормильцу, главе рода и атрибута подчеркивающего высокое социальное положение, достаточно убедительно была реконструирована М.Л. Швецовым (Швецов, 1980, с. 200, 201).

2.20. Гривна

Обломок железной гривны вложенной в правую руку погребенному вызывает интерес материалом изготовления. А.В. Евглевский упоминает об известных ему распрямленных гривнах в 56 кочевнических комплексах. Исследователь от-

ния. А используемый авторами принцип датировок монгольским временем за счет ориентировки покойника, конструкции гробовища и типа могильной ямы является сомнительным при определении хронологических рамок бытования сабель. – М.К.

[11]Комплекс из Морской кошары полностью еще пока не опубликован. Датировку золотоордынским временем ему определяет резкая конусовидная форма нижней части амфоры и, главное, морфологическая особенность упора рукояти ножа с острой луковидной костяной прокладкой. – М.К.

метил, что основная масса находок такого плана изготовлена из серебра, одна из золота и восемь железных (Евглевский, 1998, с. 142, 143). Из них пять были обвиты серебряной лентой, а одна обтянута золотой фольгой. Характеризуя выборку погребений с железными гривнами, куда также вошел рассматриваемый нами комплекс, А.В. Евглевский отметил, что эти комплексы характеризуются бедным и средним набором инвентаря и отсутствием социально-значимых черт обрядности (Евглевский, 1998, с. 144). Другие исследователи, рассматривая гривны в погребениях, в том числе из комплекса Смелое 1/2, также раньше отмечали, что гривнам в погребении не всегда сопутствует обильный инвентарь. По мнению В.Н. Шалобудова и В.Н. Яремаки, это допускает предположение о принадлежности погребений той части кочевнической аристократии, для которой понятие высокого социального положения не адекватно личному богатству (Шалобудов, Яремака, 1987, с. 135). В этой работе я не буду касаться разбора семиотического значения распрямленных гривен в погребении, поскольку этому вопросу уже посвящено несколько статей, и он требует отдельной выкладки материала. Мое понимание присутствия таких вещей в погребении опирается на наблюдения В.Н. Шалобудова и В.Н. Яремаки, исходя из которых, можно сделать вывод, что присутствие распрямленной гривны указывает на аристократический социальный статус человека в обществе. Поскольку А.В. Евглевский справедливо отметил, что распрямленные гривны присутствуют в пределах степных территорий имевших тесные контакты с Русью (Евглевский, 1998, с. 142), следует обратить внимание на значение этой части металлического убора для древнерусской аристократии. Как уже упоминалось, Е.А. Брайчевская отмечает, что металлический убор, украшения с металлическим поясным набором, были неотделимой частью мужского княжеско-феодального костюма X-XIII вв. В состав наиболее характерных вещей очерченного периода входили фибулы, гривны и цепи-«чепи». Шейные украшения были символом знатности и богатства, эти изделия носили по несколько штук сразу (Брайчевская, 1985, 119-124). Сравнивая выводы Е.А. Брайчевской, базированные на тщательном анализе древнерусских письменных источников, и наблюдения В.Н. Шалобудова, В.Н. Яремаки а также А.В. Евглевского, нужно отметить, что в древнерусском обществе связь наличия гривен с высоким социальным статусом очевидна, и вероятно, вследствие тесных контактов и влияния Руси на систему отношений в степном обществе, такая связь продолжала поддерживаться и еще больше укрепилась и у кочевников. Также статус в кочевнических погребениях подчеркивают не только распрямленные гривны в виде жезлов, но и гривны, встречаемые в погребениях как шейные украшения (особенно для кочевнических погребений вассалов Киевской Руси).

Находка гривны из Смелого 1/2 имеет весьма важное значение для понимания традиций, а также семантической нагрузки этих предметов в раннем половецком обществе. Т.М. Потемкина касаясь вопроса об источнике поступления шейных гривен к половцам, справедливо отметила, что половцы, появившись в южнорусских степях, уже пользовались этим предметом. Также исследовательница при рассмотрении социокультурного аспекта наличия гривен соглашается с высказанным мнением о связи гривен с высоким социальным статусом их владельцев (Потемкина, 2010, с. 100, 101). Добавлю, что на древнерусских территориях, расположенных в зоне активных контактов с половцами, шейные гривны из железа не делались. Соответственно нет никаких оснований связывать ранние находки железных, и других гривен у кочевников с влиянием традиций аристократического металлического убора на Руси. Абсолютно очевидно, что первоначально железные (как и другие по материалу) гривны появились в южнорусской степи вместе с их носителями, вне контекста культурных влияний русичей. Традиция изготовления гривен из железа на землях

новой родины у половцев, по неясной пока что причине, не получила широкого развития, о чем собственно свидетельствуют очень редкие - единичные находки таких предметов в погребениях. Наличие железных гривен известно вне пределов южнорусской степи. Для примера два изделия из круглого железного дрота, интерпретируемые, как железные гривны, найдены в детских кочевнических погребениях XI-XII вв. уже упоминавшейся басандайской культуры (Савинов, Новиков, Росляков, 2008, с. 130). Вероятно, что все известные нам находки железных гривен в Южнорусской степи связаны с населением участником генезиса сросткинской и басандайской культур. Хронология и семантика гривен в погребениях кочевников развитого средневековья еще остается на стадии дискуссионного определения и научного осмысления. Данная тема еще не исчерпана, в первую очередь касательно хронологических интерпретаций. Поскольку вопрос о кочевнических гривнах это тема отдельной работы, мы не будем здесь подробно останавливаться на рассмотрении этого вопроса.

2.21. Повозки

Как уже отмечалось во вступительной части, в трех погребениях возле с. Пришиб, были выявлены детали колесного транспорта – повозок (*Рис. 24/1; 28/1; 39/1*). Примечательно, что все они найдены в пределах одной насыпи кургана №2. Долгое время представление о колесном транспорте степняков южнорусской степи базировалось на примере миниатюр Радзивиловской летописи. Известные находки деталей колесного транспорта средины XIV в., из дореволюционных раскопок, служили лишь подтверждением о наличии такового (Плетнева, 1958, с. 202, 203). На то, что фиксируемые в погребениях решетчатые гробовища являются остатками кузовов повозок, в 1976 году обратил внимание Я.И. Болдин. Исследователь также отметил существование сведений средневековых авторов, об ордынских погребениях в кузовах повозок (Болдин, 1976, с. 26-28). Чуть позже В.Н. Шалобудов и В.Н. Яремака при публикации кочевнических материалов исследованных на р. Волчьей навели реконструкцию выявленных в погребениях колес и частей кузова повозок (Шалобудов, Яремака, 1985, с. 144-145). Более обстоятельно реконструкция колесного транспорта кочевников была рассмотрена В.Н. Шалобудовым и П.П. Лесничим в 2003 году (Шалобудов, Лесничий, 2003, с. 193-206). Наряду с колесным транспортом в погребениях также фиксируется санный (Гершкович, 2011, с. 41, 44, 45. Рис. 1; 7/*1, 2*). Нужно еще отметить ранее высказанное мнение о том, что решетчатые гробовища в погребениях, при отсутствии следов или приспособлений крепления оглоблей, возможно, являются ритуальной имитацией кузова повозки (Колосов, 1990, с. 21, 22). В то же время самостоятельное существование «решетчатых гробов», другими исследователями ставится под сомнение в виду их «функциональной неудобности» (?! – М.К.) (Шалобудов, Лесничий, 2003, с. 194).[12]

Детали повозок с рассматриваемых комплексов, сохранились не очень хорошо. Зафиксированные размеры кузова из комплекса Пришиб 2/2 составляют 2,2 м в длину и 1 м в ширину, диаметр колес примерно составляет 1,2 м, длина спиц 45-50 см, ступиц 41 и 55 см. Низ кузова состоял из девяти поперечных плашек. Размеры рамы кузова повозки из комплекса Пришиб 2/12 составляли примерно 1,75 м в длину и 0,7 м в ширину, диаметр колес около 1,2 м. Низ кузова также состоял из девяти поперечных плашек. Несколько лучше сохранился кузов повозки из погребения Пришиб 2/33. Размер кузова 2 м в длину и 0,6 м в ширину,

[12] Здесь сложно понять, что подразумевали авторы статьи? Первое: нигде не зафиксированы претензии умерших кочевников касательно неудобств при похоронах в решетчатых гробовищах. Второе: если бы решетчатые гробовища были функционально неудобны, то они бы повсеместно не использовалися в погребальной практике кочевников. – М.К.

высота 0,25 м. Верхние продольные лаги скреплены с нижними с помощью десяти, вертикально вставленных в пазы, плашек. Низ кузова состоял из десяти поперечных плашек. Диаметр колес колеблется в пределах 1,2-1,25 м. Во всех трех погребениях, примерное количество спиц в колесах равнялось 16-20 единиц. Дополнительных деталей соединения с оглоблями и крепления оси зафиксировано не было – возможно ввиду их полного разложения. Кузов повозки из Пришиб 2/33 за типом крепления боковых плашек отвечает раме кузова повозки из Большемихайловки-II, 1/2, а за типом крепления нижнего ряда плашек, сострУганных при окончаниях на конус, - находке из Чапаевки 1/3. Крепление и форма окончаний нижних плашек кузовов из погребений 2/2 и 2/12, аналогичны системе крепления из Большемихайловки (Шалобудов, Лесничий, 2003, с. 195, 196. Рис. 1, 2).

Обычай захоронения в кузове и перекрытия могильной ямы колесами и другими деталями повозки возник в кочевнической степи давно. Показательным в этом плане является сарматское погребение около с. Политотдельское, перекрытое колесами повозки диаметром 1,2 м почти идентичных Пришибским находкам (Смирнов, с. 268-271. Рис. 24/1). Повозок в погребениях конца IX – первой половины XI вв. археологически пока что не зафиксировано, но о том, что они существовали и использовались в это и более раннее время говорит не только сама логика кочевого уклада жизни, но и летописная статья за 898 год: ***«… Идоша угре мимо Кыевъ,.. и пришедшее к Днепру, сташа вежами; … бо ходящее, яко и половци. »*** (ПСРЛ. Т. 38, 1989, с. 18). О распространении такого плана повозок (отвечающих рисункам Радзивиловской летописи и фиксируемых в погребениях – М.К.) в широких степных и лесостепных территориях в дозолотоордынское время, ярко свидетельствуют петроглифы. Один найден на каменной плитке кембрийского песчаника с заполнения котлована жилища-юрты на поселении Усть-Талькин, другие в наскальных изображениях на р. Куда, памятник Манхай-II и Байтог а также в пределах верхней части р. Лены на Шишкинской писанице (западные районы от озера Байкал – М.К.) (Николаев, 2008, с. 142, 144. Рис. 3/*4*; 4).

Сделать определенные выводы, касательно хронологии либо в отношении типов рассмотренных повозок сейчас пока нельзя. Работа по типологии и датировке повозок возможна в будущем, после соответствующей обработки накопленного материала. Можно пока лишь полностью согласиться с В.Н. Шалобудовым и П.П. Лесничим, что такие легкие двухколесные повозки с решетчатым типом кузова были наиболее удобны и многофункциональны в кочевой степи.

2.22. Реконструкция хронологических рамок погребений

За обобщающей совокупностью вещевых находок предварительная общая хронология погребений укладывается в рамки второй половины XI–XIII вв. Важным остается вопрос датирования начала и окончания функционирования могильников, а также внутреннее распределение погребений по времени их совершения. Ниже, на основании полученных результатов наведенных аналоговых сопоставлений, данная проблема будет рассмотрена.

Присутствие вещей характерных для древностей X-XI вв. не многочисленно. К ним относятся находки долговременного использо-вания в комплексах Пришиб 2/2 (железная колчанная петля, стремя); 2/7 (стремя), 2/24 (стремя) и 2/33 (удила). Вместе с тем в указанных погребениях (кроме Пришиб 2/7 – М.К.) также присутствуют вещи больше характерные для времени XII-XIII вв., это костяной и железный двушипный наконечники стрел (Пришиб 2/2) и пряжка (Пришиб 2/24). Указанные обстоятельства не позволяют уверенно относить эти погребения исключительно ко времени XI в., очевидно, что вещи этого периода маркируют финальный этап своего существования и попали в могилы намного позже

своего основного времени распространения. Среди погребений также присутствуют комплексы которые в основе имеют вещи с хронологией в пределах XI-XII вв., это Пришиб 1/8; 2/5; 2/13 и 2/33. Поскольку достаточных оснований для твердой датировки XI в. у нас нет, наиболее приемлемой датой начального этапа функционирования могильников можно рассматривать рубеж XI-XII - первая треть XII в.

Внутренняя хронология распределения погребений по времени их совершения представляется следующим образом:

К наиболее ранним погребениям, на мой взгляд, относятся комплексы Пришиб 2/2; 2/7, 2/24 и 2/33. Появление этих погребений можно отнести к рамкам рубежа XI-XII – первой трети XII вв.

Погребения из группы Пришиб 1/8; 2/5; 2/13; 2/21; 2/34; 3/2 укладываются в рамки второй – начала четвертой четверти XII в.

Комплексы Пришиб 1/6; 2/12, Сокольники 3/1, Смелое 1/2, 3/6, 4/2 и 5/4 можно отнести ко второй половине XII – началу XIII вв.

Погребения Пришиб 1/7 и Знаменка 2/6 охватывают рамки последней трети XII – первой половины XIII вв.

Наиболее поздними являются два комплекса, Пришиб 2/28 и 2/31. Эти погребения укладываются в период монгольских завоеваний и складывания Золотой Орды. Время их создания определяется второй – четвертой четвертью XIII в.

Точная датировка четырех комплексов, Пришиб 2/4, 2/6, 2/8 и 2/36, увы, затруднительна. Вне контекста (могильника либо региональной серии однотипных комплексов) такие погребения укладываются в рамки от IX по XIV вв. Наличие этих погребений среди общей группы позволяет их связывать с ней и выделенными для нее общими хронологическими рамками. Для двух могил Пришиб 2/8 и 2/36, мы можем предполагать золотоордынское время с датировкой средина – вторая половина XIII в.

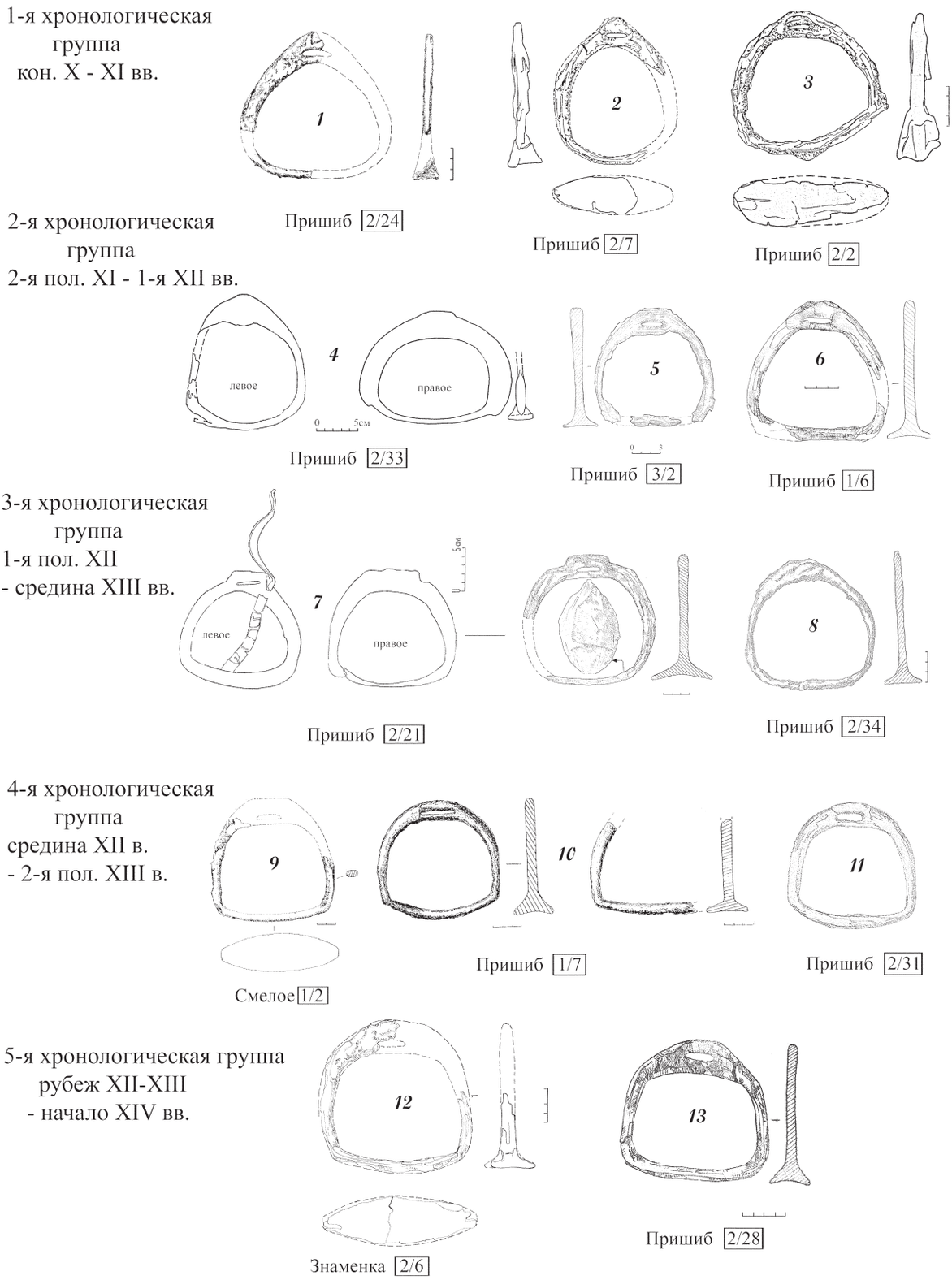
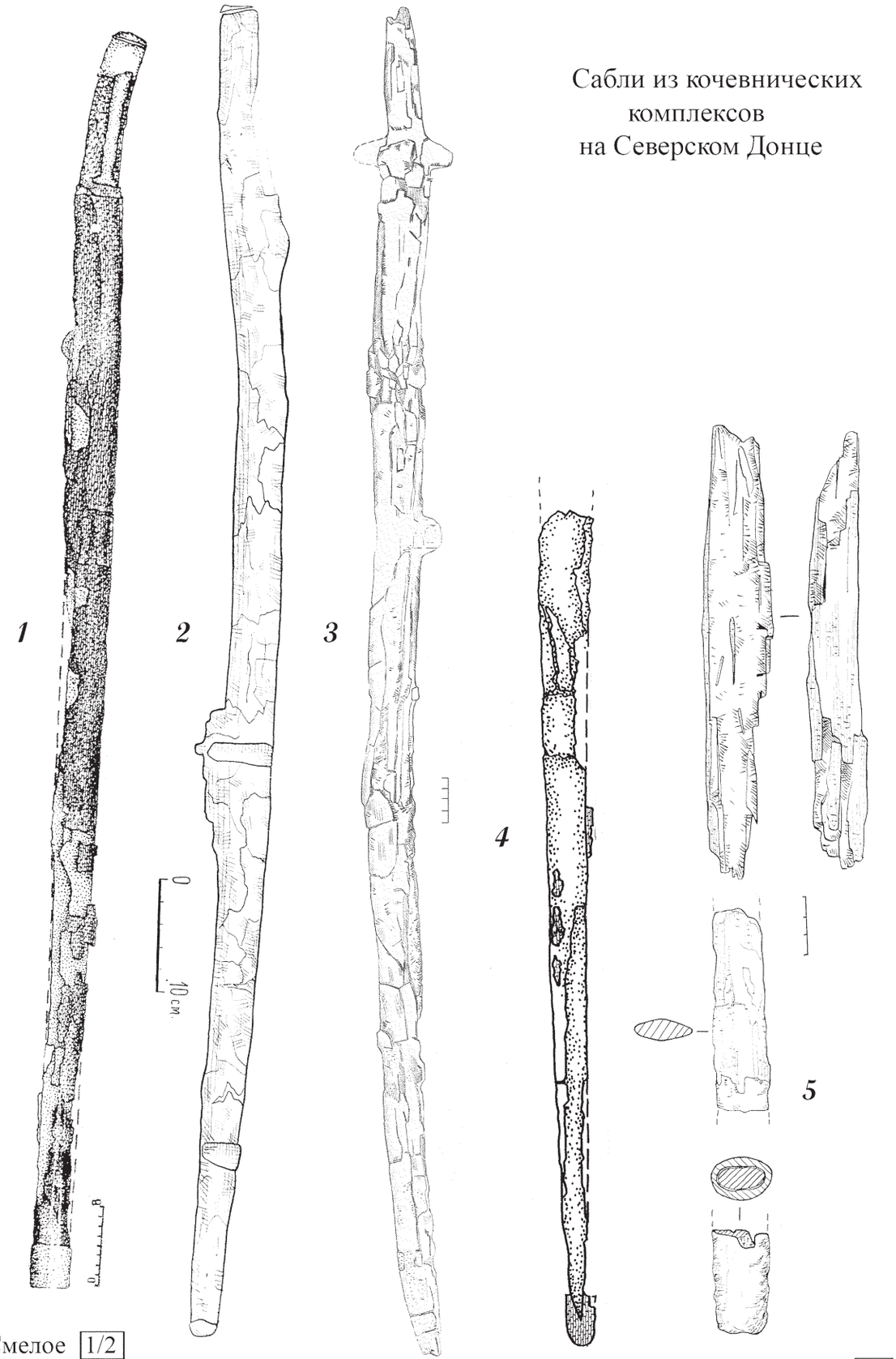

1-я хронологическая группа кон. X - XI вв.
1
Пришиб 2/24
2
Пришиб 2/7
3
Пришиб 2/2
2-я хронологическая группа 2-я пол. XI - 1-я XII вв.
4
левое
правое
0 5см
Пришиб 2/33
5
0 3
Пришиб 3/2
6
Пришиб 1/6
3-я хронологическая группа 1-я пол. XII - средина XIII вв.
7
левое
правое
0 5см
Пришиб 2/21
8
Пришиб 2/34
4-я хронологическая группа средина XII в. - 2-я пол. XIII в.
9
Смелое 1/2
10
Пришиб 1/7
11
Пришиб 2/31
5-я хронологическая группа рубеж XII-XIII - начало XIV вв.
12
Знаменка 2/6
13
Пришиб 2/28

Рис. 47.



Смелое 1/2

Смелое 4/2

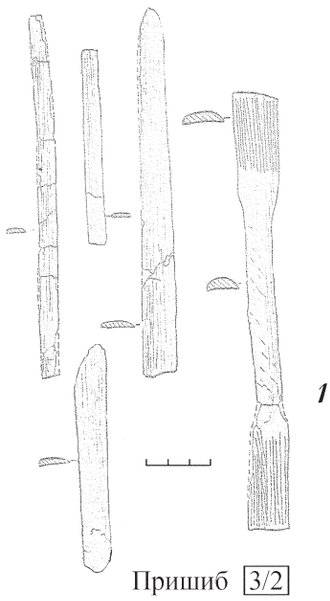
Пришиб 2/2

Смелое 3/6

Сокольники 3/1

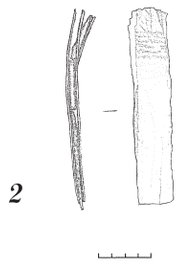
Рис. 48.

Накладки на лук и колчан
колчанные петли



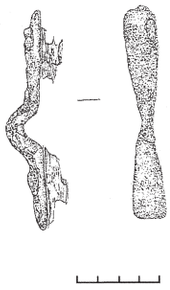
1

Пришиб 3/2



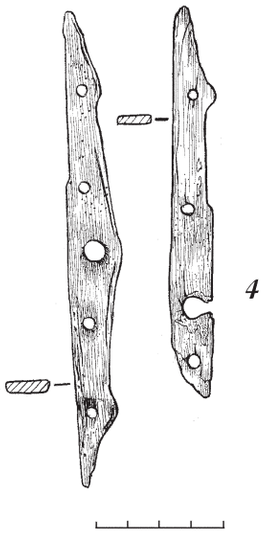
2

Пришиб 2/2



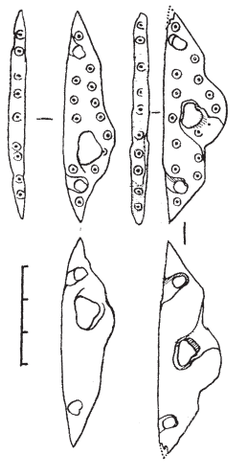
3

Пришиб 2/2



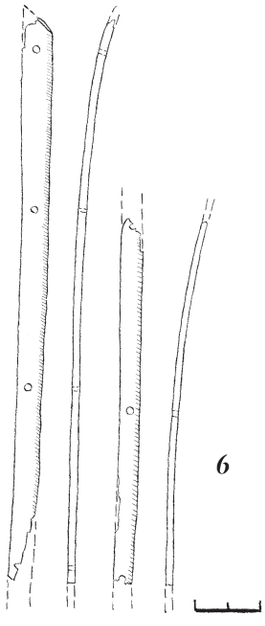
4

Пришиб 2/21



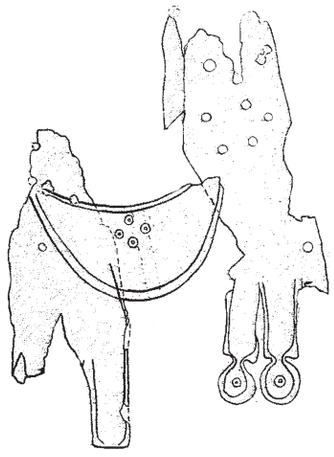
5

Смелое 3/6



6

Смелое 3/6



7

Смелое 5/4

Рис. 49.

Наконечники стрел

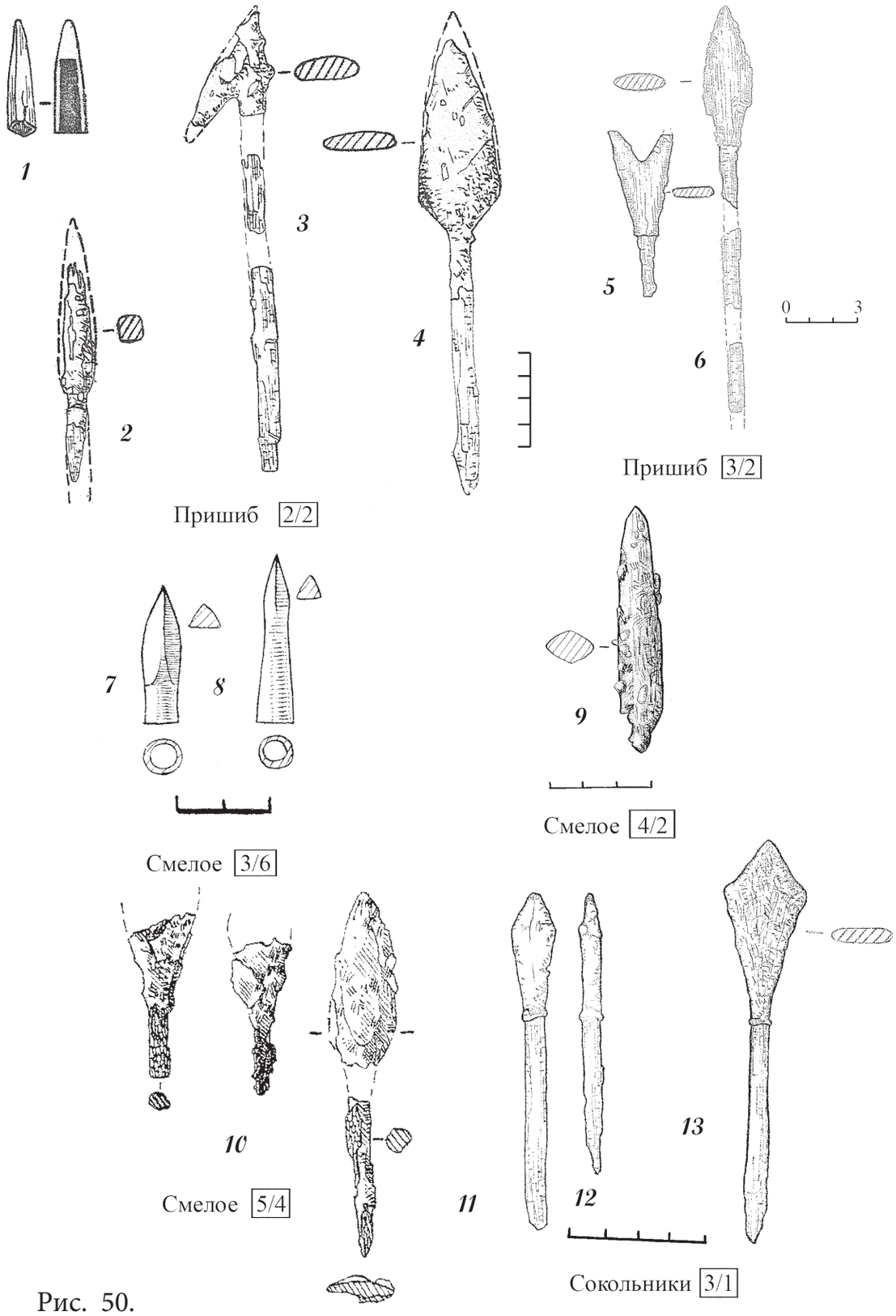


Рис. 50.

Детали головных уборов

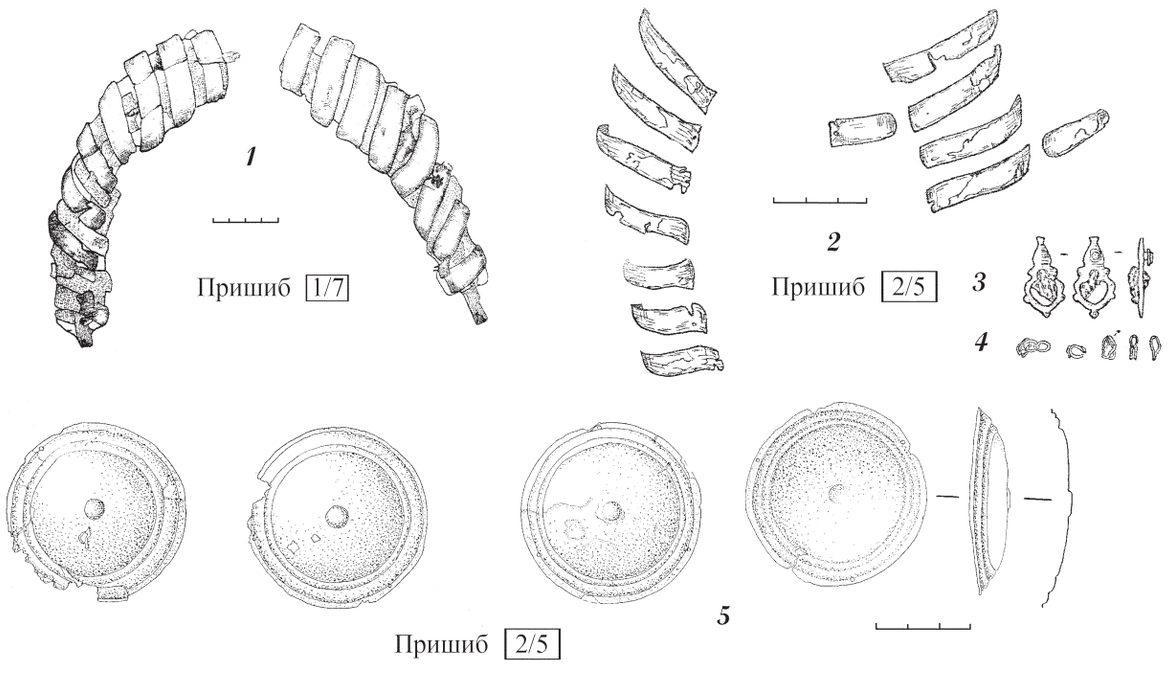


Рис. 51.

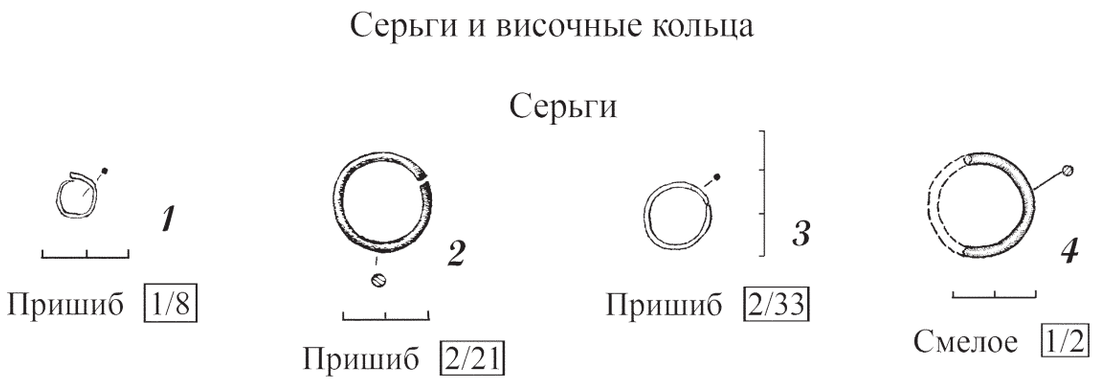
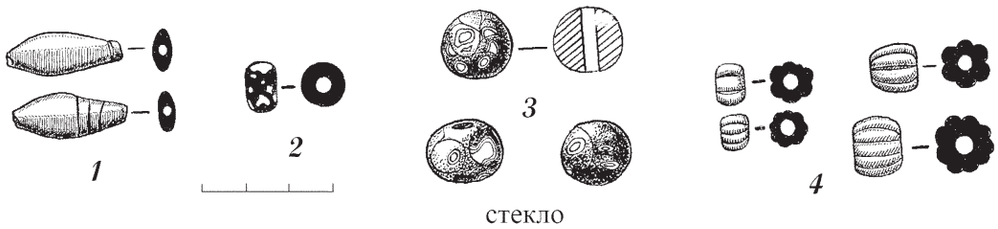
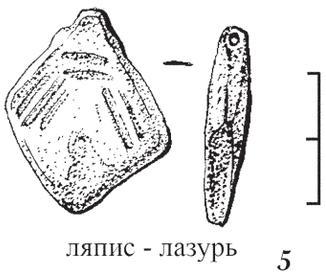

Серьги и височные кольца
Серьги
1
Пришиб 1/8
2
Пришиб 2/21
3
Пришиб 2/33
4
Смелое 1/2
Височные кольца
5
Пришиб 1/6
6
Пришиб 1/7
7
Пришиб 1/8
8
Пришиб 2/5
9
Пришиб 2/13
10
Пришиб 2/28
11
Пришиб 2/31
12
Пришиб 2/34

Рис. 52.

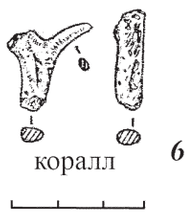
Бусы и подвески из погребений



Пришиб 1/7

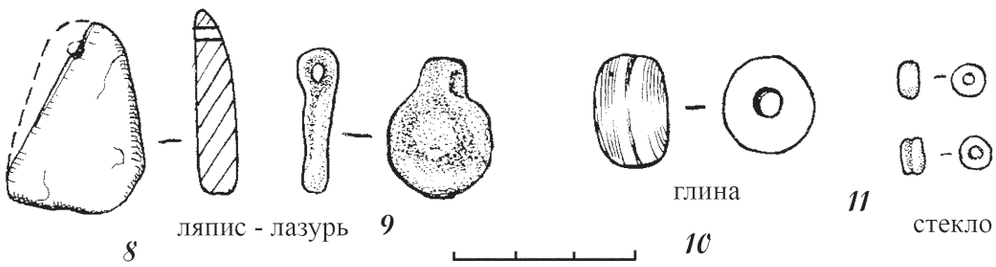


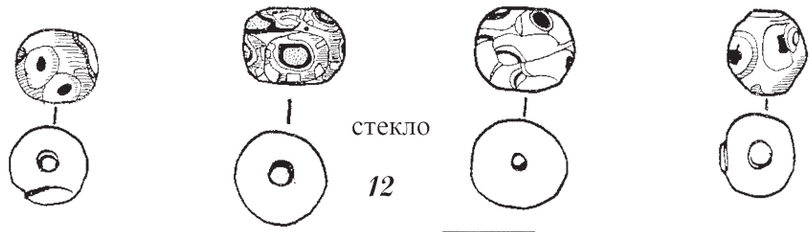
Пришиб 1/8



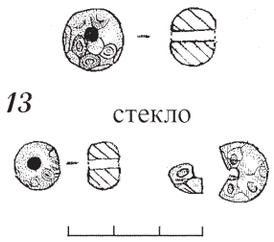
Пришиб 2/5

Пришиб 2/33

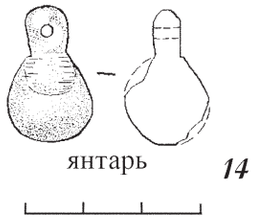




Пришиб 2/13



Пришиб 2/34



Пришиб 3/2

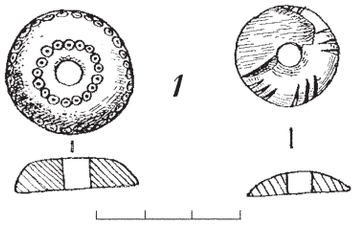
Сокольники 3/1

Рис. 53.

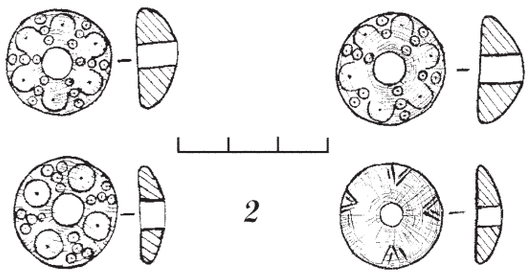
Пряжки ножен сабли
1
2
Смелое 1/2
3
Смелое 4/2
Пряжки налучной и колчанной портупеи
4
0
10
Смелое 5/4
5
Смелое 3/6
6
Пришиб 2/2
Подпружные и стременные пряжки
7
Пришиб 1/7
8
Пришиб 2/13
9
0
5 см
Пришиб 2/21
10
Пришиб 2/24
11
12
Смелое 1/2
13
Сокольники 3/1
14
15
Знаменка 2/6
Пряжка головного убора
16
Пришиб 2/5

Рис. 54.

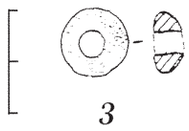
Костяные фиксаторы (пряжки - застежки)



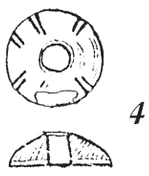
Пришиб 1/7



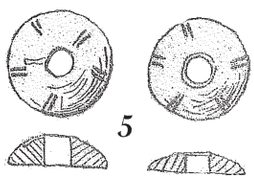
Пришиб 2/21



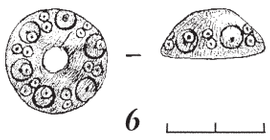
Пришиб 2/12



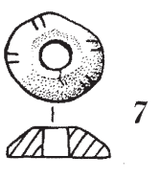
Пришиб 2/33



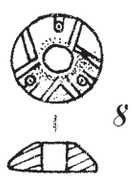
Пришиб 2/31



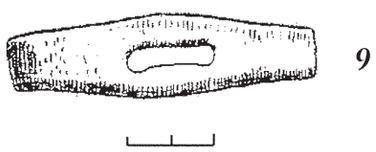
Пришиб 3/2



Смелое 1/2



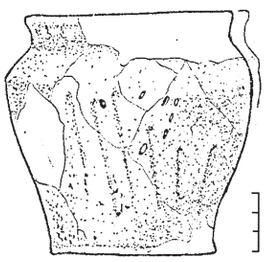
Смелое 3/6



Смелое 5/4

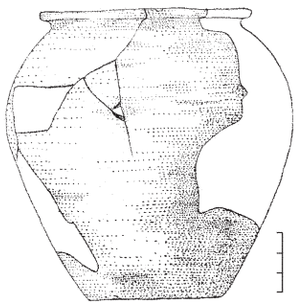
Рис. 55.

Глиняная и деревянная посуда из кочевнических погребений



3

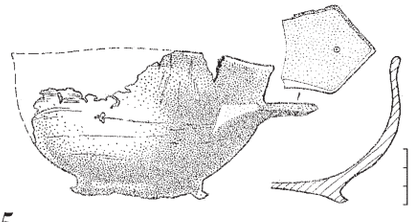
Пришиб 2/4



4

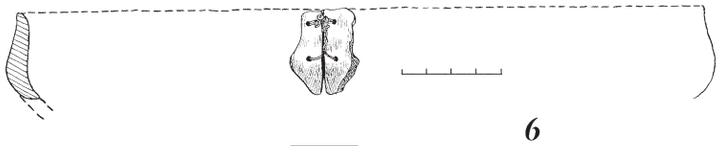
Пришиб 1/8

кумысници



5

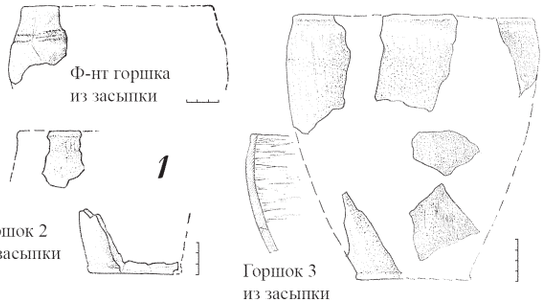
Смелое 1/2



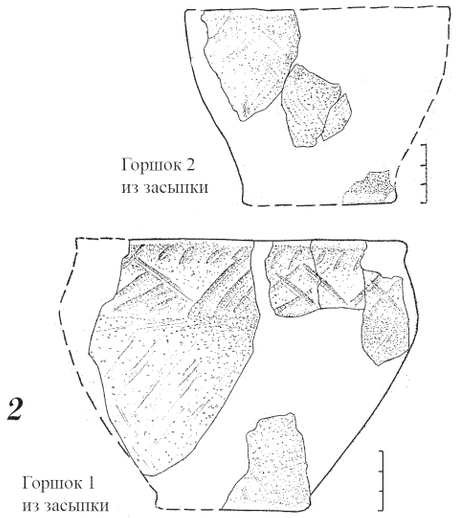
6

Пришиб 2/21

Фрагменты посуды эпохи поздней и средней бронзы
из засыпки могильных ям

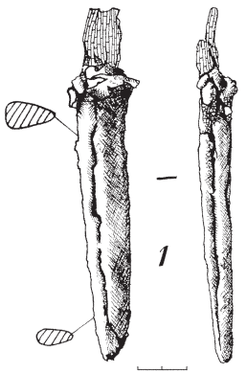


Пришиб 2/24



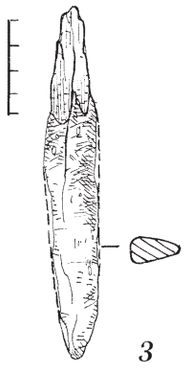
Пришиб 2/13

Рис. 56.

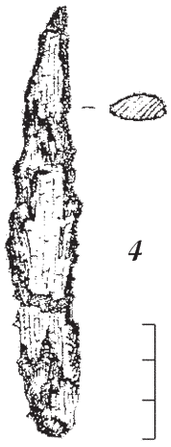


Смелое 3/6

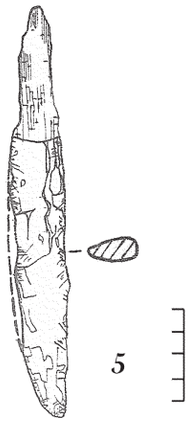
Смелое 5/4



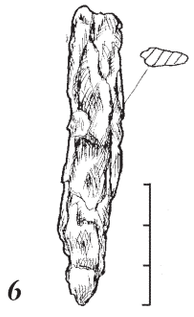
Знаменка 2/6



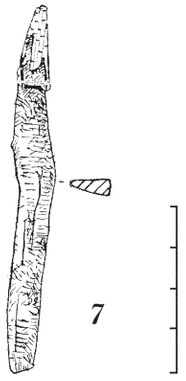
Пришиб 1/8



Пришиб 2/2

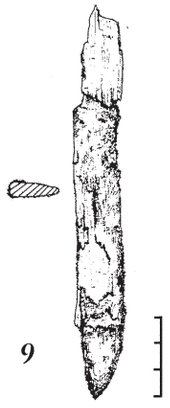


Пришиб 2/5

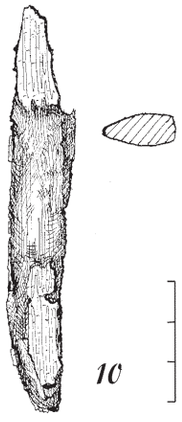


Пришиб 2/13

Пришиб 2/21



Пришиб 2/24



Пришиб 2/33

Рис. 57.

Квитницкий М.В.

Кочевнические комплексы в контексте деталей погребальной практики, этноатрибуции и места в кочевой степи.

Рассмотренная хронология исследованных Донецкой экспедицией комплексов позволяет сделать некоторые наблюдения и выводы, как касательно самого массива захоронений, так и исторического развития микро-территории, на которой они расположены. Отсутствие более «поздних» впусков и перекрытий кочевнических могил в пределах концентрации погребений у сел Пришиб и Смелое свидетельствует, что места погребений на поверхности были достаточно четко обозначены метками, которые не сохранились до наших дней. Хронология вещевого материала отображает постепенное совершение захоронений, на протяжении довольно длительного времени, что, безусловно, указывает на стабильное месторасположение кочевья определенной группы степняков. Отчетливо выделяются два отдельных массива погребений у сел Смелое и Пришиб, одиночные погребения у сел Знаменка и Сокольники также относятся к выделяемой кочевой группе. Хронология вещей, географическое местоположение и особенности погребальной практики позволяют видеть в населении, оставившем эти погребения, - половцев.

Вещевые наборы погребений достаточно выразительны, часть из них (комплексы с саблями, седлами и сложными головными уборами) маркирует уровень выше среднего, вместе с тем назвать их богатыми сложно, отсутствуют выразительные маркеры богатства - изделия из драгоценных металлов. Однако не исключена вероятность наличия таких вещей, которые вследствие позднейшего ограбления части могил могли быть изъяты. Присутствие двух погребений с вещами маркерами высокого социального статуса – бронзовый казан и железная гривна, указывают на погребения аристократии либо глав крупных семей. Рассматриваемые комплексы позволяют уверено прийти к выводу, что перед нами захоронения, оставленные одной крупной семьей, либо возможно нескольким небольшим семьям, связанными родственными узами.

3.1. Половозрастные определения и сезонность погребений

Перед началом рассмотрения типов погребений кратко остановимся на половозрастных определениях погребенных и спеные антропологические определения (Таб. 1):

Таблица 1. Половозрастные определения.
(по Е.А. Шепель)

№	Населенный пункт	комплекс	Материал	Определение
1.	Смелое	1/2	Череп с повреждениями, кости посткраниального скелета	Мужчина, возможно.
2.	Смелое	3/6	Кости конечностей	Мужчина, зрелый – старый.
3.	Смелое	4/2	Череп с повреждениями, кости конечностей	Мужчина, зрелый.
4.	Смелое	5/4	Череп с повреждениями, кости конечностей	Мужчина, зрелый.

цифике сезонности погребений.

Изучение костных останков из раскопанных погребений, проведенное Е.А. Шепель, позволило сделать следующие половозраст-

5.	Пришиб	1/6	Полный череп, кости конечностей.	Женщина, возможно.
6.	Пришиб	1/7	Полный череп, кости посткраниального скелета	Женщина, возможно.
7.	Пришиб	1/8	Череп с повреждениями, кости посткраниального скелета	Женщина, возможно.
8.	Пришиб	2/2	Полный череп, кости посткраниального скелета	Мужчина, зрелый.
9.	Пришиб	2/4	Полный череп, кости посткраниального скелета	Женщина, зрелая.
10.	Пришиб	2/5	Полный череп, кости посткраниального скелета	Женщина, возможно.
11.	Пришиб	2/6	Полный череп, кости посткраниального скелета	Мужчина, зрелый.
12.	Пришиб	2/7	Полный череп, кости посткраниального скелета	Мужчина, зрелый?
13.	Пришиб	2/8	Свод черепа с повреждениями, нижняя челюсть, кости посткраниального скелета	Женщина, возможно. Зрелая.
14.	Пришиб	2/12	Полный череп, кости посткраниального скелета	Женщина, возможно.
15.	Пришиб	2/13	Полный череп, кости посткраниального скелета	Женщина, возможно. Зрелая.
16.	Пришиб	2/21	Полный череп, кости посткраниального скелета	Мужчина, зрелый.
17.	Пришиб	2/24	Череп с повреждениями, кости посткраниального скелета	Мужчина, зрелый.
18.	Пришиб	2/28	Свод черепа, нижняя челюсть, кости конечностей.	Женщина, возможно.
19.	Пришиб	2/31	Полный череп, кости конечностей.	Мужчина, зрелый.
20.	Пришиб	2/33	Череп с повреждениями, кости конечностей.	Женщина, возможно.
21.	Пришиб	2/36	Фрагмент черепа, кости конечностей.	Детское 1-П
22.	Пришиб	3/2	Полный череп, кости посткраниального скелета	Мужчина, зрелый.

Проведенные определения, в основном согласуются с погребальным инвентарем, набор которого, по степени возможности соотношения с половой принадлежностью умерших, не противоречит заключению Е.А. Шепель. Исключением является комплекс Пришиб 2/28, грабленость могилы не позволяет в должной мере оценить погребальный инвентарь, а зафиксированный в могиле след от сабли? все же указывает на мужскую половую принадлежность. Также противоречиво заключение о мужской принадлежности погребения Пришиб 2/6, инвентарь последнего указывает на женскую половую принадлежность.

Вне контекста биоархеологических определений остались костные останки из комплексов Пришиб 2/34, Знаменка 2/6 и Сокольники 3/1. Мы конечно же не можем дать антропологическое заключение, поэтому рассмотрим сопутствующий инвентарь. В комплексе Пришиб 2/34 присутствуют детали женского головного убора и три бусины, что однозначно указывает на женское за-

хоронение. В Сокольниках 3/1 найдены обломки сабли, наконечники стрел, фрагменты колчана, что свидетельствует об мужском захоронении. Комплекс Знаменка 2/6, по нашему мнению может принадлежать женщине, поскольку здесь нет деталей вооружения, а вещевой набор соответствует таким же наборам из женских погребений второго Пришибского кургана. Однако отметим, что Е.А. Шепель погребение с Знаменки отнесла к мужским. Антропологическая характеристика Пришибской группы погребенных, позволила исследовательнице сделать вывод о стадии биологического смешения монголоидных и европеоидных признаков. Мужская серия черепов характерна широким лбом, высоким, очень широким, ортогнатным, уплощенным лицом. Нос узкий, слабо выступающий, с высоким переносьем. Строение тела мезогамбное. Вариации величин выступания носа и профилировки лица находятся в пределах байкальского типа, а малая высота свода черепа – признак грацильного восточносредиземноморского типа. К особенностям европеоидного типа относится широкий лоб. Рост выше среднего. Женской группе присуща большая длинноногость. Рост выше среднего. Автор отмечает, что исследованная группа не находит себе близких аналогий. Некоторое сходство обнаружено с отдельными группами, принадлежащими к южносибирской расе, эпохи средневековья в Средней Азии. Ряд признаков находит аналогии в серии хунну (Шепель, 1992, с. 66).

Таким образом, данные погребения демонстрируют достаточно глубокое развитие смешения разных антропологических типов. В действительности нет уверенности, что эта и подобные ей антропологические серии будут находить близкие аналогии. На пример, антропологическая характеристика краниологических серий из трех могильников кочевников Западной Сибири из Верхнего Приобья - Осинки, Ташара-карьер-2 и Санаторный – 1 показывают высокую степень смешения монголоидных и европеоидных черт (Поздняков, 2008, с. 340-402). Последнее указывает, что появившиеся в южнорусской степи кочевники уже не имели «чистый» антропологический тип. В нашей группе, вероятно также еще добавочно наблюдается процесс формирования нового антропологического типа, вызванного посредством бесконечных контактов древнерусского и половецкого населения во второй половине XI – середине XIII вв. Однако для выяснения всех нюансов необходимо повторное обследование черепов и сравнительная характеристика краниологических показателей.

Могильник у с. Смелое содержит четыре мужских погребения, могильник у с. Пришиб 8 женских и 8 мужских, а также одно детское – подростковое. Одиночные погребения у сел Сокольники и Знаменка содержат одно мужское и одно мужское – женское? погребения. Обращает на себя внимание отсутствие детских погребений новорожденных – 10-12 летнего возраста. Сомнительно, чтобы данную группу не затронула высокая детская смертность, характерная для всех государств эпохи средневековья и нового времени. Вероятно, что погребения детей регламентировались отдельным блоком правил, которые не предусматривали капитальных могильных конструкций в пределах «взрослого» могильника. Впоследствии сельскохозяйственное освоение степных территорий попросту уничтожило такие погребения при распашке. Обращает на себя внимание количественный перевес мужских погребений над женскими, особенно в группе возле с. Смелого.

Антропологические определения вместе с реконструированной хронологией комплексов подталкивают нас к реконструкции количества членов одной семьи. Однако мы воздержимся от этого шага. Отсутствие точных возрастных определений и детских погребений суммарно исказят объективность расчетов. Часть наиболее бедных и безинвентарных погребений в группе Пришиб может отображать пленных слуг и рабов, а отсутствие антропологических характеристик по каждому конкретному погребению, не дает возможности прояснить такие моменты. Также, не исключено, что данная группа может отображать только часть от

всей возможной выборки данного половецкого рода.

Касаясь вопроса общей тенденции ориентирования кочевнических погребений, отметим, что для тюркских кочевых народов характерно ориентирование по солнцу. Исключение составляют редкие для южнорусской степи меридиональные (север - юг) погребения, хорошо известные для отдельных групп погребений ранних тюрок Минусинской котловины и, по мнению Г.А. Федорова-Давыдова, этнических монгольских комплексов, в том числе золотоордынского периода (Федоров-Давыдов, 1966, с. 159; Худяков, 2004, с. 49). Исследователи кочевнических древностей развитого средневековья отмечают, что проблема восприятия ориентировок давняя и дискуссионная, но, не смотря на восприятие ориентировок как этнокультурных индикаторов, отклонения в размахе от 1 до 90^0 следует воспринимать не более чем сезонные отклонения (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011, с. 224, 225).[13] Ю.С. Худяков, рассматривая раннетюркские погребения Минусинской котловины, считает, что различные варианты в ориентировании связаны не только с сезонными отклонениями, но и выбором наиболее правильного пути для души умершего, с учетом сложившихся географических реалий (Худяков, 2004, с. 49). А.Д. Козак для погребений Европейского средневековья отмечает недостаточность изучения вопроса сезонности погребений. И вместе с этим также отмечает, что почти во всех культурах погребения, за некоторыми исключениями, ориентировали по солнцу. Параметры отклонений позволяют прослеживать эпидемиологическую ситуацию в регионе (Козак, 2010, с. 22, 23) (и собственно в последующем высчитывать сезонность природных и возможно социальных катастроф – М.К.).

Несмотря на некоторую условность определения сезонности погребений, мы все-таки попробуем выяснить примерное возможное сезонное время совершения погребений. За основу расчетов нами взята приведенная в книге А.Д. Козак формула, которая была разработанная с учетом западной ориентировки умерших (Козак, 2010, с. 23. Таб. 2). Также эта формула приемлема и для погребений с восточной ориентировкой, при соответствующей замене местами вектора меридиональных отклонений.

Из обработаной нами выборки, 22 комплекса, больше половины захоронений (13 погребений) приходится на весенние либо осенние месяцы, шесть на зимнюю и три на летнюю поры года (*Таб. 2*). А.Д. Козак изучая предусловия заболеваний, приводящих к смертельному исходу в средневековье, отметила, что большинство «погребальных» болезней возникало во время, когда человеческий организм наиболее ослаблен недостатком витаминов и голодом (обычно это конец зимы, начало весны) (Козак, 2010, с. 23). С исследовательницей нельзя не согласиться, рассмотренная выборка с Северского Донца хоть и мала, но в целом, как мне кажется, отображает общую динамику сезонной смертности в средневековом кочевом обществе. Если внимательно проанализировать летописные сообщения о половецких походах на Русь (не участников междоусобиц приглашенных князями) и сообщения об ответных действиях русичей (особо периода походов начала XII в. с аргументацией Владимира Мономаха о выборе времени года для таких акций), то очевидно, что половцы приходили в Русь на время уборки урожая и формирования молодого поголовья домашнего скота, а Русь отправлялась походом зимой – ранней весной, когда степняки были наиболее ослаблены зимовками. Такую сезонную особенность в кочевнических походах на Русь и славянских в Степь ярко характеризировала С.А. Плетнева. Исследовательница отметила, что в походах выбиралось время наибольшей занятости и скованности населения; на Руси - время уборки урожая, в Степи - весеннее время отела скота (Плетнева,

[13] В тоже время отметим, что здесь у авторов, вероятно, закралась ошибка, поскольку максимальное отклонение в 90^0 меняет сторону света, а это сезонным отклонением никак не назовешь. Возможно, имеется в виду 45^0 от оси стороны света. В любом случае, очевидно, что исследователи также допускают вероятность значительных отклонений в комплексах с сезонными колебаниями. – М.К.

Таблица 2. Расчет сезонности погребений от западного направления. (по А.Д. Козак)

Месяцы	*Северное отклонение*	*Южное отклонение*
21 марта и 23 сентября Апрель и сентябрь Май и август Июнь-июль	0^0 до $7,8^0$ $7,8\text{-}15,6^0$ $15,7\text{-}23,5^0$	
23 сентября и 21 марта Октябрь и март Ноябрь и февраль Декабрь и январь		0^0 до $7,8^0$ $7,8\text{-}15,6^0$ $15,7\text{-}23,5^0$

Результаты расчетов:

Комплекс	*Время погребения*	*Комплекс*	*Время погребения*
Знаменка 2/6	октябрь и март	Пришиб 2/6	апрель и сентябрь
Смелое 1/2	ноябрь и февраль	Пришиб 2/8	апрель и сентябрь
Смелое 3/6	ноябрь и февраль	Пришиб 2/12	май и август
Смелое 4/2	ноябрь и февраль	Пришиб 2/13	апрель и сентябрь
Смелое 5/4	ноябрь и февраль	Пришиб 2/21	ноябрь и февраль
Пришиб 1/6	21 марта и 23 сентября	Пришиб 2/24	июнь и июль
Пришиб 1/7	21 марта и 23 сентября	Пришиб 2/28	апрель и сентябрь
Пришиб 1/8	ноябрь и февраль	Пришиб 2/31	апрель и сентябрь
Пришиб 2/2	апрель и сентябрь	Пришиб 2/33	апрель и сентябрь
Пришиб 2/4	октябрь и март	Пришиб 2/34	апрель и сентябрь
Пришиб 2/5	апрель и сентябрь	Пришиб 3/2	май и август

1990, с. 114). Мы же добавим, что миграции многих видов диких животных и птиц на зимовки, сокрытие снегом основного количества травы-сена, отсутствие накопительной системы для базовых продуктовых зимних запасов и служило фактором высокой смертности в период поздней осени – ранней весны среди рассматриваемой нами кочевой группы. Безусловно, были и другие факторы смертности, которые мы сейчас уже не можем проследить. Существует также еще одна возможная причина повышенной смертности в осенне-зимне-весенний период – это военные действия на территории Степи. Однако, на примере нашей конкретной группы, это возможно будет проверить только после повторного рассмотрения антропологической коллекции специалистами в области биоархеологии.

Динамика прослеженных сезонных отклонений также может отображать еще один аспект жизни половецких семей – систему хозяйствования. Как известно средневековое, как и современное, кочевое хозяйство предусматривало систему сезонных циклов выпаса и имело летние и зимние территории. Соответственно прослеженные осенне-зимне-весенние отклонения могут еще, и указывать на сезонную территорию. То есть на основании высчитанных сезонных отклонений можно предполагать, что территориально район исследованных погребений являлся зимовником для кочевавшего здесь половецкого рода. Из общей системы, здесь правда, выпадают три комплекса (Пришиб 2/12, 2/24 и 3/2), у которых сезонность отклонений указывает на поздние весенние - летние месяцы, что диссонирует с предположением о территории зимовника. Реконструируемая хронология

этих комплексов также различается, если погребения Пришиб 2/12 и 3/2 еще пересекаются в одном отрезке времени то вещевой набор Пришиб 2/24 не позволяет этого сделать. Присутствие погребений с «летней» ориентировкой в группе отобразившей осенне-зимне-весенний характер сезона, может иметь два объяснения. Первое: - вынужденные краткосрочные изменения сезонных направлений кочевок в семье, что могло быть вызвано разным рядом объективных и субъективных причин. Второе: - возможный устойчивый традиционализм места погребения, вне зависимости от времени выпасного сезона. Рассмотрим вероятность первого предположения. Летописные источники наводят пример отвода половецких веж с зимников на территории, вероятно летних кочевий. Такое событие фиксирует Ипатьевская летопись под 1191 годом, когда Новгород Северский князь Игорь Святославович вновь в конце зимы ходил в Степь: ***«... Въ лето 1191. Сдумавъ Игорь с братьею ити на половци и шедшее ополонишася скотомъ и конми... И опять на зиму ходиша Олговичи же на половци... И ехаша до Оскола. Половцем же бысть весть на ня, и пустиша вежа назадъ, а сами совокупившееся ждуть ихъ...»*** (Літописні… 1988, с. 89). Еще одна запись Ипатьевской летописи раскрывает задуманную Святославом Всеволодовичем, но провалившуюся из-за поражения Игоря, тактику летнего похода 1187 года Руси в Степь: ***«...По сем же посла Святославъ ко Давыдови Смоленъску, река: «Рекли бяхомъ поити на половци и летовати на Доне, ныне же половци се победили Игоря... а поеди, брате, постерези земле Рускоие»...»*** (Літописні… 1988, с. 85). Таким образом, не исключено, что перипетии сложной истории отношений Руси и Степи вынуждали исследуемую нами группу половцев время от времени срочно перемещать свои вежи как на летники, так и на зимники. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что высказанные нами наблюдения, на столь небольшой выборке материала, пока что больше имеют характер предположений, и в будущем, с увеличением количества выборки, могут найти другое объяснение.

Погребенные в исследованных могилах имеют устойчивую западную ориентировку, из них компактной группой выделяются три комплекса у с. Смелое, где покойники ориентированы на восток. Эти погребения выделяются от остального массива не только восточной ориентировкой. Все они совершены в подбойных могилах, в дубовых колодах. Среди инвентаря присутствуют сабли, у двоих добавочно были положены луки с колчанами, а один в руке держал распрямленную железную гривну. Перед нами погребения воинов, из которых один являлся главой семьи. Общее время создания комплексов укладывается в рамки второй четверти XII – начала XIII вв. Кратко описывая костные останки, Е.А. Шепель отметила наличие повреждений на черепах. Наше сопоставление сезонности погребений, для всех троих указывает на период ноябрь и февраль. Прослеживается некая обособленность этих погребений от остальной группы, а также общность деталей устройства погребений. Учитывая еще одно, разрушенное, погребение у Смелого с западной ориентировкой, совершенное в один временной промежуток и сезон с остальными, мы можем предположить отображение социальной катастрофы в этой группе. По мнению С.А. Плетневой и Г.А. Федорова-Давыдова восточная ориентировка указывает на половецкий этнический маркер (Федоров-Давыдов, 1966, с. 147). А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина восточную ориентировку считают хронологическим показателем для XII-XIV вв. Касательно комплекса Смелое 1/2, северо-восточная ориентация погребенного и наличие колоды позволило указанным исследователям, без рассмотрения конкретного вещевого материала: «…сузить хронологические рамки до 2-й половины XIII в. …» (Евглевский, Потемкина, 2000, с. 193). Очевидно авторы не знают, что датировка комплексов в первую очередь обосновывается посредством анализа вещевого набора, а «…наибольшее распространение в золотоордынское время…» северо-восточной ориентации и погребений в колодах нужно для

начала доказать на примере серии конкретного материала а не на выводах личного видения, как правило базированных на основе неопубликованного (а значить отсекающего других исследователей от критического осмысления – М.К.) материала. Мнения о связи ориентировки и хронологии комплекса для территорий Северо-западного Причерноморья также придерживается А.О. Добролюбский. Автор допускает некоторую возможность незначительных отклонений из-за времени дня или года, а в целом выделяет некоторые промежуточные ориентировки в 45^0, которые, (к тому же – М.К.) по его мнению, в большинстве относятся к золотоордынскому времени (Добролюбский, 1986, с. 40, 41). Отметим, что доказательства своих наблюдений на примере анализа хронологии конкретного материала этот исследователь также не привел, а соответственно с таким же успехом можно датировать комплексы по степени градуса наклона отвисшей челюсти у скелета, ссылаясь при этом на некую известную только нам совокупность четко установленной вещевой хронологии. Если действительно присутствуют в едином временном промежутке комплексы с отклонениями по 45^0 в ту либо иную сторону (?), то это свидетельствует о существовании абсолютно нового типа ориентировки, безусловно связанного с этносоставляющей частью, поскольку 45^0 отклонения уже не позволяют говорить о сезонности ориентировки, поскольку, фактически такой угол в равной степени может быть присущ и северу и востоку, либо югу и западу и т.д. Однако для доказательства присутствия погребений с такой ориентировкой должна быть представлена круговая 360^0 шкала с наложением осей таких погребений (и их полевые чертежи для проверки – М.К.). Вероятно, что в данном случае А.О. Добролюбский несколько «приукрашает» действительность. Максимальное астрономическое отклонение, на которое способно солнце, составляет $23,5^0$ в ту либо иную сторону от западной либо восточной оси, соответственно общий размах в пределах оси будет 47^0, и как правило, все погребения восточной или западной оси укладываются в этот и чуть больший промежуток. Наша собственная проверка на кочевническом материале соотношения осей погребений на 360^0 шкале, как правило, в отдельных случаях показывает максимальные отклонения до 35^0. Ко всему прочему здесь нужно учитывать, что не все исследованные погребения отображают уровень точной инструментальной фиксации (точную градусность оси погребения), отсюда могут и происходить 45^0 ориентировки покойников на чертежах. Вдобавок ко всему этому, полюса планеты Земля никогда не были стабильными, они и сейчас имеют склонность к смещениям, что также накладывает свой отпечаток на точность наших современных измерений.

Вопрос восточной ориентировки не столь однозначен, как кажется на первый взгляд. Мы не беремся делать определенные выводы, но вместе с этим выскажем предположение, что такое особое выделение умерших в погребениях у с. Смелое, в тюркском обществе, особо почитавшем восток, может быть связано не с этнической составляющей, а с их личными заслугами. Впрочем, данная проблема является предметом отдельной работы.

3.2. Типы могильных конструкций и особенности деталей погребальной практики

Конструкции могильных ям изученных погребений демонстрируют устойчивое типологическое однообразие. Из 25 комплексов одиннадцать погребений совершено в подбойных могилах, остальные четырнадцать в простых овальных либо прямоугольных ямах. Все подбойные камеры устроены в южной стенке входной ямы. Дно входной ямы служило ступенькой, на которой располагались кости коня. В одном случае прослежена двойная ступенька. Камеры подбоя, где это было возможно зафиксировать, закрывались заслоном из вертикально расположенных колотых деревянных плах.

Подбойные могилы составляют значительное количество среди остальных погребений, что отображает устойчивую традицию, практикуемую в данном обществе. Мы не можем связывать такие конструктивные особенности могил с отображением статусности общественного положения человека, поскольку вместе с подбойными исследованы достаточно богатые погребения в простых, по конструкции, ямах. Можно однозначно предполагать, и согласится, что такой тип сооружения отображает микро-этническую (родоплеменную) черту у одной либо нескольких половецких этногрупп. Практика устройства могил с подбоем наблюдается, начиная с раннетюркского времени, так в уже упоминавшихся тюрок Минусинской котловины, В.Ю. Худяков выделяет отдельный тип подбойной конструкции со ступенькой, где целый костяк коня и погребенный ориентированы на восток (Худяков, 2004, с. 50). Устройство могил с подбоями у башкир Волжского региона письменно зафиксировал в 1-й четверти X в. Ахмед-ибн-Фадлан (Ковалевский, 1956, с. 140). Г.А. Федоров-Давыдов изучая вопрос присутствия среди кочевнических древностей могил с подбоями, отметил присутствие таких комплексов периода развитого средневековья в Поволжье, и затем последующее распространение в период монгольских завоеваний. Также исследователь уточнил, что на одном из ранних этапов, часть от группы практикующей подбойные могилы, переместилась в западном направлении (Федоров-Давыдов, 1966, с. 160). А.В. Евглевский и Т.М. Потемкина, рассматривая широкие территориальные рамки большого степного коридора, считают присутствие могил с подбоем хронологическим индикатором золотоордынского времени (Евглевский, Потемкина, 2000б, с. 189), приведенные нами факты присутствия таких могил у ранних тюрок и башкир X в. не позволяют однозначно соглашаться с этим мнением. Здесь очевидно, что перед такими утверждениями, авторам для начала необходимо очертить территорию, для которой приемлем данный вывод. Если такое виденье касается широких территорий степного коридора, то необходимо аргументировать датировку вещевых наборов из всех могил с такой конструкцией, или дать отдельную сводку вещей.

В данной работе мы не ставим задачу одномоментно решить проблему этнической атрибуции могил с подбоями, поскольку такое решение предусматривает анализ всего известного степного материала. Предварительно можно отметить, что для известных с территории южнорусской степи кочевнических погребений с материалами X - 1-й пол. XI вв., могилы с подбоями не характерны. Появление таких могильных конструкций можно связывать с приходом во второй половине XI в. половецких племен, поскольку печенеги и торки Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств, не хоронили в подбойных могилах. Конкретную, аргументированную этноатрибуцию племен с таким обычаем на территории южнорусской степи, можно будет дать лишь после прослеживания в пространстве и времени всей цепочки носителей такой традиции.

Как уже упоминалось, остальные погребения представлены могильными конструкциями простой прямоугольной и овальной формы. Отметим одну интересную особенность, связанную с формой могильных ям, в том числе и подбойных. Женские погребения совершены в ямах овальной формы, мужские – только прямоугольных. Здесь очевидно, что тюрки придавали большое значение геометрической форме могил при погребении покойников разной половой принадлежности. Данные могилы также демонстрируют типологическое однообразие. Погребенные ориентированы на запад. Верхняя часть могил, где это было возможным зафиксировать, перекрывалась поперечно уложенными деревянными плахами либо кузовом повозки. В одном случае в устройстве могилы удалось четко зафиксировать уступы – заплечики вдоль длинных сторон ямы. Вероятно, что и другие погребения с элементами перекрытия, также имели такую конструктивную особенность.

Лошадь, как и в подбойных могилах, размещалась выше погребенного на пе-

рекрытии с северной стороны (по правую руку) от умершего. В погребениях, где вместо останков лошади размещались элементы упряжи, последние складывались в ногах. Физическое отображение сопровождающей лошади не столь однообразно. При визуальном анализе видно, что лошадь присутствует и сопровождает умерших во всех погребениях, за исключением шести могил. Погребения Северско-Донецкой группы демонстрируют предположительно[14] шесть уровней отображения лошади:

1. Уложенные целые туши коней (два комплекса).

2. Наличие в могиле (предполагаемо чучела коня), костных останков черепа и четырех конечностей отделенных по туловище (четыре комплекса).

3. Наличие в могиле (предполагаемо имитации чучела коня), костных останков черепа и двух задних конечностей отделенных по туловище (один комплекс).

4. Наличие в могиле (предполагаемо имитации чучела коня) костных останков отделенных по туловище четырех конечностей коня без черепа (погребения грабленые) (два комплекса).

5. Наличие в могилах элементов упряжи – седел, стремян, удил, ремней повода и приторочки седла (шесть комплексов).

6. Отсутствие любых археологически видимых элементов, связанных с конем (шесть комплексов).

В трех комплексах присутствовали костные останки лошадей, однако определить особенности членения и расположения костей не представляется возможным ввиду значительного перемещения и выброса костей при ограблении.

Найти однозначное объяснение такой вариантности отображения сопровождающей лошади сложно. В свое время С.А. Плетнева и Г.А. Федоров-Давыдов связывали наличие целых остовов коней в погребениях с половцами (Федоров-Давыдов, 1966, с. 145; Плетнева, 1973, с. 20. Таб. 5). При этом у С.А. Плетневой наличие других вариантов костных останков коня в половецких могилах то рассматривалось (работа 1958 года) то не рассматривалось (работа 1973 года). Таким образом, целый остов коня, как впрочем, и вариантность в членении костяка, считались этноиндикаторами. Мы не совсем согласны с таким мнением и строгой привязкой к этноопределяющим особенностям размещения костей коня (Квітницький, 2004а, с. 29, 30). Исследованные погребения уже демонстрируют разнообразие типов присутствия лошадей в пределах одной родственной семьи/семей. Вариантность, прослеженная среди погребений нашей небольшой группы, несколько выходит за рамки строгой этнической составляющей. Очевидно, что здесь мы наблюдаем наличие процесса имущественно - социального расслоения, который вероятно, накладывается на специфику микро-этнических особенностей. На пример сложно объяснить только имущественным расслоением в сравнительно «богатом» погребении Пришиб 2/2 присутствие всего лишь деталей конской упряжи, когда в равном по набору комплексе Смелое 1/2 лежит целый остов коня. В данном случае явно отображена микро-этносоставляющая часть погребальной практики. Те же погребения с восточной ориентировкой у с. Смелое имеют полностью равный вещевой набор и одинаковое устройство могил. Но в данном случае комплекс Смелое 1/2 выделяет наличие социально значимой вещи – железной гривны. По моему мнению, эта группа, где в одном погребении целая туша коня, а в двух других череп с конечностями (один грабленый), демонстрирует нам социальную дифференциацию среди равных по имущественному положению людей. Присутствие здесь целого костяка коня, с сочетанием социально значимой вещи – гривны, в сравнении с остальными двумя равными погребениями очень похоже на отображение средневековой европейской

[14] В двух комплексах выявлено только четыре конечности отделенные по туловище, черепа коней отсутствовали. Подобная вариантность размещение частей лошади известна в кочевнических могилах, но в данном случае погребения грабленые, и не исключено что этот такой тип размещения костей образовался после возможного выброса черепов коней при ограблении – М.К.

оценочной формулы – характеристики главенствующих аристократов; - первый среди равных. В тоже время комплексы Пришиб 1/8, 2/4, 2/5, 2/6, 2/7, 2/8 и 2/36 демонстрируют отсутствие либо не очень богатый набор инвентаря, и из них лишь в Пришиб 2/7, как инвентарь, присутствует стремя. При рассмотрении наличия либо отсутствия в погребениях костей коня, для бедных по инвентарю погребений, нам кажется верным мнение Е.П. Казакова о принципе „pars pro toto" – часть вместо целого, когда в могилу помещается от отдельных фетишированых частей или только крови животного до целой туши (Казаков, 1984, с. 104). Мы можем предполагать, что в погребениях, где не зафиксировано зримых признаков присутствия лошади, вероятно, проводились обряды либо помещались несохранившиеся частички (как возможный вариант волосы хвоста либо гривы) связанные с лошадьми.

В целом проблема вариантности размещения костей коня в погребениях кочевников развитого средневековья сложная и требует дальнейшего пристального изучения. Система, по которой происходило размещение останков лошади, вероятно, зависела от большого количества факторов, которые и определяли тот либо иной вариант укладки, способ членения или просто наличие вещей связанных со снаряжением. Очевидно, что в отображении присутствия коня, рассматриваемые нами погребения демонстрируют не только микро-этнические варианты мировосприятия тюрков, характерные для определенных небольших родоплеменных групп в составе общего массива половецких племен. В зависимости от конкретных условий, эти варианты коррелировались фактором социальной и имущественной дифференциации кочевого населения.

3.3. Время появления и занимаемое место в системе общества

Наблюдения во время аналогового сопоставления по группам вещей, и рассмотрение параллелей в погребальной практике позволяет прийти к мнению, что очевидно первоначальной точкой исходного перемещения изучаемой группы кочевников являлись территории Алтая и Юго-Западной Сибири. К такому выводу подталкивает ряд наблюдений по следующим позициям:

1. Присутствие украшений из янтаря и ляпис-лазури, концентрация которых отмечена в южно-сибирских могильниках басандайской культуры. Специфика находок таких изделий на территории Половецкой Земли, в пределах южнорусской степи, и отдельных микрорегионов Киевской Руси, указывает, что проникновение таких вещей связано с вторичным перемещением населения носившего украшения из лазурита. Наличие подвесок из ляпис-лазури на этих территориях не связано с первичной торговлей и импортом. В противоположном случае мы имели бы намного больше таких находок с широкой хронологией не только у кочевников, но и на поселенческих памятниках Древней Руси и поселениях Среднего и Нижнего Поднепровья.

2. Тип сохранившихся седел распространенный и характерный для территории Южной Сибири.

3. Специфический тип женского головного убора из (раннего по хронологии) комплекса Пришиб 2/33. Традиция изготовления таких «шапочек» появившись у скифов, позже фиксируется у хуннов Алтая. Находка такого головного убора в комплексе Пришиб 2/33 указывает о дожившей традиции изготовления таких уборов и к периоду средневековья. Однако среди массива изображений половецкой скульптуры такой тип убора не выражен, что подчеркивает его индивидуальную (законсервированную) микро-региональную специфичность распространения.

4. Специфический прием в погребальной практике, прослеженный в (раннем по хронологии) погребении Пришиб 2/24 – заворачивание тела умершего в кокон из бересты. В погребении прослеживалась над костяком береста, которая была интерпретирована как возможная крышка гробовища. В южносибирских и алтайских могиль-

никах прием заворачивания тела умершего в берестяной кокон, равно как и берестяные крышки – одна из характерных черт погребальной практики (Адамов, 2000, 17-24), известная как для сросткинской, так и для басандайской культур (Росляков, 2005, с. 115-117). Береста и сейчас отыгрывает огромную роль в погребальной практике современных народов Сибири (Пилипенко, 2003, с. 374, 375).

5. Подбойные могилы с перекрытием подбоя вертикальным заслоном из колотых плах, деревянные долбленые колоды – традиция погребальной практики, также хорошо известная в погребениях кочевников развитого средневековья Алтайского края и Южно-сибирских территорий.

Исследователи кочевнических древностей Западной Сибири для периода XI в. отмечают смену культурных традиций выраженных в появлении басандайской культуры связанной с приходом кимако-кипчакского населения (Савинов, Новиков, Росляков, 2008, 5, 6). С.Г. Росляков, рассматривая уникальный памятник Санаторный – 1, отметил: «... Такие черты погребальной практики, как помещение умершего в колоду, устройство в могильной яме уступов, подбоя, размещение в погребении в ногах ... деталей конской упряжи, находят аналогии в погребальных обычаях кимаков северо-западных предгорий Алтая, Верхнего и Среднего Прииртышья...» (Росляков, 2005, с. 119). По мнению этого же исследователя в формировании, интересующей нас, басандайской культуры принимали участие несколько культурных элементов; - носители сросткинских традиций, носители верхнеобских традиций и кимаки либо близкие им представители «кимако-кипчакского этносоциального объединения» (кипчаки?) (Росляков, 2005, с. 115-117).

Рассматриваемые нами погребения на Северском Донце содержат практически идентичный набор черт характеризующих процесс формирования басандайской культуры. Комплексы имеют «сросткинтские» черты – берестяной кокон, либо крышку в Пришиб 2/24. Связанный с Алтаем тип женского головного убора в Пришиб 2/33. А также целый набор погребальных черт и частично вещевых наборов характерных для кимаков – колоды, подбои, складывание конской упряжи в ногах, украшения из лазурита.

Таким образом, прослеженные нами детали погребальной практики в «ранних» могилах Пришиба и Смелого указывают на то, что местом их формирования являлись территории Северо-Западного Алтая (возможно предгорий – М.К.) и верхнего Прииртышья в пределах южной части Западной Сибири. Основным этническим компонентом, оставившим рассматриваемые нами погребения, мы можем назвать кимаков.

Появление данной кочевой семьи (семей) в пределах изучаемого региона течения Северского Донца видимо следует отнести к рубежу XI-XII – первой трети XII вв. При уточнении возможного времени закрепления данной кочевой группы особый интерес вызывает присутствие в комплексе Пришиб 2/5 бронзовой пряжки. Результаты поиска аналогий позволяют соотнести данную пряжку с Кавказскими аналогиями. Как уже упоминалось наиболее близкие вещи происходят из Змейского могильника XI-XII вв. в Северной Осетии. Присутствие такой пряжки в половецком погребении на Левобережье нижнего течения Днепра можно объяснить только фактом контактов с населением из указанного региона или перекочёвки определенной половецкой группы, находившейся перед этим в пределах Кавказского региона. В историческом плане, контакты, осевших в южнорусской степи, половцев с Кавказскими землями происходили в средине XI в., во время обретения кимако-кыпчакскими племенами новой родины, и после 1116 г., когда часть половцев с ханом Атраком вынуждена была покинуть территории в районе Дона и Северского Донца. Появление пряжки связанной с Кавказским кругом вещей, с датировкой XI-XII вв., в материалах могильника на Северском Донце, чье начальное время функционирования можно отнести к первой половине XII в., может быть связано с событиями 1116 и последующих годов.

Следует также отметить, что весьма вероятно Кавказское происхождение кроме пряжки может иметь и округлая глазчатая бусина черного стекла из погребения Пришиб 2/13. Пребывание части половцев в Кавказском регионе было непродолжительным, всего девять лет. После смерти Владимира Мономаха в 1125 г., как известно, хан Сырчан отправил гудца Оре (музыканта-кобызчи) в Грузию к брату Атраку с просьбой вернутся домой в степи, и тот вернулся. Здесь, в контексте сказанного, также будет уместным обратить внимание на уникальную находку погребения музыканта-кобызчи с кобызом, которое по времени, ненамного отстоит от описываемых событий (Гершкович, 2011, с. 40-50). По мнению С.А. Плетневой в конце 20-х годов XII в. Атрак вновь подкочевал к берегам Северского Донца только со своим родом «куренем» и некоторым числом воинов (Плетнева, 1990, с. 97).

Таким образом, на первый взгляд можно не исключать связь появления захоронений с перемещениями половцев в бассейне Северского Донца, после возвращения орды хана Атрака с Кавказских территорий в начале 2 четверти XII в. Вещевые комплексы наиболее ранних погребений не противоречат и вполне укладываются в такую датировку. В тоже время у нас все же нет достаточно убедительных оснований напрямую относить исследованную группу с вернувшимся населением. Рассматриваемая группа не принимала участие в отходе на Кавказ. Присутствие одной вещи предполагаемо с Кавказского региона в могильнике с нижней датой в пределах первой половины XII в., археологически лишь указывает на контакты половцев левобережья Днепра с Кавказскими территориями, но не раскрывает механизма таких контактов. Пути попадания ее в рассматриваемую группу могли быть различны, в том числе и посредством пролегавших здесь торговых путей (Прокопенко, Лубова, 2008, с. 54).

Период появления данного рода укладывается в вероятный промежуток времени рубежа XI–XII вв. – первой трети XII в., и в равной степени может быть связан как с освобождением территории после ухода Атрака в «обезы» на Кавказ, так и с возвращением части половцев назад. Однако непосредственного участия в перемещениях с ордой Атрака, рассматриваемый нами род не принимал. После своего обоснования, в дальнейшем рассматриваемая нами группа, заняла довольно прочное место в степи и стабильно кочевала ко времени окончательного завоевания степей монгольскими войсками в 1238 г.

Очевидно, что постоянные конфликты в истории Половецкой Земли и Киевской Руси вынуждали к изменениям мест и маршрутов кочевок в семье. Мы можем предположить, что до начала второй половины XIII в. эта группа еще оставалась в степях. Отсутствие массива погребений второй половины XIII – начала XIV вв. свидетельствует о том, что во второй половине XIII в. эти кочевники поменяли свое месторасположение, вероятно, в связи с перемещением на другие территории.

Важным остается вопрос о месте в степи изученной кочевой группы, и/или значении в структуре половецкого общества. С.А. Плетнева, опираясь на выводы Б.А. Рыбакова полученные при анализе «Географии» аль-Идриси, отводит Северскому Донцу роль центра Черной Кумании (Плетнева, 1958, с. 194). Территории течения Северского Донца занимали заметное место во владениях таких известных половецких властителей как Шарукан, Атрак, Сырчан и Кончак. В район этих земель направлялись основные удары русичей на протяжении всего XII в. Таким образом, исследованные комплексы находятся в пределах очень значимой территории одного из крупных племенных объединений, обозначенных С.А. Плетневой как Донская группа половцев.

Проводя реконструкцию структуры половецкого общества, исследовательница выделяет, как основную социальную ячейку, – курень больше известный по летописям в названии: – половецкий род. Такая ячейка включала в себя несколько родственных, патриархальных семей. Из родов – куреней состояла отдельная конкретная половецкая орда. Данные подразделения, в пределах

определенного половецкого племени, наделялись участками земли, на которых они вели хозяйство посредством летних и зимних маршрутов кочевок (Плетнева, 1990, с. 45). Исследованные Северскодонецкие погребения идеально подходят под такую характеристику небольшого куреня-рода который состоял из двух – трех половецких семей. Складывание отдельных могильников на небольшой территории лежащей у современных сел Пришиб, Смелое, Знаменка и Сокольники, очевидно отображает структуру хозяйствования каждой конкретной семьи и процесс рождения новых семейств. Внутри земельных территорий рода, вероятно, семьи также применяли общую схему кочевого хозяйства и использовали определенные небольшие участочки для сезонного выпаса собственных животных.

Наличие погребений воинов с саблями, парадные седла и богатые в оформлении головные женские уборы, а также предметы импорта, в общем, указывают на достаточно высокую значимость этого рода в военной и племенной структуре половецкого общества. Однако фактическое отсутствие изделий из драгметаллов и дорогих импортов свидетельствует о некотором сдерживании в накоплении богатства. На примере погребального инвентаря мы можем предположить, что данный род хотя и входил в систему центрального ядра военной организации племени, но при этом не являлся приближенно – родственным к основной племенной «аристократической» ветви и находился на некотором удалении от «главных» родов. На то, что эта группа не являлась приближенной к центральным «аристократическим» родам, также очень ярко указывают еще два факта; первое – семья заняла место на Северском Донце только после освобождения территории ордой Атрака, второе – на момент монгольских завоеваний она не была вовлечена в уходы половцев в Закавказье, Венгрию и Балканский регион, Поросье и Галицкую Русь.

Заключение

Проблематика Кочевой степи более ста лет является предметом пристального изучения историков и археологов. Если письменные источники со временем исчерпывают свой потенциал, то археологические всегда выявляют новые грани в понимании исторических процессов. После основополагающих работ С.А. Плетневой и Г.А. Федорова-Давыдова в отечественной и российской кочевнической медиевистике произошел скачкообразный этап накопления археологической научной источниковой базы. К сожалению, многие материалы новостроечных экспедиций 1950-х -1990-х гг. до сих пор не опубликованы. Некоторые коллекции 1950-х-1970-х гг. на сегодня уже безвозвратно утеряны, а тексты отчетов, без сопроводительных иллюстраций имеют практически нулевую научную ценность. Малое количество публикаций накопленного материала привело к тому, что понимание исторических процессов связанных с кочевниками развитого средневековья до сих пор остается на уровне 1950-х годов. Так и не решенная проблема хронологии кочевнических древностей территорий южнорусской степи на сегодня демонстрирует уровень науки начала XX века. Незнание накопленного материала приводит к системным ошибкам в понимании и интерпретации древностей и истории кочевников развитого средневековья. Исправление этой ситуации через ввод в научный оборот и картографирование исследованных погребений является одной из первостепенных задач современных исследователей. Опубликованные материалы представляют один из наибольших «семейных» половецких могильников XII – 1-й пол. XIII вв. исследованных непосредственно на Северском Донце. Для сравнения в «ближайшем» могильнике у с. Октябрское Славянского района Донецкой области удалось выявить всего пять комплексов средины XII – 1-й половины XIII вв. (Древности…, 1992).[15] Конечно, публикуемые и указанные погребения не исчерпывают всю накопленную информацию о кочевниках зоны течения Северского Донца, но в тоже время дают представление о конкретной половецкой семье – роде на участке степи, жители которого наиболее доставляли хлопот простым русичам и древнерусскому государству.

Анализ погребального инвентаря позволяет реконструировать хронологию погребений и этап появления изученной группы кочевников в пределах рубежа XI–XII – 3-й четверти XIII вв. Изначальное появление данной группы на Северском Донце не связано с первой волной освоения половцами степи в средине XI в. Процесс закрепления данного рода, вероятно был откорректирован событиями военных походов Владимира Мономаха в начале XII в., однако проследить сам механизм появления этой семьи пока невозможно. Топографическое разделение балками изученных погребений на три отдельных группы указывает на существование двух - трех малых семей в составе куреня-рода. Первоначальное центральное место, вне всякого сомнения, заняла большая семья, оставившая Пришибские погребения. Впоследствии от нее отделилась большая семья, оставившая захоронения у Смелого. Четыре мужских погребения у Смелого с датировкой в пределах одного временного среза и отсутствие женских погребений, вероятно, указывают на социальную (военную?) катастрофу, постигшую данную семью, хотя не исключе-

[15] Хронология погребений, по вещам не рассматривалась. Однако материальная культура этих комплексов не содержит характерных для монгольского времени типов вещей. Напротив, в одном из погребений находился древнерусский горшок средины – 2-й пол. XII в. и литой бубенчик с тройной опояской, чье время бытования в южно-русских памятниках припадает на конец XI – 1-ю половину XIII в. А.В. Евглевский датирует эти погребения временем Золотой Орды периода 2-й четверти XIII-XIV вв. на основании подбоев и якобы мусульманского обряда захоронения одного из умерших – М.К.

но, что часть возможных женских погребений на этих территориях просто пока еще не выявлена. Очевидно, впоследствии от Пришибской группы отпочковалась еще одна семья, оставившая погребения возле современных Сокольников и Знаменки. Сезонность всех захоронений позволяет предполагать, что территории размещения погребений, в системе половецкого хозяйствования, являлись зимовником для этого рода.

Набор вооружения в мужских захоронениях указывает на причастность членов рода к основному составу воинов всадников, без тяжелых защитных доспехов, либо с неметаллическими элементами защиты. Такие воины составляли часть центрального ядра в общей системе военной организации племени. Вместе с тем представители данной группы были удалены от основных потоков обогащения. После монгольских завоеваний, очевидно вследствие формирования Западного улуса Золотой Орды, большая кочевая семья навсегда покидает эти земли.

При рассмотрении данной группы заметны наметившиеся процессы влияния древнерусского государства в материальной культуре и возможно формировании нового антропологического типа населения.

Безусловно представленная работа не решает всех задач изучения кочевников развитого средневековья, часть вопросов осталась вне рамок проделанных исследований. Однако представленные материалы позволяют рассмотреть конкретную социальную единицу половецкого общества, скрывающуюся в работах исследователей под общим понятием Половцы и половецкие племена. Во всяком случае, надеемся, что реконструированные С.А. Плетневой места размещений половецких групп, племен и объединений начнут обретать свои конкретные лица.

Резюме

Кочівники розвинутого середньовіччя на Сіверському Дінці

(за матеріалами досліджень 1978 р. Донецької експедиції Інституту археології)

В період розвинутого середньовіччя, територія течії Сіверського Дінця відігравала одну з важливих ролей в процесі складних взаємовідносин Половецької Землі та Київської Русі. З території цього степового простору виходили одні з основних імпульсів кочового степу, котрі багато в чому впливали в XII столітті на хід історії Київського, Чернігівського, Переяславського, Новгород-Сіверського та інших князівств.

Терени течії Сіверського Дінця достатньо добре досліджувалися на рубежі XIX-XX ст. Г.О. Федоров- Давидов наводить данні про 58 розкопаних тут кочівницьких поховань (Федоров-Давыдов, 1966, с. 256, 257). Масштабні новобудовні та меліоративні роботи 1960-х – 1980-х рр. в південних регіонах СРСР знову викликали необхідність проведення тут науково-дослідних робіт. У 1978 році Донецькою експедицією Інституту археології Української РСР під керівництвом С.Н. Братченка були проведені рятівні дослідження курганів в зоні будівництва Литвинівської та Амвросіївської зрошувальних систем в Луганській та Донецькій областях. Серед масиву різночасових поховань окремою групою виділяються кочівницькі комплекси періоду розвинутого середньовіччя. Поховання виявлені в адміністративних межах сіл Сміле, Пришиб, Знам'янка, Сокольники Словяносербського району Луганської області та с. Петропавлівка Амвросіївського району Донецької області. Загалом в польовий сезон 1978 р. було досліджено 26 могил котрі відносилися до кочівницьких. З них 25 розташовувалися компактною групою на Правобережжі Сіверського Дінця в межах Словяносербського району.

Пропонована на розгляд робота відображає результати досліджень середньовічних поховань та аналіз матеріалу виявленого розкопками в Луганській області.

Досліджені кургани розташовувалися на плато правого високого берега р. Сіверський Донець. Між собою курганні групи біля с. Сміле і с. Пришиб відокремлені глибокою і широкою балкою Козачок, котра витягнута устям в напрямку течії річки з південного-заходу на північний-схід. В свою чергу кургани біля с. Пришиб та біля сіл Знам'янка і Сокольники також відокремлені невеликою широкою балкою, котра впадає устям до русла ріки в північно-східному напрямку. Усі виявлені поховання були впущеними в насипи курганів бронзового віку.

Виявлений в похованнях інвентар розподіляється по групах: - предмети озброєння, спорядження вершника і коня, конструктивні елементи колісного транспорту, деталі прикрас збруї, деталі одягу, особисті прикраси, побутові речі та предмети - символи соціального статусу.

Конструкції могильних ям вивчених поховань демонструють сталу типологічну однорідність. З 25 комплексів одинадцять поховань здійснені в могилах з підбоєм, інші чотирнадцять в простих овальних або прямокутних ямах. Усі камери з підбоєм влаштовані в південній стінці вхідної ями. Дно вхідної ями слугувало сходинкою, на якій розташовувалися кістки коня. В одному випадку була простежена подвійна сходинка. Зафіксовано, що камери з підбоєм закривалися заслоном з колотих дерев'яних плах, які розташовувалися вертикально.

Інші могильні конструкції простої прямокутної і овальної форми також демонструють типологічну однорідність. Поховані орієнтовані на захід. Верхня частина могил, там де це вдалося зафіксувати, перекривалася дерев'яними плахами покладеними в поперек, або кузовом возика. В одному випадку в конструкції могили були чітко зафіксовані уступи – заплічики вздовж довгих боків ями. Очевидно, що і

інші могили з елементами перекриття, також мали таку конструктивну особливість. Помічена одна цікава деталь, що пов'язана з формою могильних ям, в тому числі і підбійних. Жіночі поховання здійснені в ямах овальної форми, чоловічі лише прямокутної. Очевидно, що тюрки надавали великого значення геометричній формі могил при похованні покійників різної полової статі. Виявлені кістки коней, як і в підбійних могилах, розташовувалися вище похованого на перекритті з північного боку (праворуч) від померлого. В похованнях, де замість частин коня розташовувалися елементи упряжі, останні складалися в ногах. Кінь присутній і супроводжує померлих в усіх похованнях, крім шести могил. Фізичне відображення коня, за типом розташування, не однорідне. Поховання Сіверсько – Донецької групи демонструють шість різних рівнів відображення коня, що очевидно пов'язано з накладанням процесу соціально-майнової диференціації на мікро-етнічні особливості світосприйняття серед тюркських родів.

Відсутність більш «пізніших» впусків та стратиграфічних перекриттів кочових могил в межах концентрації поховань біля сіл Пришиб та Сміле свідчить, що місця поховань на поверхні були досить чітко позначені мітками які не збереглися до наших днів. Хронологія речового матеріалу відображає поступове здійснення поховань, протягом досить довгого часу, що безумовно вказує на стабільне місце розташування кочування певної групи степовиків. Чітко виділяються два окремі масиви поховань біля сіл Сміле та Пришиб, окремі поховання біля сіл Знам'янка і Сокольники також відносяться до даної кочової групи. Хронологія речей, географічне місце розташування і особливості поховальної практики дозволяють бачити в населені, котре залишило ці поховання, - половців. Розглянуті комплекси дозволяють впевнено дійти висновку, що перед нами захоронення, котрі були залишені однією крупною сім'єю, або декількома невеликими сім'ями об'єднаними родинними зв'язками.

За сезонністю здійснення поховань, тринадцять комплексів припадає на весняні або осінні місяці, шість на зимову і три на літні пори року. Динаміка простежених сезонних відхилень дозволяє припустити, що територіально район досліджених поховань був зимівником для кочувавшого тут половецького роду.

Спостереження зроблені під час аналогового співставлення речей за групами та розгляд паралелей в поховальній практиці дозволяє твердити, що відправною територією переміщення вивченої групи кочовиків були території Алтаю і Південно-західного Сибіру. В етнічному плані ці кочовики належали до кимаків. До таких висновків підштовхнув ряд спостережень:

1. Присутність прикрас з бурштину і лазуриту концентрація яких відмічена в південно-сибірських могильниках басандайської культури. Специфіка знахідок цих виробів на теренах Половецької Землі, в межах південноруського степу та окремих регіонів Київської Русі, свідчить, що потрапляння цих речей пов'язано з вторинним переміщенням населення котре носило такі прикраси з лазуриту. Наявність підвісок з лазуриту на вказаних територіях не пов'язана з первинною торгівлею та імпортом. В іншому випадку було набагато більше таких знахідок з широкою хронологією не лише у кочовиків але і на поселенських пам'ятках Давньої Русі та території Середнього і Нижнього Подніпров'я.

2. Типи зафіксованих сідел були характерні і розповсюджені лише на території Південного Сибіру.

3. Специфічний тип жіночого головного убору з комплексу Пришиб 2/33. Традиція виготовлення такого «капелюшку» спочатку з'явилася у скіфів, пізніше фіксується у гунів Алтаю. Знахідка цього типу убору в комплексі Пришиб 2/33 вказує на збережену традицію виготовлення і в часи середньовіччя. Проте серед зображень половецької скульптури такий тип головного убору не виражений, що підкреслює його індивідуальну (законсервовану) мікро-регіональну специфічність розповсюдження.

4. Своєрідний прийом в поховальній практиці, що був виявлений в похованні Пришиб 2/24 – загортання тіла померлого в

кокон з берести. В поховані простежено над скелетом береста, котра інтерпретувалася, як ймовірна кришка труни. В південносибірських і алтайських могильниках прийом загортання тіла померлого в берестяний кокон, а також берестяні кришки трун – одна з характерних рис поховальної практики (Адамов, 2000, 17-24), відома, як для сросткінської так і для басандайської культур (Росляков, 2005, с. 115-117). Береста і сьогодні відіграє основну роль в поховальних звичаях корінних сучасних народів Сибіру (Пилипенко, 2003, с. 374, 375).

5. Підбійні могили з перекриттям підбою вертикальним заслоном з колотих плах, дерев'яні довбані колоди – традиція поховальної практики, також добре відома в похованнях кочовиків розвинутого середньовіччя Алтайського краю і Південно – сибірських територій.

Реконструкція структури половецького суспільства запропонована С.О. Плетньовою передбачає основну соціальну ячейку - курінь більше відомий за літописами в слов'янській назві: - половецький род. Така ячейка включала в себе декілька патріархальних сімей пов'язаних родинними зв'язками. З цих родів – куренів складалася окрема конкретна половецька орда. Ці сімейні ячейки, в межах певного половецького племені (орди) наділялися ділянками землі для ведення господарства шляхом літніх і зимніх маршрутів кочувань (Плетнева, 1990, с. 45). Досліджені Сіверськодонецькі поховання ідеально вкладаються в запропоновану реконструкцію структури половецького суспільства, а саме невеликого куреню-роду котрий складався з двох – трьох половецьких сімей. Складання окремих могильників на невеликій території біля сучасних сіл Пришиб, Сміле, Знам'янка та Сокольники, очевидно відображає структуру господарювання кожної конкретної сім'ї і процес народження нових сімей. В межах земельних територій роду, сім'ї вірогідно також використовували загальну систему кочового господарства і використовували певні невеликі діляночки для сезонного випасу власних тварин.

Наявність поховань воїнів з шаблями, парадні сідла, багато оформлені головні жіночі убори та предмети імпорту загалом вказують на достатньо високе значення цього роду у військовій та племінній структурі половецького суспільства. Проте фактична відсутність виробів з дорогоцінних металів і дорогих імпортів свідчить про стримання в накоплені багатств. На прикладі поховального інвентарю ми можемо припускати, що даний рід хоча і належав до системи центрального ядра військової організації племені, але при цьому не був родинно – наближеним до основної племінної «аристократичної» гілки і знаходився на віддалі від «головних» родів.

Опубліковані матеріали представляють один з найбільших «сімейних» половецьких могильників XII – 1-ї пол. XIII ст. досліджених безпосередньо на Сіверському Дінці.

Аналіз поховального інвентарю дозволяє реконструювати хронологію поховань і етап появи цієї групи кочовиків в межах рубежу XI–XII – 3-ї четверті XIII ст. Початкова поява цих кочовиків на Сіверському Дінці не була пов'язана з першою хвилею освоєння половцями степу в середині XI ст. Процес закріплення даного роду, вірогідно був відкоректований подіями військових походів Володимира Мономаха на початку XII ст., проте прослідкувати механізм появи цієї сім'ї поки що неможливо. Топографічне відокремлення балками цих поховань на три окремі групи вказує на існування двох – трьох малих сімей в складі куреню-роду. Першопочаткове центральне місце зайняла велика сім'я, що залишила Пришибські поховання. Пізніше від неї відділилася велика сім'я, котра залишила поховання біля Смілого. Чотири чоловічі поховання біля Смілого з датуванням в межах одного хронологічного відрізку, очевидно, вказують на соціальну (військову ?) катастрофу, котра торкнулася даної сім'ї. Проте не виключено, що частина жіночих поховань на цій території поки ще не виявлена. Очевидно, що ще пізніше від Пришибської групи відокремилася ще одна сім'я, котра залишила поховання біля сучасних Сокольників та Знам'янки. Сезонність всіх поховань дозволяє припускати, що територія де розміщені

поховання, в системі господарювання, була зимівником для цього роду.

Набір озброєння в чоловічих похованнях вказує на причетність членів роду до основного складу воїнів вершників, без важких захисних обладунків, або з неметалевими елементами захисту. Такі воїни складали частину центрального ядра в загальній системі військової організації племені. Разом з цим представники цієї групи були віддалені від основних потоків збагачення. Вказана велика сім'я пережила процес монгольських завоювань після яких, очевидно внаслідок процесу формування Західного улусу Золотої Орди, вона назавжди покинула ці землі.

Квітницький М.В.

Summary

Nomads of High Middle ages on the Seversky Donets
(Based on 1978 research of Donetsk expedition of Institute of Archaeology)

During High Middle Ages, the area of the Seversky Donets streamway played one of the most important roles in the complex relationships between Cumans Earth and Kievan Rus. From the territory of the steppe space important impetuses of nomadic steppe, which in the twelfth century largely influenced onto the course of history of Kiev, Chernigov, Pereyaslav, Novgorod Seversky and other principalities, came out.

The Seversky Donets streamway area was studied well enough at the turn of the nineteenth and twentieth centuries. G.O. Fedorov-Davydov gives data on 58 excavated there nomadic burials (Fedorov-Davydov, 1966, p. 256, 257). Numerous newly built buildings and reclamation works in the 1960s - 1980s in the southern regions of the USSR again raised the need for this research. In 1978, Donetsk expedition of Institute of Archaeology of the Ukrainian SSR under the direction of S.N. Bratchenko conducted rescue research of mounds in the area of Lytvynivska and Amvrosievska irrigation systems construction in Lugansk and Donetsk regions. Among the array of different burials convergence, nomadic complexes make separate groups related to High Medieval period. Burial depositions were found in administrative limits within villages Smile, Pryshyb, Znamyanka, Sokolniki of Slovyanoserbskiy District in Luhansk region and in Petropavlivka village of Amvrosivsky district, Donetsk region. In total, during the field season in 1978, 26 graves were investigated, which belonged to nomadic. Of these, 25 were located in a compact group on the right bank of the Seversky Donets within Slovyanoserbskiy district.

The work suggested for perscrutation is reflecting the results of research of medieval burials and analysis of excavated material discovered in Luhansk region.

The investigated mounds were located on a high right bank of the Seversky Donets plateau. The groups of mounds near the village of Smile and village Pryshyb were separated from one another by deep and wide Kozachok gulch whose firth stretches in the direction of the river streamway from south-west to north-east. In their turn, mounds near the village of Pryshyb and near villages Znamyanka and Sokolniki were also separated by a little wide gulch whose firth enters to the riverbed in a northeasterly direction. All the discovered burials were sunk in the Bronze Age mounds.

The grave goods discovered in burials are divided into groups: armament equipment, rider's and horse's munition, wheeled vehicles elements, armor parts decoration, details of clothing, personal jewelry, household items and objects - symbols of social status.

The studied burials pits designs show steady typological homogeneity. Out of the 25 complexes, eleven burials were made in timber-lined graves, other fourteen were in simple oval or rectangular pits. All the timber-lined chambers were arranged in the southern wall of the entrance hole. The bottom of the entrance pit served as a stepping stone, which housed a horse bones. Once a double step was traced. It was placed on record that timber-lined chambers were closed with a barrier made of sliver wooden scaffolds, which were located vertically. Other graves designs of simple rectangular and oval shapes also demonstrated typological homogeneity. The buried ones were oriented to the west. The upper parts of the graves, where it was possible to fix, were covered with wooden scaffolds laid across, or with a body of a cart. In one case in construction of the graves there could be clearly recorded ledges – zaplichyky, which were placed along the long sides of the pit. Obviously, other graves with elements of overlap, also had the same structural feature. There was noticed an interesting detail related to the form of burial pits, including timber-lined ones. Female burial pits were oval, male - rectangular only.

Obviously, the Turks gave great importance to the geometric form of the graves at the burial of the dead varying sexual gender. The discovered bones of horses, like in timber-lined graves, located above a buried person on the overlap on the north side (to the right) of the deceased. In the graves, where instead of pieces of a horse there were placed harness elements, the latter were put at the foot. The horse is present and accompanies the deceased in all the burials but six. Physical mapping of a horse, according to the type of arrangement, is not homogeneous. Siverskiy - Donetsk burial groups show six different levels of horse mapping, apparently due to the superposition of the social-property differentiation in micro-ethnic features of outlook among the Turkic tribes.

Absence of «later» inlets and stratigraphic overlaps in nomadic graves within the concentration of burials near the villages of Pryshyb and Smile witnesses that burial places on the surface were clearly labeled that have not survived to the present day. Timeline of clothing material reflects the gradual performing of burials for quite long time, that certainly proves a stable location of a nomadic steppe group. Clearly there are two separate arrays of burials near the villages of Smile and Pryshyb, separate burials near the villages of Znamyanka and Sokolniki also belong to that nomadic group. Chronology of things, geographic location and characteristics of burial practices enable one to see in the inhabitants who left those burials,- cumans . The considered complexes allow for conclusion that we are encountering burials, which were left by a large family, or several small families united by ties of kinship.

For seasonal exercise for the burials, thirteen complexes accounted for spring or autumn months, six to the winter and three to the summer seasons. The dynamics of traced seasonal deviations makes it possible to assume that territorial area of the surveyed burials was a wintering place for a Cuman tribe nomadising there.

Observations made during similar comparison of things in groups and consideration of parallels in burial practices allows for statement that the starting area for movement of the studied groups of nomads were the Altai territory and Southwestern Siberia. In ethnic terms, those nomads belonged to Kimaks. These findings prompted a number of observations:

1. The presence of jewelry made of amber and lapis lazuli, concentration of which is marked in the south Siberian cemeteries of Basandayska culture. The specificity of the findings of these products on the territory of Cuman land within the southern-rus steppe and certain regions of Kievan Rus, shows that getting of these things is connected with the secondary movement of population who wore such ornaments of lapis lazuli. The presence of lapis lazuli pendants on these areas is not related to the primary trade and imports. In other case, there were many more such findings with a broad chronology related not only to nomads but also to the settlement monuments of Ancient Rus and the regions of Middle and Lower Dnieper.

2. Types of the saddles found were typical and spread only in southern Siberia.

3. The female headdress from Pryshyb 2/33 complex specific type. The tradition of making such a «hat» originally appeared in the Scythians, later recorded at Huns in the Altai. Finding of this type of hat in Pryshyb 2/33 complex indicates the kept tradition of such manufacturing in medieval times, too. However, among the images of Cumans sculptures that type of headdress is not expressed, what is emphasizing its individual (mothballed) micro-regional specificity of presence.

4. A unique method in burial practice that was found in burial in Pryshyb 2/24 - dead body wrapped in a cocoon of birch bark. In the burial it was traced over the elm skeleton, which interpreted as probable coffin lid. In southern Siberia and Altaic cemeteries the method of wrapping the body of the deceased in a cocoon bark and bark coffin is one of the characteristics of burial practices (Adamov, 2000, 17 24), known for Srostkinska and for Basandayska cultures (Roslyakov, 2005, . 115,117). Birch bark plays a major role in the burial customs of the indigenous peoples of Siberia today as well (Pilipenko, 2003, p. 374, 375).

5. Timber-lined graves overlapped with

vertical barrier of sliver scaffolds, wooden caved logs - the tradition of burial practices which is also well known in the burials of nomads of High Middle Ages in Altai and Southern - Siberian territories.

Reconstruction of the structure of Cumans society proposed by S.O. Pletnev assumes a basic social cell - a hut which is better known by the chronicles in the Slavic name: Polovtsian family line. Such cell included several patriarchal families related by kinship ties. Of those families - the huts - certain specific Cuman horde consisted. Those family cells within a Cuman tribe (horde) were granted plots of land for farming through summer and winter migrations (Pletneva, 1990, p. 45). Researched Siverskodonetsk burials perfectly fit into the proposed reconstruction of Cuman structure of society, namely small hut-family line which consisted of two - three Cuman families. Preparation of individual burials in a small area around the modern villages Pryshyb, Smile, Znamyanka and Sokolniki obviously reflects the structure of management of each family and the process of birth of new families. Within land areas of a family line, families probably also used a common system of nomadic farming and used some small plots of land for seasonal grazing of their animals.

Presence of graves of soldiers with swords, ceremonial saddle richly decorated women's hats and items of imports generally indicate a high enough value of this kind in the military and tribal structure of Cuman society. However, the factual absence of precious metals and expensive imports indicates rein in accumulation of wealth. On the example of burial equipment we can assume that this family line although they belonged to the central core of the military organization of the tribe, but it was not a family - close to the main tribal «aristocratic» branch and was away from the «main» families.

The published materials represent one of the largest «family» Cuman cemeteries of the 12th - 1st half of the 13th centuries studied directly on the Seversky Donets.

The analysis of funeral equipment allows for reconstruction of the chronology of the burials and the stage of this group of nomads' appearance within the turn of the 11th-12th - 3rd quarter of the13th century. The initial appearance of these nomads on the Seversky Donets was not associated with the first wave of development the steppe by Cumans in the middle of the 11th century. The process of consolidation of this family line probably was corrected by military campaigns of Vladimir Monomakh in the early twelfth century, but to trace the mechanism of occurrence of this family is still impossible. Topographical separation of these burials by gulches into three distinct groups indicates the existence of two - three small families within the hut-family line. Initially, the central place was occupied by a large family that left Pryshyb burials. Later a large family separated from it, which left graves at Smile. Four male burials at Smile village dated within the same chronological interval obviously indicate social (military?) disaster, which has affected the family.

However, it is possible that some female burials in this area have not yet been discovered. Obviously, even later on another family separated from Pryshyb who left the burial near modern Sokolniki and Znamyanka. Seasonality of all the burials makes it possible to suggest that the area where the graves are located in the economic system, was a wintering place for that family line.

A set of weapons in male burials indicates involvement of members of the family line to the main body of warriors riders without heavy protective armor, or non-metallic elements of protection. Such warriors made a part of the central core in the overall military organization of the tribe. Meanwhile members of that group were remote from the main flows of enrichment. The specified big family survived the Mongol conquests process after which, apparently due to the formation of Western ulus of the Golden Horde, it abandoned that land.

Kvitnytskiy M.V.

Додаток 1

Долженко Ю.В.

Краніоскопічна характеристика кочовиків-половців XI-XIII ст.

Антропологічні дослідження кочовиків-половців були розпочаті у 1980-х рр. А.В. Шевченко. Дослідником подана краніологічна характеристика половців Калмикії (Шевченко 1980, с. 139—168). С.І. Круц в 2003 р., при порівнянні черепів ногайців, датованих пізнім середньовіччям використовує власну серію половців XII ст., з території України. Дослідницею подаються тільки 12 краніометричних ознак (Круц 1999; 2003, додаток, с. 230, табл. 20).

Антропологічні матеріали із курганного могильника у сіл Пришиб, Сміле, Знам'янка Слов'яносербського р-ну, Луганської обл., вперше були досліджені Е.А. Шепель у 1992 р. Була дана статево вікова і коротка краніометрична характеристика збірної серії кочовиків (Шепель 1992, с. 66). Як чоловіча так і жіноча серія характеризуються гіпербрахікранією, малим висотним діаметром черепної коробки, широким чолом, високим і широким сплощеним обличчям. Орбіти помірної висоти, ніс вузький, слабо виступаючий, з високим переніссям (*Рис. 59-61*). При порівнянні дослідницею групи з відомими на той час в літературі серіями кочовиків епохи середньовіччя, дозволяє відмітити, що вибірка не знаходить собі близьких аналогій, але має деяку подібність з окремими групами Середньої Азії, що належать до Південно-Сибірської раси. Ряд ознак знаходять аналогії в серії хунну (Шепель 1992, с. 66).

Наочно описані антропологічні риси на сьогодні ми можемо побачити у виконаній Г.В. Лебединською в 1989 р., антропологічній реконструкції погруддя половця за чоловічим черепом, знайденим в 1959 р., біля с. Квашніково Саратовської обл. (*Рис. 58*). В обличчі чоловіка помітні поєднання європеоїдних (середньо широке обличчя, сильно виступаючий прямий ніс з невеликою горбинкою) і монголоїдних (сплощеність верхньої частини обличчя, високі вилиці, злегка набрякла складка верхньої повіки) ознак. Такий метисний антропологічний тип був притаманний для багатьох народів Південного Сибіру і Алтаю (Касаткин 2007, с. 86).

Рис. 58. Антропологічна реконструкція погруддя половця із Квашніково.
(за Г.В. Лебединською)

При проведенні палеоантропологічних реконструкцій зазвичай використовується краніометрична програма (Алексеев, Дебец 1964). Краніоскопічні дослідження передбачають вивчення матеріалу за іншими ознаками. Вказана методика була розроблена в 1988 р. А.Г. Козінцевим і в завершеному варіанті представлена у 1992 р. (Козинцев 1988; Kozintsev 1992, с. 213—244). Відтоді в антропологічній науці, завдяки великій кількості порівняльного матеріалу, стало можливим використання краніоскопічних ознак в етногенетичних і расових дослідженнях, що має велике значення при встановленні походження і контактів палеопопуляцій. Ці ознаки майже

незалежні від краніометричних, і постають окремим джерелом інформації про взаємозв'язки досліджуваних груп. Вивчені А.Г. Козінцевим ознаки стали джерелом етногенетичної історії, яка формувалась на основі шовних варіацій для надзвичайно змішаних вибірок, і стала одним із найважливіших моментів реконструкції етногенезу.

До сьогодні ще не проводилося всебічне вивчення половецьких серій за краніоскопічними даними, що дало б змогу отримати нові джерела для розробки питань етнічного та історичного розвитку населення степової України.

Отже, в даній роботі для характеристики кочового населення, використовується система краніоскопічних ознак за методикою, запропонованою російським антропологом О.Г. Козінцевим: Індекс поперечно-піднебінного шву (надалі ІППШ); Клиноподібний верхньощелепний шов (надалі КВШ); Задньовиличний шов (надалі ЗВШ); Надорбітні отвори (надалі НО) (Томашевич 1988, с. 119—128); Потиличний індекс (надалі ПІ); Частота підорбітного візерунку типу II (надалі ПОВ II). Для ПІ, ІППШ, ЗВШ, НО та ПОВ II дані складалися без урахування статі, для КВШ вираховувались напівсуми чоловічих та жіночих значень. Відсотки підраховувалися за допомогою авторської програми російського антрополога А.В. Громова. Було опрацьовано 22 черепа, серед них (11 чоловічих, 11 жіночих).

Зупинимось на кожній ознаці більш детально: Потиличний індекс (ПІ), який вказує на співвідношення випадків вормієвих кісток потилично-соскоподібного шва та, одночасно лямбдоподібного швів склав 37,5 % і, таким чином у досліджуваної групи високий (Табл. 3).

Клиноподібний верхньощелепний шов (КВШ) в половецькій вибірці з показником у 48,6 % виявився підвищеним і суттєво відмінний від азійських груп. Як ми знаємо, КВШ в цілому трапляється більше у європеоїдів ніж у монголоїдів (Козинцев 1988, с. 55). Статевий диморфізм в серії направлений на підвищення значень КВШ в чоловічій частині популяції, де зафіксовано 23 ознаки, на відміну від протилежної статі, де виявлено 11 ознак клиноподібного верхньощелепного шва.

Задньовиличний шов (ЗВШ) на черепах із збірної серії трапляється в помірній кількості і не виходить за європеоїдні норми.

Частота підорбітного візерунку типу II (ПОВ-II) в досліджуваній добірці низька. Тому її можна віднести до показників, притаманних південним європеоїдам і східно азійським монголоїдам одночасно. Як нам відомо, в межах європеоїдної і монголоїдної раси, і окрім того, в контактній зоні О.Г. Козінцевим спостерігається єдина закономірність: в північних групах ПОВ-II зустрічається частіше ніж в південних (Козинцев 1988, с. 89).

Індекс поперечно-піднебінного шва (ІППШ) у середньовічної групи, яка представляє половців — помірний (56,6 %) і знаходиться в межах, характерних більше для азійських серій, що були досліджені А.В. Громовим і В.Г. Моїсєєвим. Оскільки незважене середнє для європеоїдів дорівнює 70,5%, а для монголоїдів – 49,9% (Козинцев 1988, с. 110), слід вважати досліджувану серію такою, яка несе у собі більше азійських задатків вказаної ознаки.

Можна констатувати, що відсотки надорбітних отворів (НО) (Томашевич 1988, с. 119—128) на черепах із половецького могильника помірні, але мають більше тенденцію до азійських, ніж до європеоїдних серій.

З порівняльної таблиці помітна близькість досліджуваної групи до ґрунтового могильника Нижнього Подніпров'я, Мамай Сурка (кінець XIII — поч. XV ст.). Л.В. Литвинова, дослідниця вищезазначеної серії, наголошувала на дуже змішаний склад населення яке залишили могильник (Литвинова 1997, с. 31—36; 2006, с. 298—354). За її висновками в чоловічій серії домінують два компоненти – аланський та сарматський, також відчутний вплив болгарського та слов'янського компонентів. В жіночій групі, в однаковій мірі, простежується вплив болгарського, аланського та сарматського компонентів.

Таким чином, за шістьма ознаками краніоскопічної системи збірна половецька серія демонструє поєднання ознак, що свідчить про її азійське походження, особливо це помітно за потиличним індексом, але слід констатувати і певну європеоїдну домішку (ознаки НО і КВШ). Також впевнено, можна віднести серію до південної групи. Специфічною ознакою на даному етапі дослідження не можна назвати, позаяк на сьогодні немає достатньої кількості серій кочовиків для порівняння.

Подібні результати були отримані Е.А. Шепель і за даними краніометрії. Дослідницею наголошувалось про дисперсне розповсюдження монголоїдних і європеоїдних ознак в досліджуваній групі, які свідчать про стадію біологічного змішання.

Рис. 59. Череп чоловіка 55-65 рр. з пох. 7, кургану 2 у с. Пришиб.

Рис. 60. Череп жінки 30-40 рр., з пох. 7, кургану 1 у с. Пришиб.

Рис. 61. Череп чоловіка 40-50 рр., з пох. 6, кургану 2 у с. Знам'янка.

Таблиця 3. Частоти краніоскопічних ознак в половецькій краніологічній збірній серії XI-XIII ст. та порівняльні дані з території Нижнього Подніпров'я і Азії, %

№ п/п	Серія	Століття	ПІ	ПОВ-ІІ	ЗВШ	КВШ	ІППШ	НО
1.	Збірна серія Половців (Пришиб, Сміле, Знам'янка).	XI—XIII	37,5 (27)	20,8 (24)	14,7 (34)	48,6 (68)	56,6 (30)	37,5 (40)
2.	Каїри*	XIII—XIV[16]	17,6 (33)	26,3 (26)	10,7 (28)	62,9 (46)	48,0 (25)	19,4 (36)
3.	Мамай Сурка*	XIII—XIV	42,8 (50)	35,5 (45)	9,6 (52)	51,4 (98)	54,5 (44)	40,3 (52)
4.	Кам'янка	XIII—XIV[16]	10,5 (72)	63,0 (65)	8,1 (74)	48,5 (151)	57,7 (71)	43,8 (89)
5.	Благовіщенка	XII—XIV	0 (38)	48,4 (31)	9,7 (41)	8,3 (50)	82,7 (29)	22,5 (40)
Синхронні групи з території Азії ***								
6.	Омське Прііртишшя (збірна серія)	Середньовіччя	23,6 (21)	59,1 (22)	7,7 (39)	20,5 (97)	59,5 (42)	44,8 (58)
7.	Алтай (Гілево, Корболиха)	Середньовіччя	30,0	68,2	3,8	22,6	80,0	43,6
8.	Кузнецька котловина Удмуртії (Ур-Бедари)	Середньовіччя	10,6 (33)	75,6 (45)	24,0 (50)	15,0 (110)	64,3 (56)	61,0 (77)
9.	Башкирія (Бірськ)	Середньовіччя	28,3	41,7	7,6	16,2	47,8	47,9
10.	збірна серія Новосибірського Приоб'я	Середньовіччя	22,8 (17)	53,8 (26)	0 (38)	18,8 (71)	55,0 (40)	45,0 (60)
11.	збірна серія Томського Приоб'я	Середньовіччя	35,1	50,0	9,2	9,7	57,8	34,2

Умовні позначення. Тут та далі: ПІ — потиличний індекс, КВШ — клиноподібний-верхньощелепний шов, ЗВШ — задньовиличний шов, ПОВ ІІ — під орбітний візерунок типу ІІ, ІППШ — індекс поперечного піднебінного шва, НО — надорбітні отвори. В скобках вказано загальна кількість спостережень. * попередні дані. ** величини, враховані В. Моісєєвим за рівнянням регресії. *** (Моисеев 1997; 1999, с. 30; Громов, Моисеев 2004, с. 219).

[16] Погребения с памятников Каиры и Камянка в публикациях ошибочно были датированы XI—XIII и X—XII вв., однако сопутствующий инвентарь этих погребений имеет широкие аналогии исключительно среди находок этапа монгольских завоеваний и господства Золотой Орды — М.К.

Литература
и архивные источники

Адамов А.А. Новосибирское Приобье в X-XIV вв. – Тобольск – Омск, 2000.

Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. — М.: Наука, 1964. — 127 с.

Андриенко А.В. Находки предметов снаряжения верхового коня и всадника (по материалам Троицкого раскопа) // Новгород и Новгородская земля история и археология (материалы научной конференции) Новгород, 24-26 января 2006. – Вып. 20. – Великий Новгород 2006.

Андрух С.И., Тощев Г.Н., Ельников М.В. Отчет об охранных раскопках на могильнике Мамай – Гора у с. В.Знаменка Каменско-Днепровского района Запорожской области в 2000 г. // НА ИА НАНУ ф.е. № 2000/28.

Артамонов М.И. Саркел – Белая Вежа // МИА № 62 / Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.I. – Москва, Ленинград, 1958.

Артамонова О.А. Могильник Саркела – Белой Вежи // МИА № 109. / Труды Волго – Донской археологической экспедиции. Т. III. – Москва – Ленинград, 1963.

Баран В.Д., Чайка Р.М. Давньоруське поселення Бовшів II на Подністров'ї // Археологія. – Вип. 7. – К., 1972.

Бауло А.В., Маршак Б.И., Федорова Н.В. Серебряные блюда с реки Войкар // Археология, этнография и антропология Евразии. №2. (18) – Новосибирск 2004.

Бессонова С.С., Черных Л.А., Куприй С.А. Курганы у с. Филатовка // Курганы Степного Крыма. – Киев, 1984.

Бєляєв О.С., Молодчикова І.О. Поховання кочівників на р. Орель // Археологія. Вип. 28. – Київ 1978.

Блохин В.Г., Дьяченко А.Н., Скрипкин А.С. Средневековые рыцари Кубани // Материалы и исследования по археологии Кубани. – Вып. 3. – Краснодар 2003.

Бодянський О.В. Знахідки епохи Київської Русі у Надпоріжжі // Середні віки на Україні. – Київ, 1971.

Болдин Я.И. О решетчатых гробовищах в погребениях поздних кочевников Юга Украины // Открытия молодых археологов Украины. – Ч. 2. (Славянская и средневековая археология). – Киев, 1976.

Бондарь Н.Н., Антоненко Г.А., Пиоро И.С., Самойленко Л.Г. Отчет о работе хоздоговорной археологической экспедиции научно-исследовательской части Киевского государственного университета в зонах строительства оросительных систем в Ворошиловградской области в 1982 году // НА ІА НАНУ. Ф. експ. 1982/131.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Реконструкция женских головных уборов из могильника Усть – Эдиган в горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии №1 (17). – Новосибирск, 2004.

Брайчевская Е.А. Летописные данные о древнерусском мужском костюме X-XIII вв. // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. (История и археология). – К., 1985.

Веремійчик О. Дружинні старожитності з поселення Ліскове // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII-X ст. – Чернігів, 2003.

Власенко И.Г. Древнерусский слой городища Мерешовка (по раскопкам 1980 г.) // Археологические исследования в Молдавии в 1979-1980 гг. – Кишинев, 1983.

Выезжев Р.И. Раскопки «Малого Городища» летописного Городеска // Краткие сообщения института археологии. Вып. 10. – Киев, 1960.

Гершкович Я.П. Слово про Г.Л. Євдокимова // Археологія. – 2001.

Гершкович Я.П. Спадщина Коркута в половецькому середовищі Північного Причорномор'я // Археологія № 1. – Київ, 2011.

Голубев Л.Э., Сазонов А.А. Погребение воина – кочевника из Прикубанья // Российская

археология. - №4. – Москва 2008.

Гончаров В.К. Райковецкое городище. – К., 1950.

Готун І.А., Сухонос А.М., Казимір О.М. Продовження робіт на селищі Ходосівка-Рославське на Київщині // Археологічні відкриття в Україні 2008 р. – Київ, 2009.

Громов А.В., Моисеев В.Г. Краниоскопия населения Западной и Южной Сибири: География и Хронология. // Расы и народы. Т.30. — М. 2004. — С. 216—249.

Добролюбский А.О. Кочевники Северо-западного Причерноморья в эпоху средневековья. – Киев 1986.

Добролюбский А.О., Островерхов А.С. Парне поховання золотоординського часу на р. Кодима // Археологія Південного Заходу України. – Київ, 1992.

Довженок В.И. Раскопки древнерусских памятников на Роси в 1956 году // Краткие сообщения института археологии. Вып. 8. – Киев, 1959.

Древности Северского Донца / Каталог археологических коллекций. Вып. 2. – Луганск 1992. – 124 с.

Дружинина И.А., Чхаидзе В.Н., Нарожный Е.И. Средневековые Кочевники в Восточном Приазовье. – Армавир-Москва, 2011.

Дудин А.А. К вопросу о функциональном назначении деревянных чаш ранних кочевников степей Восточной Европы (IX – VII вв. до н.э.) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму: Матеріали конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології північного Причорномор'я» (до 110 - річчя з дня народження Б.М. Гракова). – Запоріжжя, 2009. – Том XV.

Евглевский А.В. Погребения золотоордынского времени из раскопок новостроечной экспедиции Донецкого университета // Донецкий археологический сборник. Вып. 1. – Донецк, 1992.

Евглевский А.В. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв. // Археологический альманах №7. – Донецк, 1998.

Евглевский А.В., Кульбака В.К. Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская Балка из Северо-Восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. – Т.3. – Донецк, 2003.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк 2000а.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк 2000б.

Ефимова А.М. Городецкое селище и Болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // МИА № 111. / Труды Куйбышевской археологической экспедиции. – Т. IV. – Москва, 1962.

Завьялов В.И. Археометаллографические исследования железных предметов из могильника у аула Ленинахабль (Адыгея) // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 216. – М., 2004.

Зверуго Я.Г. Древний Волковыск (X-XIV вв.) – Минск, 1975.

Звіздецький Б.А. Південне городище літописного Возвягля: дослідження 1988-1998 рр. // Літописний Возвягль: дослідження 1988-2008 рр. – К., 2008.

Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). – Москва, 1988. – С. 8, 9, 41.

Казаков А.Л., Черненко О.Є. Поховання камерного типу на території Чернігівського Передгороддя // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. (збірка наукових праць). – Коростень, 2008.

Казаков Е.П. О культе коня в средневековых памятниках Евразии // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск. – 1984. – С. – 104.

Литература и архивные источники

Касаткин М.В. Антропологические Скульптурные реконструкции: Каталог коллекции Государственного Биологического музея имени К.А. Тимирязева — М.: 2007. — с. 127.

Квитницкий М.В. Позднекочевнические погребения IV курганной группы с. Ковалёвка // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. – Запоріжжя, 2005.

Квитницкий М.В., Лысенко С.Д., Лысенко С.С. Погребения кочевой знати в могильнике Малополовецкое 3 // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. – К., 2004.

Квітницький М.В. «Свої погані» Фастівської землі // Археологічні пам'ятки Фастівщини: матеріали до археологічної карти Київської області / Науково-інформаційний бюлетень. Прес-музей. - №20-21. – Фастів 2004б.

Квітницький М.В. Торки. Проблема атрибуції поховальних комплексів // Археологія №4. - Київ 2004а. - С. 29, 30.

Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси в IX-XIII вв. / САИ. Вып. Е1-36. – Л., 1973.

Клименко В.Ф., Цымбал В.И. Украшения сбруи коня из половецких курганов Донбасса // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ 2005.

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии IV-IX вв. Пряжки. / САИ. Вып. Е1 – 2. – М., 1979.

Ковалевская В.Б. Северный Кавказ в X-XIII вв. / Степи Евразии в эпоху средневековья. – Москва 1981.

Ковалевский А.П. Книга Ахмед – ибн – Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. – Харьков. – 1956.

Коваленко В., Моця А., Сытый Ю. Археологические исследования Шестовицкого комплекса в 1998-2002 гг. // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII-X ст. – Чернігів, 2003.

Коваленко В., Моця О., Ситий Ю., Скороход В. Дослідження Шестовицького Подолу // Стародавній Іскоростень і слов'янські гради . Т. 1. (збірка наукових праць). – Коростень, 2008.

Ковпаненко Г.Т., Гаврилюк Н.А., Евдокимов Г.Л. Курганы у с. Ковалевка (Группа IV) // Археологічні відкриття в Україні 2003-2004 рр. – Запоріжжя, 2005.

Козак О.Д. Кияни княжої доби. Біоархеологічні студії. – Київ, 2010.

Козинцев А.Г. Этническая краниоскопия расовая изменчивость швов черепа современного человека. — Л., 1988. — 165 с.

Колосов Ю.Г. К вопросу о половецких решетчатых гробовищах // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей). Ч.3. – Херсон, 1990.

Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого // МИА № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции Т. II. – Москва 1959.

Колчин Б.А. Новгородские древности / Деревянные изделия / САИ. Вып. Е1 – 55. – Москва 1968.

Колчин Б.А. Новгородские древности / Резное дерево / САИ. Вып. Е1 – 55. – Москва 1971.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский Сборник (50 лет раскопок Новгорода). – М., 1982.

Кошман В.І. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X-XIII стст. – Мінск, 2008.

Кравцова Н.А. Погребение половчанки у с. Фащевка Луганской области // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. – Луганськ 2005.

Кравченко Э.Е. Памятники оседлого населения XI-XIV вв. в среднем течении Северского Донца // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. – Донецк, 2000.

Красильников Древнее камнерезное искусство Луганщины. – Луганск 1999.

Круц С.И. Антропологическая характеристика ногайцев XVI-XVIII вв. Приложение //

Материалы по изучению историко-культурного наследия северного Кавказа. Вып. IV. М.: 2003. С. 206-239.

Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Нечитайло А.Л., Симоненко А.В., Шилов Ю.А., Куприй С.А., Ковалев Н.В., Амирханов А.Ш., Боталов С.Г., Лысенко Г.И., Толкачев Ю.И., Ян С.А. Отчет о раскопках Херсонской археологической экспедиции ИА АН УССР в зоне строительства Каховской оросительной системы в 1984 г. в Херсонской и Запорожской областях // НА ІА НАНУ Ф. експ. 1984/11.

Кузнецов В.А. Исследования Змейского катакомбного могильника в 1958 г. // МИА № 114. / Средневековые памятники Северной Осетии (Труды Северо – Кавказкой экспедиции 1958-1960 гг. Том II). – Москва, 1963.

Кулаков В.И. Древности Пруссов VI-XIII вв. / САИ. Вып. Г1-9. – Москва 1990.

Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X-XIV вв. / САИ. Вып. Е3-18. – Москва 1983.

Лагутин А.Б. Погребение средневекового кочевника у села Прибрежное в Северо-Западном Крыму // Российская археология. № 3. – Москва 1998.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Курганы у с. Рясное (Матвеево – Курганский район, Ростовская область, раскопки 1988 г.). – Ростов-на-Дону, 1993.

Литвинова Л.В. Населення Нижнього Подніпров'я 12 – початку 15 ст. К.: 2012. 207 с.

Литвинова Л.В. Палеоантропологический материал из грунтового могильника Мамай Сурка (исследования 1993—1994 гг.) // Ельников М.В. Средневековый могильник Мамай Сурка (по материалам исследований 1993—1994 гг.). – Том II. – Запорожье: 2006. – С. 298—354.

Литвинова Л.В. Палеоантропологический материал из средневекового могильника Мамай Сурка // Запорозьке козацтво в пам'ятках історії і культури. Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції. Секція I, II. - Запоріжжя, 1997. — С.31—36.

Літописні оповіді про похід князя Ігоря / Упорядкування, текстологічне дослідження та переклади В.Ю. Франчук. – Київ «Наукова думка» 1988.

Лысенко С.Д., Лысенко С.С., Квитницкий М.В. Исследования на могильнике Малополовецкое-3 в 2004 г. // Археологічні дослідження в Україні 2003-2004 рр. – Запоріжжя 2005.

Лысенко С.Д., Шкляревский Е.И., Квитницкий М.В., Черновол Д.К. Материалы Фастовской археологической экспедиции. Вып. 1: Многослойное поселение Кощеевка-8. – Киев-Фастов, 2012.

Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладоги // Археологический сборник. Вып. 10. / Материалы и исследования по археологии СССР. – Ленинград, 1968.

Мажитов Н.А. Южный Урал в XII-XIV вв. – М., 1977.

Мазуров А.Б. Древнейший некрополь Коломны XII века // КСИА Вып. 216. – Москва, 2004.

Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. (Славянские древности). – Ленинград, 1962.

Макушников О.А. Моховский курган 77 (к вопросу о «кривичском присутствии» на юго-востоке Беларуси в период становления государственности) // Археалогія эпохі сярэднявечча. Да 80-годдзя з дня нараджэння Г.В. Штыхава / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 15.

Мальм В.А. Фехнер М.В. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской Земли. – Москва 1974.

Медведев А.Ф. Оружие Новгорода Великого // МИА № 65 / Труды Новгородской археологической экспедиции Т. II. – Москва 1959. - С. 183, 192.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел) VIII-XIV вв. / САИ. Вып. – Москва 1966. – С. 20. (таб. 7/7).

Литература и архивные источники

Медведев М., Пескова А. Геральдическая накладка из раскопок М.К. Каргера на городище у с. Городище близ Шепетовки (к вопросу о времени гибели поселения) // Наукові записки з української історії: Збірник наукових статей. – Вип. 20. – Переяслав-Хмельницький, 2008.

Мезенцева Г.Г., Прилипко Я.П. Давньоруський могильник Бєлгорода Київського (Дослідження 1974-1976 рр.) // Археологія. Вип. 35. – Київ 1980.

Могильник Поваровка. X-XIII вв. (Калининградская область). Материалы охранных археологических исследований. Т. 8. / Г.Н. Пронин, М.Е. Смирнова, Т.Н. Мишина, В.В. Новиков. - М., Таус, 2006.

Мозаїки та фрески Софії Київської (фотоальбом). Автор упорядник І.Ф. Тоцька. – Київ 1975.

Молодин В.И. Погребальный комплекс Пазырыкской культуры Верх-Кальджин I и проблема современного потепления климата // Археология, этнография и антропология Евразии. №1. – Новосибирск 2000.

Монгайт А.Л. Работа Рязанской археологической экспедиции в 1966-1970 гг. // Археология Рязанской Земли. – Москва 1974.

Моця О.П., Казаков А.Л. Давньоруський Чернігів. – Київ 2011.

Мудрицька В., Сита Л. Борисоглібський скарб 1957 року в зібранні Чергнігівського історичного музею імені В.В. Тарновського. Каталог // Скарбниця Української культури (збірка наукових праць). Вип. 10. – Чернігів, 2007-2008.

Нарожный Е.И. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв Северного Кавказа и Дона // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. – Донецк 2003.

Немеров В.Ф. Воинское снаряжение и оружие Монгольского воина XIII-XIV вв. // Советская археология №2. – Москва, 1987.

Николаев В.С. Кочевники юга Средней Сибири в XII-XIV вв. // Известия Алтайского государственного университета. № 4/2. – Барнаул, 2008.

Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) городище. – Ленинград 1990.

Орлов Р.С. Північнопричорноморський центр художньої металообробки у X-XI ст. // Археологія. Вип. 47. – Київ, 1984. – С. 28-30. (Рис. 4).

Орлов Р.С., Моця О.П., Покас П.М. Исследования летописного Юрьева на Роси и его окрестностей // Земли Южной Руси в IX-XIV вв. (история и археология). Сборник научных трудов. – Киев: Наукова думка, 1985.

Отрощенко В.В., Рассамакін Ю.Я. Половецький комплекс Чингульського кургану // Археологія. Вип. 53. – Київ 1986.

Отрощенко В.В., Савовский И.П., Томашевский В.А. Курганная группа Рясные могилы у с. Балки // Курганные могильники Рясные могилы и Носаки (предварительная публикация). – К., 1977.

Пачкова С.П. Давньоруське городище Гринчук на Дністрі // Археологія. – Вип. 32. – Київ 1979.

Петрашенко В.А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). – Киев 2005.

Пилипенко С.А. Береста в мировоззрении хантов // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем Материалы Всероссийской (с международным участием) 43-й археолого-этнографической конференции молодых ученых. – Томск, 2003.

Плетнева С.А. Древности Черных клобуков // САИ. – 1973. – Вып. Е1 – 9. - С. 20 (Таб. 5).

Плетнева С.А. Кочевники Восточноевропейских степей в X-XIII вв. / Степи Евразии в эпоху средневековья. – Москва 1981.

Плетнева С.А. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // МИА № 109 / Труды Волго – Донской археологической экспедиции Т. III. – Москва – Ленинград, 1963.

Плетнева С.А. Печенеги, Торки и Половцы в Южнорусских степях // МИА № 62 / Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.I. – Москва, Ленинград, 1958.

Плетнева С.А. Половцы. – Москва, 1990.

Поветкин В.И. Бубенчики-звонцы в древнем Новгороде (применение, способы производства, типология и хронология) // Российская археология. № 2. – Москва 2009.

Поздняков Д.В. Антропологическая характеристика населения Верхнего Приобья первой половины II тыс. н.э. / Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). – Новосибирск, 2008.

Полубояринова М.Д. Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // Советская археология №2. – Москва, 1986. – С. 258.

Полякова О.А., Полидович Ю.Б. курганы у с. Ивано-Дарьевка (бассейн Бахмута, Северо-Западный Донбасс) // Археологический альманах № 14 (Курганы Донбасса). – Донецк 2004.

Попандопуло З.Х. Исследования грунтового могильника эпохи раннего железа у с. Скельки // Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр. – К., 2004.

Попудренко М.А. Стародавні знахідки з Чернігова // Археологія. – Вип. 16. – К., 1975.

Посредников В.А., Кравец Д.П., Ткачев Н.И. Из дневников раскопок курганов у с. Великое Орехово (Донецкий кряж, срубное и позднеполовецкое время) // Донецкий археологический сборник. Вып. 5. – Донецк 1994.

Потемкина Т.М. Половецкие погребения с шейной гривной: социокультурный аспект // Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей. Кн. 19 / Головний редактор та упорядник – З.Г.Лихолобова, д.і.н., проф. – Донецьк, ДонНУ, 2010.

Привалова О.Я. Курганы бассейна Мокрой Волновахи (северо-восточное Приазовье) // Археологический альманах № 14 (Курганы Донбасса). – Донецк 2004.

Прищепа Б.А. Жорнівське городище на річці Стублі // Археологічні дослідження, проведені на території України протягом 80-х років державними органами охорони пам'яток та музеями республіки. Тематичний збірник наукових праць. – К., 1992.

Прищепа Б.А., Нікольченко Ю.М. Літописний Дорогобуж. – Рівне 1996.

Прокопенко Ю.А., Лубова С.Ф. Культурные контакты и караванная торговля по Северо-Кавказскому Балто-Донскому пути в IX – нач. XIII вв. // Вестник Ставропольского университета. (59) 2008.

ПСРЛ. Т. 38. Радзивиловская летопись. – Ленинград, 1989.

Рассамакин Ю.Я. Погребение знатного кочевника на реке Молочной: опыт реконструкции вещевого комплекса // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. – Донецк 2003.

Ратич О.О. Літописний Звенигород // Археологія. Вип. 12. – Київ 1973.

Росляков С.Г. Курганный могильник Санаторный-1 и вопросы этнокультурной интерпретации памятников развитого средневековья Верхнего Приобья // Археология, этнография и антропология Евразии №4 (24). – Новосибирск, 2005.

Рябцева С.С. Украшения головных уборов XIII-XVI вв. в Карпато-Дунайском регионе // STRATUM+ №6 (2003-2004). – Санкт – Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест, 2005.

Савенко С.Н. Еще один интересный набор всадних предметов средины XI – первой половины XII в. н.э. из Колосовки в фондах Ставропольского государственного музея-заповедника // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. – Краснодар, 2009.

Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // Советская Этнография № 1. – Москва 1977.

Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (Басандайская культура). – Новосибирск, 2008.

Савовський І.П. Поховання кочівника XII ст. поблизу с. Балки Запорізької області // Археологія. - Вип. 30. – К., 1979.

Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ. – Київ 1991.

Свистун Г.Е. Новый кремационный могильник на территории Яугуево – Бабчанского лесничества // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження; збірник

наукових праць, присвячених проблемам та перспективам салтовознавства, за матеріалами Міжнародної наукової конференції «XVI Слобожанські читання» / упорядник Г.Є. Свистун. – Х.; Видавець Савчук О.О.; ОКЗ «Харківський науково-методичний центр охорони культурної спадщини», Харьків, 2012. – 148 с.

Сергєєва М.С. Косторізна справа у Стародавньому Києві. – Київ, 2011.

Скворцов К.Н. Могильник Митино V-XIV вв. (Калининградская область). Часть первая. Т. 15. – Москва 2010.

Склярова Е.К. Стеклянные бусы Мякининской группы // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Выпуск 4. – Москва: Институт археологии РАН, 2008.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА № 60 / Древности Нижнего Поволжья. Т.I.

Сорокин С.С. Железные изделия Саркела – Белой Вежи // МИА № 75. – Труды Волго – Донской археологической экспедиции. Т. II. – М.-Л., 1959.

Стародубцев Г.Ю. Находки лазуритовых подвесок на Гочевском археологическом комплексе // Археология Восточно – Европейской степи. Вып. 5. – Саратов, 2007.

Табалдиев К., Солтобаев О. Предметы вооружения из погребений Центрального Тянь-Шаня // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.

Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). – Барнаул, 2009.

Толочко П.П. Київська Русь. – Київ 1996.

Толочко П.П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. – Киев, 1999.

Томашевич Т.В. Закономерности распределения частот надглазничных каналов черепа человека // Вопросы Антропологии. Вып. 80. 1988 — С. 119—128.

Федоров Г.Б. Работы Прутско-Днестровской экспедиции // Краткие сообщения института археологии. Вып. 81. – Москва, 1960.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью Золотоордынских ханов. – Москва, 1966.

Флёрова В.Е. (Нахапетян) Костяные детали луков, колчанов и налучий Белой Вежи // Степи Европы в эпоху средневековья. - Донецк, 2000.

Фурманська А.І. Курган біля с. Долини // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. VIII. (Розкопки курганів на р. Молочній в 1951-1952 роках). – Київ, 1960.

Халикова Е.А. Больше – Тиганский могильник // Советская археология. №2. – Москва, 1976.

Худяков Ю.С. Вооружение Турфанских Уйгуров // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово, 1995.

Худяков Ю.С. Вооружение Центрально-Азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск, 1991.

Худяков Ю.С. Древние Тюрки на Енисее. – Новосибирск, 2004.

Черемисин Д.В. О семантике маскированных рогатых лошадей Пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. №2. (22) – Новосибирск 2005.

Черепанова Е.Н., Щепинский А.А. Погребения поздних кочевников в Степном Крыму // Археологические исследования Средневекового Крыма. – Киев, 1968.

Черненко О. Археологічна колекція Чернігівського історичного музею імені В.В. Тарнавського (1896-1948) / Скарбниця Української культури. Випуск 9. Спецвипуск 1. – Чернігів, 2007.

Чхаидзе В.Н., Дружинина И.А. Средневековые кочевнические погребения в Нижнем Подонье (Курганный могильник Арпачин II). – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Выпуск 11. – Армавир, 2010.

Шалобудов В.Н. Еще раз о находках распрямленных гривен в половецких погребениях

// Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1990.

Шалобудов В.Н. Кочевнические курганы Правобережья Днепра // Проблемы археологии Поднепровья III-I тыс. до н.э. – Днепропетровск, 1984.

Шалобудов В.Н. Парадное седло из кочевнического погребения у села Филия // Проблемы археологии Поднепровья. – Днепропетровск, 1991.

Шалобудов В.Н. Позднекочевнический могильник XIV в. у с. Котовка // Древности Степного Поднепровья (III-I тыс. до н.э.). – Днепропетровск, 1982.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева И.В. Позднекочевнические погребения Приорелья // Степное Поднепровья в бронзовом и раннем железном веках. – Днепропетровск 1981.

Шалобудов В.Н., Кудрявцева Н.В. Кочевнические погребения Среднего Приорелья // Курганы Степного Поднепровья. – Днепропетровск, 1980.

Шалобудов В.Н., Лесничий П.П. Опыт реконструкции позднекочевнических повозок (по материалам половецких погребений Поднепровья) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. – Донецк, 2003. – С. 193-206.

Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. Гривны в погребениях средневековых кочевников // Памятники Бронзового и раннего железного веков Поднепровья. – Днепропетровск 1987. – С. 131, 132.

Шалобудов В.Н., Яремака В.Н. Кочевнические захоронения X-XII вв. на р. Волчьей // Проблемы археологии Поднепровья: Сборник научных трудов. – Вып. 2. – Днепропетровск, 1985. – С. 144-145.

Швецов М.Л. Багате кочівницьке поховання з Донбасу // Археологія. Вип. 13. – Київ 1974.

Швецов М.Л. Котлы из погребений средневековых кочевников // Советская археология №2. – Москва, 1980.

Швецов М.Л. Курганы у с. Самойлово (бассейн Грузского Еланчика, северо-восточное Приазовье) // Археологический альманах. - №14. (Курганы Донбасса). – Донецк, 2004.

Швецов М.Л. Позднекочевническое погребение у с. Смелое на Северском Донце // Советская археология - №1. Москва, 1984.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги (по краниологическим материалам из могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Сб. МАЭ. т. XXXVI, — Л.: 1980. — С. 139—168.

Шекун О.В. Матеріальна культура сільської округи Чернігова // Слов'яно - Руські старожитності Північного Лівобережжя. – Чернігів, 1995.

Шепель Е.А. Антропологическая характеристика кочевников по материалам могильника у с. Пришиб // «Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье» (тезисы докладов) / международный научный семинар. – Донецк 1992.

Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА №60. – Москва, 1959.

Шовкопляс Г.М. Давньоруські кістяні вироби з розкопок В.В. Хвойки // Середні віки на Україні. – Київ 1971.

Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода / МИА №55. Т. I. – Москва 1956.

Щепинский А.А. Отчет о работах Северо-Крымской археологической экспедиции Института археологии АН УРСР в 1972 году // НА ІА НАНУ. – Ф.е. 1972/124.

Biró Adám, Langó Péter, Türk Attila Antal Adatok a Kárpát-Medenctl, agansból faragott íjmarkolat lécek értékeléséhez // Archaeologial Értesítő. 135 kötet. – Budapest 2010.

Djadovo. – Vol. 1. Mediaeval settlement and necropolis (11th-12th century). - Tokyo, 1989.

Eugeniu Sava Necropola tumulară Bălăbani – II // Arheologia Moldovei XIX. – Bucureşti, 1996.

Kozintsev A. Homo. Ethnic epigenetics: A new approach Ethnische Epigenetik: vol. 43/3, — Jena, Nev York, — 1992.

Литература и архивные источники

Lechosław Rauhut Wczesnośredniowieczne cmentarzyska w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu // Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne. T. I. - Wrocław - Warszawa - Kraków – Gdańsk 1974.

Marcin Woloszyn Między Gnieznem, Krakowem a Kijowem. Archeologia o wczesnośredniowiecznych relacjach Polsko-Ruskich i formowaniu Polsko-Ruskiego pogranicza // U źródeł Europy Środkowo-Wschodniej: pogranicze polsko-ukraińskie w perspektywie badań archeologicznych. - Rzeszów 2007.

Viktor Spinei Moldova în secolele XI-XIV. – Bucureşti, 1982.

Вължарова Ж.Н. Славяни и Прабългари (по данни на некрополите от VI-XI в. на територията на България). – София, 1976.

Довдойн Баяр Алтан ургийн язгууртны нэгэн булшийг судалсан нь. – Улаанбаатар хот, 2000.

Небојша Станојев Некрополе X-XV века у Војводини. – Нови Сад, 1989.

Наукове видання

Братченко С.Н., Квітницький М.В., Швецов М.Л.
К 75 Кочовики розвинутого середньовіччя на Сіверському Дінці. (за матеріалами досліджень 1978 р. Донецької експедиції Інституту археології). – Київ, 2012. - 150 с., 61 рис.
ISBN 978-966-02-6580-6

Монографію присвячено введенню до наукового обігу 25 кочівницьких комплексів періоду розвинутого середньовіччя досліджених в 1978 році на Правобережжі Сіверського Дінця в межах Словяносербського району Луганської області. Проведено культурно-хронологічну інтерпретацію речових та поховальних комплексів. Розглянуто деталі поховальної практики та проведено узагальнюючу етнокультурну порівняльну характеристику. Зроблено спробу визначити займаєме місце кочової групи в загальній системі половецького суспільства.

Книга розрахована на археологів, істориків, краєзнавців, вчителів, студентів і всіх хто цікавиться історією Українських земель.

УДК 904’15 (477.61) “653”
ББК Т4 (4 Укр–4 Луг) 432. 196-431

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

БРАТЧЕНКО Станіслав Нікіфорович
КВІТНИЦЬКИЙ Максим Валерійович
ШВЕЦОВ Михаїл Львович

КОЧОВИКИ РОЗВИНУТОГО СЕРЕДНЬОВІЧЧЯ НА СІВЕРСЬКОМУ ДІНЦІ

(за матеріалами досліджень 1978 р. Донецької експедиції Інституту археології)

Російською мовою
Друкується в авторській редакції

Дизайн і комп’ютерна верстка – *М.В. Квітницького.*
Верстка обкладинки – *С.А. Горбаненка*

Іллюстрації

Рисунки: *Є.М. Зайцева*, *А.М. Смирнов*, *В. Редзюк*, *Є. Соловйова*, *А.Н. Усачук*
Фотографія: *Я.П. Гершкович*, *С.Н. Братченко*, *Ю.В. Долженко*

На лицевой обложке - всадники и лошади из изображений граффити XVII в. на стенах ханского дворцового комплекса в Бахчисарае. (прорисовка М.В. Квитницкого)

На оборотной обложке – сцена стойбища кочевой семьи периода развитого средневековья из изображения петроглифа усть-талькинской культуры на горе Манхай, течение р. Куда. (прорисовка П.П. Хороших, подано по В.С. Николаев 2008)

Підписано до друку Формат 60 х 84 /8
Папір офс. Друк офс.
Ум. друк. арк. 11,5.